

ISSN 2225-5346

СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2018

Том 9

№ 2

Семиотика вербального образа

Специальный выпуск

Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2018

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2018
Том 9
№ 2

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2018.
124 с.

Точка зрения авторов
может не совпадать
с мнением учредителя

Издание
зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации
СМИ ПИ
№ ФС77-46308
от 26 августа 2011 г.

Редакционная коллегия

Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — главный редактор; *Алексей Николаевич Черняков*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный редактор; *Наталья Сергеевна Автономова*, доктор философских наук, Институт философии РАН (Россия); *Наталья Михайловна Азарова*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН (Россия); *Томас Венцлова*, профессор, Йельский университет (США); *Димитр Веселинов*, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского (Болгария); *Ив Гамбье*, доктор лингвистики, профессор, Университет Турку (Финляндия); *Игорь Николаевич Данилевский*, доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Вера Ивановна Заботкина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Россия); *Михаил Васильевич Ильин*, доктор политических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Максим Анисимович Кронгауз*, доктор филологических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Александр Васильевич Лавров*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт русской литературы РАН (Россия); *Михаил Лотман*, профессор, Таллинский университет, Тартуский университет (Эстония); *Михаил Андреевич Осадчий*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Россия); *Владимир Александрович Плунгян*, доктор филологических наук, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия); *Джеймс Расселл*, профессор, Гарвардский университет (США), Иерусалимский университет (Израиль); *Игорь Витальевич Силантьев*, доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (Россия); *Игорь Павлович Смирнов*, профессор, Констанцский университет (Германия); *Питер Стайнер*, профессор, Университет Пенсильвании (США); *Григорий Львович Тульчинский*, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Татьяна Валентиновна Цвигун*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Вадим Александрович Чалый*, кандидат философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Ефим Сергеевич Фидря*, кандидат социологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Сергей Львович Фирсов*, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Соредакторы выпуска

Михаил Васильевич Ильин, доктор политических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия)
Иван Владленович Фомин, кандидат политических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Представляем номер</i>	5
<i>Ильин М.В.</i> Образ, облик, эйдос, фигура, паттерн. Как слова помогают распознавать образы, ощущать их, понимать значения и смыслы?	6
<i>Золян С.Т.</i> «...Образ мира, в слове явленный»: Людвиг Витгенштейн и иконолическая семиотика	21
<i>Фомин И.В.</i> О семиотической модели образа	37
<i>Рябчикова Е.Е.</i> Имагология как раздел литературоведческой компаративистики	52
<i>Северская О.И.</i> Образы рая в русской поэзии конца XX века	60
<i>Голубкова Е.Е., Канашина С.В.</i> Семиотическая гибридизация как основа семантики интернет-мемов	69
<i>Проскурина А.В.</i> Лингвокультурный трансфер: миф как мем	80
РУСИСТИКА ЗА РУБЕЖОМ	
<i>Сладкевич Ж.Р.</i> Образ современной России в языке и культуре: тематический номер «Русского обозрения»	87
ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ	
<i>Бельская Е.В.</i> Упоминания имени праотца Авраама в оригинальной литературе Древней Руси XI – XIII веков.	98

CONTENTS

<i>Preface</i>	5
<i>Ilyin M. V.</i> Image, eidos, figura, pattern. How words help to recognize patterns and understand their reference and sense?	6
<i>Zolyan S. T.</i> The Image of the World Revealed In Words: Ludwig Wittgenstein and The Iconic Semiotics.....	21
<i>Fomin I. V.</i> On the Semiotic Model of Image.....	37
<i>Ryachikova E. V.</i> Imagology as a Part of Comparative Literary Studies	52
<i>Severskaya O. I.</i> Images of Paradise in the Russian Poetry of the End of the 20th Century	60
<i>Golubkova E. E., Kanashina S. V.</i> Semiotic Hybridisation as the Basis of Internet Meme Semantics	69
<i>Proskurina A. V.</i> Lingvocultural Transfer: a Myth as a Meme	80

RUSSIAN STUDIES ABROAD

<i>Sladkevich Zh. R.</i> The Image of Contemporary Russia n Language and Culture: the Thematic Issue of «Russian Review»	87
--	----

FIRST ARTICLE

<i>Belskaya E. V.</i> The Name of Prophet Abraham in the Old Russian Literature of XI – XIII centuries	98
--	----

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Тема этого номера — семиотика словесного образа. Избрав эту тему, мы попытались, с одной стороны, обратить внимание на изобразительный потенциал естественного языка, с другой — подчеркнуть значимость иконических форм коммуникации и смыслообразования. Мы рассчитывали на то, что подобный фокус рассмотрения позволит сделать номер по-настоящему мультидисциплинарным, ведь задачи изучения образных конструкций пронизывают самые разные области знаний, а принцип образной репрезентации имеет фундаментальное значение для человеческого познания в целом. Кроме того, напряжение между *речью* и *образом* отсылает к различению двух базовых принципов означивания — символического и иконического, а также к проблематике изучения коммуникации в ее мультимодальном аспекте. Последняя особенно актуальна для БФУ им. И. Канта в контексте задач развития одного из перспективных методологических направлений — социальной семиотики.

Статьи, которые вошли в номер, позволяют познакомиться с тем, как подходят к проблемам изучения образов представители самых разных дисциплин. При разнообразии подходов и поставленных проблем все они демонстрируют глубинную связь символических и иконических характеристик знаков и текстов. Как образы-изображения (картины, фотографии или рисунки), так и образы-метафоры — это комплексные семиотические образования, выполняющие функцию накопления культурного опыта и его передачи.

Вероятно, преобладание этой проблематики обусловлено мощной традицией именно такого использования категории образа, укорененной начиная с Платона. Однако инструментарий современной семиотики и лингвистики позволяет по-новому осветить эту проблему. Мы попытались показать не столько различия между типами знаков, сколько наличие общих семиотических характеристик, позволяющих путем особого рода семиотических трансформаций расширить выразительные возможности используемых знаковых систем. Наряду со статьями об образах в этот выпуск вошли работы о схожих знаковых конструктах — мифах, мемах и символах. Этим редакторы-составители хотели подчеркнуть общность базовых принципов, лежащих в основе такого рода комплексов.

С. Т. Золян, М. В. Ильин, И. В. Фомин

**ОБРАЗ, ОБЛИК, ЭЙДОС, ФИГУРА, ПАТТЕРН.
КАК СЛОВА ПОМОГАЮТ РАСПОЗНАВАТЬ ОБРАЗЫ,
ОЩУЩАТЬ ИХ, ПОНИМАТЬ ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛЫ?**

М. В. Ильин^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

² Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
117997, Россия, Москва, Нахимовский просп., д. 51/21
Поступила в редакцию: 09.02.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-1

В статье рассматриваются процедуры распознавания образов. Используются под- сказки анализа обыденного языка для выяснения того, как когнитивная схема образа соотносится с набором альтернативных этимонов и когнитивных схем в русском и других языках – греческом, латинском, английском, немецком. Отмечается, что сеть соответствий между ними образует обширное концептуальное пространство, связанное с практиками распознавания образов. Развертывается модель распознавания образов путем ее «очищения», упрощения до алгоритмов квантового автомата, а затем «насыщения» за счет усложнения процедур распознавания. Прослеживается переход от обработки внешних «объективных» сигналов через конструирование конфигураций образов к наделению их смыслами и значениями.

Ключевые слова: когнитивная схема, образ, имидж, идея, эйдос, морфа, фигура, распознавание образов, сигнал, автомат, объективность, субъективность, субъектность, интерсубъективность, метретика, морфетика, семиотика.

Кто не слышал выражения *распознавание образов*? Казалось бы, смысл его ясен. Мы все часто беззаботно полагаем, будто нам интуитивно ясно, что такое образ. Что может быть очевиднее и нагляднее процедуры распознавания? Разве мы не используем ее буквально всякий раз, как видим или слышим что-то?

Что может быть проще, яснее и очевиднее?

Однако на английском языке это выражение звучит немного иначе – *pattern recognition*. Если мы внимательно отнесемся к своим словам и выражаемым ими понятиям, то легко убедимся, что слова *образ* и *распознавание*, *pattern* и *recognition* отнюдь не просты и не очевидны. Более того, у них немало синонимов и даже омонимов.

При использовании слова, а точнее соединения звуков в *о-б-р-а-з*, перед нашим мысленным взором могут возникнуть как отдельные чувственные восприятия («за окнами поезда мелькала череда образов»), так и нечто воображаемое, порой даже умозрительное («мне подумалось о том, что соединяет людей, и перед глазами возник образ»). Мы можем подразумевать как распространенные представления («каков

образ Франции у наших соотечественников?»), так и творение писателя или художника («образ Гамлета лично у меня вызывает оторопь»). Мы можем обозначать этими звуками способ деятельности («образ жизни»), сакральное изображение («под образами») и многое другое. На деле одним и тем же звукосочетанием передаются различные смыслы и значения. А, например, в составе наречного вводного сочетания *таким образом* всего лишь маркируются логические и грамматические отношения следствия.

Выяснить, с чем мы фактически сталкиваемся в том или ином случае, — дело лингвистов. Они могут установить с большими или меньшими на то основаниями, где звукосочетания передают омонимичные, но вполне самостоятельные слова, а где отдельные значения и смыслы. В данном случае приведенные выше примеры служат только тому, чтобы подвести нас к основному вопросу статьи. В ней фактически пойдет речь о том, как используемые нами слова и мыслительные конструкции — и образ, и распознавание, и *pattern*, и *recognition*, и *εἶδος*, и *figura*, и *οὐρέμῃ* — позволяют нам вычленять явления, ощущать их облик и фактуру, понимать их значение и смысл.

Характерно, что древние эллины очень рано развели однокоренные, но вполне самостоятельные слова *idéa* и *εἶδος*. Исходно это были даже не отдельные слова, а мужская и женская формы одного слова со значением «вид, облик» (от этимона **weyd-*, см. (Pokorny, 1959, S. 1125)). Потом это первоначальное различие по роду вылилось в разграничение двух философских терминов.

Вот и мы попробуем разводить похоже звучащие слова и сближать непохожие на первый взгляд. Такие манипуляции способны приоткрыть внутреннюю логику вычленения явлений (разделения системы и среды), прояснения их состава и конфигурации, понимания их значения и смысла.

Славянский образ и другие слова

Что же мы распознаем? Ответ, казалось бы, ясен — образы. Однако англоязычные коллеги дадут иной, для них не менее ясный ответ — *patterns*. Процедура во всех случаях практически одна и та же. О ней речь пойдет позже. Пока же займемся словами. Они разные. И дело не только в том, что они принадлежат разным языкам. Мы по-русски могли бы с большим или меньшим успехом заменить слово *образ* на слова *паттерн* (транслитерация английского термина), *облик*, *имидж*, *фигура*, *форма*, *схема*, *конфигурация* и т.п. На других языках, естественно, получились бы иные, но в чем-то похожие ряды. Каждое слово соответствующего набора какие-то стороны явления выделяет и подчеркивает, а какие-то упускает. Давайте вслушаемся в русские слова и попробуем уловить смысловые нюансы.

Образ. Это слово для нас отправное. Чтобы лучше понять его смысл, обратимся к его внутренней форме. Она представлена так называемым этимоном, обобщенной схемой, своего рода прототипом, который ле-

жит в основе происхождения всего набора родственных слов. В нашем случае таким набором будут омонимичные слова: *образ* (картина), *образ* (икона), *образ* (способ) и т.п.; а также *образец*, *образчик*, *образование* — вплоть до глагола *образовывать* и наречия *образно*. К какому же условному источнику их все можно возвести? Это этимон **obrazь*. Он раскрывает схематичный способ получения чего-то путем вырезания. Мы легко разглядим соединение корней *ob-* (вокруг) и *razь* (резание, отсекающий удар). Нечто *вырезанное* стало самостоятельной фигурой и получило имя *образ*². Так можно назвать всякий результат нанесения отсекающего удара — вспомните глаголы *разить* и *поражать* или даже приставку *раз-*.

И слово *образ*, и все его «родичи», и их общий этимон образа насыщены коннотациями вырезания, а также резкого воздействия или разительного выделения, отличия. Коннотации расширяют смысловую охват, а этимоны на дают смыслам и значениям рассыпаться, «стягивают» их к общему центру.

Теперь обратимся к английскому слову *pattern*, поскольку именно оно используется как терминологический эквивалент *образа* в соответствующем английском выражении. В современный английский это слово попало через среднеанглийский из старофранцузского языка. Там *patron* означало и покровитель, и образец, и выкройка в портняжном или ткацком деле. Французское *patron*, в свою очередь, произошло от средневекового латинского слова *patrōnus* — покровитель, заместитель отца.

В начале же цепочки заимствований латинское название отца — *pater*. Это слово состоит из корня *pa-* и суффикса *-ter*. Корень восходит к индоевропейскому этимонум **peh₂-*, который передает идею питания и пастушеской заботы (Pokorny, 1959, S. 787). Суффикс практически совпадает с индоевропейским **-tér*, функциональный смысл которого заключается в выражении грамматической функции деятеля. Скрытые в самой глубине значения питания и пищи порой становятся основными, например в английском слове *food*.

Любопытно, что новоевропейское усвоение латинского слова *patrōnus* привело к тому, что старофранцузское новообразование *patron* со значением образца или выкройки было подхвачено в Нидерландах, Англии и на Пиренеях. Повсюду использовалась радикально новая внутренняя форма инструментального образца-шаблона. Часто соответствующие слова обозначали результат применения шаблона: например, стандартное и тиражируемое изделие для современного огнестрельного оружия, то есть *патрон*. Затем соответствующая внутренняя форма получила еще более абстрактную трактовку схемы, иногда выступая контуром для формирования схем. В английском языке внутренняя форма даже приобрела новое звуковое оформление — *pattern*.

Заслуживает внимания то, что терминологическим эквивалентом русского *распознавания образов*, помимо английского выражения *pattern recognition*, служат также немецкое *Mustererkennung* и голланд-

² Подробнее о слове *образ* и его смыслах см. (Колесов, 2018).

ское *patroonherkenning*. Порой используются два термина или больше. Во французском языке, например, это *reconnaissance de formes* и *reconnaissance de motifs*, а в испанском — *reconocimiento de patrones* или *identificación de figuras*. Нетрудно заметить, что практически всегда используются максимально нейтральные слова, связанные с обозначением образцов, контуров и шаблонов.

Прежде чем перейти к следующим словам, зададимся вопросом. Что могло бы объединять слова с разными этимонами и с разным происхождением? Это когнитивная схема или мыслительная конструкция, которая выступает как общая рамка и одновременно центр тяготения самостоятельных, но близких по смыслу этимонов. О данной когнитивной схеме уместно вспомнить позднее, когда будет завершено обозрение слов и стоящих за ними этимонов, прорисовуется общая картина разных способов концептуализации интересующего нас феномена. Итак, следующее слово почти двойник *образа* — это *облик*.

Облик. Своего рода переходом от *образа* к *облику* могут послужить две строки поэта Евгения Баратынского о его музе: «Но поражен бывает мельком свет ее лица необщим выраженьем». Поражает выражение (два знакомых корня) лица. *Облик* — уже новое слово, новый корень и этимон, а с ними новые смыслы и коннотации. При этом приставка та же — *об*, указывающая, напомним, на окружие, непосредственную оболочку нашего феномена. Перенесем внимание на этот общий момент, на окружение или среду. Именно она является тем, относительно чего определяются, во-первых, нечто вырезанное или выраженное (в случае *образа*) и, во-вторых, нечто отличное своим своеобразием, личностными качествами.

Итак, пара *об-раз* и *об-лик* уже намечает походы к когнитивной схеме. Однако для ее более полного прояснения нужно использовать и более широкий набор этимонов и слов — в том числе необычного, «чуждого» происхождения, например, культурного и исторического. Обратимся к глубокой древности, к античной Элладе.

Идея и эйдос. По своему звучанию эти слова — что по-русски, что по-гречески — сильно отличаются друг от друга. Но, как уже указывалось во введении к статье, в данном случае мы имеем дело с формами мужского и женского рода одного слова, означающего «облик, вид, видимость». Обе формы восходят к индоевропейскому этимону **weyd-* (Pokorny, 1959, S. 1125). Если вслушаться, то легко уловить смысл и узнать наши слова *вид*, *видимость*, *видение*. Лингвистическая реконструкция дает для условного протоиндоевропейского пару **wéydos* и **widéseh₂*. Вероятно, эти формы могли бы звучать как *видея* и *вид*, сохранись различение мужского и женского родов в современном русском языке. Однако у нас осталась лишь форма мужского рода.

Икона. Греческое *икона* — *εἰκών* — восходит к индоевропейскому этимону **weyk-* или даже четырем этимонам-омонимам. Для них Юлиус Покорный выделяет такие основные смыслы: особенный и необычный; сильный, способный нечто совершать; похожий; а также изменчивый и

обманчивый (Pokorny, 1959, S. 1128–1129). Возможно, что исходно все эти значения выросли из связи наделяющего силой разделения и подобия. Собственно же икона отчетливо связана с третьим значением.

Форма и морфа. Эти два слова звучат очень похоже. Возникает впечатление, будто они образованы путем перестановки слогов и звуков (см.: Forma; Original meaning of form). На деле же их происхождение совершенно разное. Латинская *forma* восходит к индоевропейскому корню **d^her-*. Исходно он выражал смысл поддержания и сохранения (ср. наше слово *держат*), как прекрасно показал В. Л. Цымбурский в своем блестящем очерке о форме и дхарме (Цымбурский, 1999).

Греческая *μορφή* произошла от индоевропейского корня **mer-* со значением «сияние, сиять», как показывает глагол *μαρμαίρω* – «сиять» (ср. также прилагательное *μαρμαρῆος* и производное от него существительное *μαρμαρῶς* – «сверкающий камень, мрамор»). От этого же индоевропейского корня произошли русские слова *марево*, *мерцать*, *меркнуть*, а также латинское прилагательное *terus* – *чистый* (Pokorny, 1959, S. 734). Добавление к корню **mer-* суффикса **bha* как раз и дало греческую *μορφή*.

Контраст смыслов и в данном случае, и в предыдущем примере с иконой совершенно естественен. Это так называемая энантиосемия – контрастное единство противоположных смыслов. Например, слова *блестящий*, *блеклый* и *бледный* авторитетнейший этимолог Юлиус Покорный возводит к корню **bhlēi* (Pokorny, 1959, S. 156–157, 160). Выделенность на общем фоне может строиться на разных принципах и на разных контрастах – блестящего на блеклом или блеклого на блестящем.

Имидж. Исходно это транслитерированное слово обрело самостоятельную жизнь, как и подобные слова в других языках. Сейчас именно оно стало, очевидно, наиболее ярким выражением одной из технических трактовок образа.

В английский язык это слово проникло еще в XIV столетии из старофранцузского, а исходным источником была латынь. Относительно происхождения латинского слова *imāgō* (*копия, сходство, образ*) высказывается множество поверхностных суждений (Симонова, 2012, с. 4–16). Среди них есть и попытки связать происхождение слова с магией. Совершенно фантастические трактовки распространяет сайт с громким названием «Энциклопедия латиниста» (<http://littera.listbb.ru/viewtopic.php?f=74&t=1600>). Как бы то ни было, можно признать, что интересующее нас слово через общеиталийский этимон **imāgō* связано с индоевропейским корнем **im-*. К нему же восходят широко распространенные в русском и других языках слова *имитировать* и *имитация*.

Новые европейские концептные истории, вытекающие из латинского этимона, воспроизводят его на свои лады и тем самым акцентируют восприятие образа-имиджа как копии и как замены. По мере их развертывания смысловые моменты тиражирования и воспроизводства становятся все более и более ощутимыми.

В староанглийском языке зафиксировано произошедшее из того же этимона **it* слово *efen*, а также его варианты *efn* и *etn*. В среднеанглийском они слились в одно звукосочетание, похожее на современное, — *even*. Разброс смыслов был, впрочем, гораздо шире нынешнего. Фактически за ним стояла группа омонимов, обозначающих качества равенства, подобия, справедливости, беспристрастности и даже истинности, а также значения, связанные с словами *уровень* и *плоскость*. В конечном счете общие в своих истоках слова — исконно германское и романское — разошлись. Современное английское ухо уже не улавливает связь между *even* и *image*, хотя в обоих случаях исконный образ (метафора) и когнитивная схема разделения на равные или подобные копии вполне отчетливо просматриваются.

Схема. Это слово является транслитерацией древнегреческого источника *οὐμίᾱ*). Его можно рассматривать как еще один аналог образу. Внутренняя форма этого греческого слова образована соединением корня *ἔχ*, представленного в глаголе *ἔχω* (я имею), и суффикса *-ια*, указывающего на проявление и результат действия.

Глагол восходит к индоевропейскому этимону **seǵʰ-* (Pokorny, 1959, S. 888). Его смысл реконструируется не просто как обладание, а как схватывание и удерживание. В русском и других новых языках этот корень по большей части не сохранился, хотя читатели легко узнают его в немецком слове *Sieg* (победа, то есть то, что завоевано и удерживается). Что же касается суффикса, то он в русском сохранился в словах типа *пламя* и *пламень*, *знамя* и *знаменье*, а также в заимствованиях из латыни: *инструмент*, *аргумент*, *монумент*. Получается, что исходная когнитивная схема самого слова *схема* предполагает процесс схватывая и его результат, что-то типа *схватменье*, если пофантазировать.

Фигура (figura). Данное слово образовано из индоевропейского этимона **dʰeyǵʰ-*, смысл которого обычно связывают с процессами формирования и лепки. Мы склонны ассоциировать фигуру с легким контуром, хотя для наших далеких предков определяющими были коннотации весьма осязаемой лепки, отчетливо материально проявленной. Это была прежде всего лепка из глины или чего-то подобного. В русском языке от данного индоевропейского этимона произошли слова *здание*, *созидание*, *зодчий* и т. п.

Тип. Русское слово *тип* — результат длинной череды заимствований: через латинское *typus* (образ, форма, разновидность), а затем через французское *type* (оттиск, форма, тип). Свое происхождение эти слова ведут от индоевропейского этимона **(s)tew-* (*толкать*, *бить*, *топтать*). В русском языке примерами производных стали слова *топтать*, *топот* и даже *топор*. Легко можно заметить, что и тут очевидны прямые аналогии когнитивной схемы образа, связанной с «вырубанием» из некоего фона.

Очищенная когнитивная схема распознавания

В сделанном выше обзоре слов, так или иначе связанных с нашими представлениями об образах, устанавливались различия между сходными по звучанию формами, выявлялись сходства между совершенно

разными, казалось бы, по звучанию словами. Практически во всех случаях проявились условия и образ жизни создавших их людей. Греки множили визуально и пластически ощутимые версии представлений об образах. Римляне сосредотачивались на инструментальном их воспроизведении. В свою очередь славяне и германцы оттолкнулись от представления о резком, даже силовом вычленении образов, но дали ряд расходящихся версий результатов этого вычленения. Иными словами, даже на уровне когнитивных схем особенности и своеобычность культурно-языковых традиций сказываются вполне отчетливо.

Предпринятый обзор показал существование различных этимонов и исходных метафор. Все они, однако, прямо или косвенно подводили к общему мыслительному действию: вычленению явлений из их окружения, различению некоей системы и ее среды. Возникает искушение сделать радикальный шаг по очищению выявленных когнитивных схем и получить предельно чистую версию. Но подобное очищение дает сравнительно бедный результат, слишком грубую схему. К тому же условно нейтральные и потому «чистые» для моего уха термины *явление, выделение, среда* кому-то могут показаться все-таки насыщенными ассоциациями и дающими основание оспорить чистоту полученного результата.

Хотелось бы добиться большего, добраться до самого предела очищения образа и его когнитивной схемы. Но при столь радикальном решении от *образа* останется лишь его контур. Не рискуем ли мы полностью утратить содержание? Да, опасность есть, но возможны и научно корректные решения. Можно было бы испытать два подхода к решению задачи радикального очищения.

Первый подход состоит в исключении содержания (content) и сохранении одного лишь его формального выражения (expression). Второй подход ориентирован на замену живого и сознательного агента, человека его «двойником», искусственным устройством.

Первый подход. Такое решение возможно благодаря гениальному открытию Луи Ельмслева, которые ввел различение и формальное разделение плана содержания и плана выражения. Эти два аспекта не просто связаны, но во многом изоморфны: иначе единицы выражения не получали бы содержания, а единицы содержания — выражения. Мы оказываемся способны аналитически выделить каждый из планов, то есть как бы очистить содержание от выражения и наоборот — выражение от содержания. Выделение планов содержания и выражения делает их относительно автономными. Некоторые элементарные единицы одного плана оказываются несоотносимыми с элементами другого. Их отличает *неконформальность*. Подобные неконформальные элементы Ельмслев трактует как *фигуры* выражения и содержания. Фигуры тем самым фактически очищаются от всех проявлений противоположного плана. Получается, что они стремятся либо к бессодержательности выражения, либо к бесформенности содержания. У нас появляется способность помыслить бессодержательность фигур, или предельную очищенность образов, слов и знаков — правда, лишь на уровне абстрактного, умозрительного рассмотрения человеческой коммуникации и семиотических систем.

Однако полной утраты не происходит. Сохраняющаяся изоморфность планов всегда оставляет возможность для обратного насыщения. Более того, неконформность фигур способна эффективно послужить свободному развертыванию сохранившихся очагов изоморфности в череду все более и более богатых копий.

Второй подход. Вытекающее из него принципиальное решение связано, напомним, с устранением человека, а точнее — с его заменой неким инструментальным устройством или даже автоматом³. Подобные инструменты настроены на выделение неких объектов и явлений из их среды. Подобного рода устройства и процедуры широко используются в информатике и в сопряженных с ней областях знания. В других языках используются иные эквиваленты выражения *распознавание образов*: *pattern recognition* (англ.), *Mustererkennung* (нем.), *patroonherkenning* (нид.), *reconnaissance de formes* и *reconnaissance de motifs* (фр.), *reconocimiento de patrones* или *identificación de figuras* (исп.) и т.п. Как уже отмечалось, предпочтение отдается техническим терминам, обозначающим контуры, шаблоны, конфигурации и образцы.

Что же может представлять собой предельно упрощенное распознающее устройство? Это, напомним, могут быть автоматы или операционная программа распознавания. На языке теории автоматов — это *конечный автомат*. Однако предельного очищения может и не получиться, так как мыслится наличие создавшего конечный автомат человека и практическое использование человеком этого устройства. Можно ли вообразить самодостаточный автомат? Да, это нечто, подобное так называемому квантовому автомату Дэвида Альберта (Albert, 1983; Albert, 1987)⁴. Это автомат, способный производить некоторые измерения себя самого, получая при этом определенное знание, недоступное никакому другому автомату. В принципе, он мог бы быть самодостаточным и не нуждаться в презумпции создания и использования человеком.

Каким бы ни было распознающее устройство — инструментом в руках человека, относительно автономной программой, только созданной и контролируемой людьми, или самодостаточным квантовым автоматом, — его структура и результат распознавания фактически задаются процедурами вычленения искомого феномена в некой среде. Обобщенно это можно представить примерно таким образом. Устройство получает сигналы извне. Эти сигналы группируются на основании неких критериев и признаков. Как и кто задает соответствующую программу отбора и группировки данных, не особенно важно, хотя идеально было бы, если бы автомат задавал себе программу самостоятельно. Важен алгоритм распознавания. Группировка относится к некоему

³ В данном случае под автоматом понимается математическая программа, которая преобразует дискретную информацию по шагам в дискретные моменты времени и формирует результат по шагам заданного алгоритма.

⁴ Я благодарен Артему Валериановичу Юрову за то, что он привлек мое внимание к квантовым автоматам Дэвида Альберта и разъяснил принципы их функционирования.

классу и помещается в соответствующий «контейнер». «Контейнеру» и содержащимся в нем группировкам признаков и качеств сигналов присваивается название. Фактически это технический маркер, который обычно именуют *лейблом*, или *токеном*.

Подобная структура напоминает трехчленное устройство знака, однако состав частей там немного иной. Процедура начинается с приписывания метки (*assignment of a label*) определенной входящей величине (*inputvalue*), то есть сигналу. Далее метка (токен, лейбл), с одной стороны, маркирует принадлежность сигнала (фактически серий сигналов) к тем или иным классам, а с другой — идентифицирует его качества и свойства. На данном этапе операциональными средствами оценки сигналов являются их измерения.

Каков бы ни был порядок отдельных операций, они обретают смысл и результативность только при условии, что образуют некое целое. Сложение процедур оценки сигналов в общую структуру, их классификация и, наконец, обозначение создают некое подобие энтелехии. Это пока лишь схематичное подобие знака. Вместе с тем уже начинают прорисовываться семиотические параметры распознавания образов — правда, только в их протосемиотическом или досемиотическом проявлениях. Сигнал можно трактовать как самореферентную метку, прото-репрезентамен. Класс и классификация — это некие протозначения; характеристики и признаки — протосмыслы.

Можно представить, как наш автомат сам собой возникает в мире материи и энергии без человека. Он может появиться только в результате каких-то процессов самоорганизации или автопоэзиса. Однако самих по себе автопоэтических возможностей еще недостаточно, чтобы он заработал. Нужна еще и память. Это должна быть не просто «генетическая» память о строительстве самого себя, но и «фенотипическая» память об истории своих взаимодействий со средой. Только при этих условиях могут выделяться ожидаемые или типичные признаки сигналов, создаваться «контейнеры» для их группирования, а также соответствующие метки. И все это в совокупности выступает составными частями энтелехии запоминания. Такая энтелехия может возникнуть благодаря многократному проигрыванию цепочек *признаки — класс — метка, метка — класс — признаки* и т.п. в разных порядках и последовательностях до тех пор, пока их устойчивая рефлексивная (!) связь не закрепится. Вот тут и возникает подобие памяти. А без памяти наше распознающее устройство не сможет заработать. С памятью же (рано или поздно) отдельные сигналы становятся фигурами, а их серии — знаками. Существенно, однако, что при этом возникает взаимодействие между изолированными прежде автоматами. Появляется общение, а с ним субъектность и субъективность. А потом интерсубъективность, полноценная коммуникация и человеческое общество.

После того как очищенная когнитивная схема получена, сложена в общую конфигурацию, мы можем применить ее для обработки сигналов. Однако после ряда использований и автопоэтических «возрождений» полученная схема оказывается способна на большее, чем просто

на черновую обработку сигналов. Теперь уже можно осуществлять их смысловую, или семиотическую, обработку. Происходит нечто подобное соединению двух знаковых систем (Фомин, 2014; 2017).

Следующие циклы использования когнитивной схемы дают набор разнообразных результатов. Тем самым осуществляется своего рода возвращение на круги своя. Возникает череда множасьих рядов многоликих и разноименных образов. Именно она фиксируется в памяти не отдельного самообразовавшегося автомата, а множества человеческих языков и культур.

Три ипостаси распознаваемых образов

После обзора различных вариантов трактовки и перевода выражения *распознавание образов* и слова *образ*, а также после попытки очистить и свести воедино стоящие за ними когнитивные схемы уместно задать вопросы о том, что это дает для оптимизации распознавания образов и нашей исследовательской работы с ними. Разумно пойти противоположным ходом — заменить очищение насыщением.

Существуют различные варианты насыщения пока еще чистой когнитивной схемы работы идеального математического автомата, распознающего объекты окружающей среды. Насыщение модели возможно двумя основными способами, которые зеркальным образом соотносятся с очищением.

Напомню, что первый подход построен на различении планов содержания и выражения. В случае очищения редуцируется, а в идеале удаляется содержание при сохранении его внешнего формального выражения. В этом случае алгоритмы насыщения предполагают приписывание, а затем обогащение содержания для исходной схемы выражения.

Второй подход очищения нацелен на всемерное ослабление субъектности и субъективности, а в пределе — на замену человека искусственным устройством, физическим или интеллектуальным автоматом. В случае насыщения потребуется добавить в операционные алгоритмы как можно больше субъективного и человеческого. Разумеется, результаты также станут более субъективными, а значит, и субъектными, человеческими. Здесь, как и в случае с очищением, предельно мыслимым идеалом является квантовый автомат, который сам начинает насыщать и себя, и результаты своей деятельности по самостоятельно создаваемой и совершенствуемой программе, точнее, по череде программ. Фактически квантовый автомат становится своего рода генератором субъектности и субъективности.

Насыщение «объективной» фактурой и «субъективной человечностью», или субъектностью, взаимосвязано. Одно предполагает другое. Их разделение — чисто условное, аналитическое. Они идут рука об руку. Вместе с тем это различие принципиально важно, так как целостные феномены складываются из своего рода трех ипостасей распознаваемых образов. При консолидации каждой из аналитических ипостасей используются три разные группы аспектов распознавания. Одни связаны с внешней реальностью, с «объективным миром» вокруг нас и вокруг распознающего устройства. Мы — лишь частный случай устройства

или дополнение к нему, пусть и нами же созданному. Другие аспекты связаны с самим устройством распознавания и с нами как его создателями, с «субъектным инструментом». Наконец, есть еще аспекты, которые прямо связаны и даже порождены самими распознаваемыми образами, точнее их «образными» характеристиками, которые являются не чем иным, как конфигурациями, фигурами, обликами, схемами, шаблонами, паттернами (вспомним подсказки разных языков — от русского и английского до греческого и латыни). Первые аспекты, по сути дела, не просто объективные, но и количественные, математические, а точнее, метретические. Вторые — субъективные, содержательные, семиотические. Третьи — конфигуративные, то есть морфологические, а точнее, морфические.

Можно очертить порядок развертывания насыщения на базе уже предложенной схемы в контексте очищения, как это было сделано выше со схемой очищения. Наш автомат или условный индивид воспринимает сигналы из окружающей среды, «объективного мира» с помощью своих сенсориумов. Эти сигналы различаются в зависимости от сенсориума (гравитация, электромагнитное излучение, колебания воздуха, атмосферное давление, влажность и т.п.) и силы сигнала. В результате создается своего рода база данных измеряемой информации (например: свет яркий или тусклый, звук громкий или тихий и т.п.). При этом группировка неких измерений выделяется относительно других измерений.

Пока используются лишь *метретические возможности* (так мы с коллегами их назвали после немалых колебаний⁵). Пробовали говорить о математических процедурах и измерениях, но это слишком сбивало. К тому же далеко не вся математика является вычислительной. Есть топология и другие отрасли математики, которые далеки от чисто измерительных и вычислительных процедур. Отмечу, что А.Ф. Лосев данный аспект именовал аритмологическим, от греческого слова *ἀριθμός* — число как конкретное сущее (Лосев, 1993). Здесь используется индоевропейский этимон **h₂er-* со значением «класть, складывать, приспособливать». От этого этимона произошло огромное количество слов, ставших важными культурными или бытовыми терминами, например: греческие слова *ἀρετή* (*добродетель*) и *ἄρᾱχη* (*наука*), латинские *ordo* (*порядок*) и *ars* (*искусство*), а также русские слова *ряд*, *порядок* и *ярмо*.

В рамках метретических процедур происходит выделение единиц. Это единицы измерения (данные по каждому сигналу). Однако это также данные по целостным комплексам измерений, единицы вычленения, то есть группировки измерений. Последние единицы выявляются из окружения. Это своего рода относительный порядок на фоне относительного хаоса — в измерительном, разумеется, смысле. Иначе можно сказать, что это искомая система и ее среда, но представляющие пока исключительно в виде измеренных сигналов из «объективного мира». У них нет еще ни облика, ни смысла.

⁵ Мы обратились к индоевропейскому этимону **meH₁-*, который передает идею измерения и от которого произошли слова: греческое *μέτρον*, латинское *metrum*, английское *measure*, русское *мера* и т.п.

Одинаковые единицы образуют ряд. От идеальной единицы можно идти вовне и внутрь. Путь вовне включает ряд от единицы до бесконечности; это натуральный ряд чисел. Путь внутрь — от единицы до нуля; это ряд дробей от единицы до нуля. Разумеется, натуральные ряды могут дополняться иррациональными, комплексными и прочими развертками. Естественно, единицы измерения можно складывать и умножать, идя вовне, а единицы выделения — делить, идя внутрь. Тем самым уже на уровне метретической обработки можно получить крайне подробные, разнообразные и обширные данные, а также обобщенные результаты. Однако они не будут исчерпывающими. Необходимым становится подключение других аспектов распознавания образов.

Следом идет формирование образа с помощью подключения морфических аспектов изучения. Что при этом происходит? Установленные различия между измеренными данными феномена и его среды, а также данными отдельных изменений самого феномена позволяют перейти к новому набору процедур. Это установление контрастов и границ, то есть конфигураций разделения феномена и среды. Это также установление вариативности измерений внутри самого феномена — определения его однородности или неоднородности, то есть внутренних конфигураций, структурных и функциональных характеристик распознаваемого образа. Это уже работа по реконструкции форм феномена, которую можно и нужно охарактеризовать как морфологическую, точнее, морфическую.

Работа на этом далеко не закончена. Сигналы замерены и исчислены. Результаты сложены в конфигурации, а они, в свою очередь, вместе с их метретическими параметрами помещены к классификационные ячейки. Создаются таксономии и классификации форм. Наконец, в соответствии с распределением форм им присваиваются лейблы и токены путем использования различных типов маркеров.

Однако ни формы, ни параметры их измерения, ни наборы маркеров еще не обладают никакой значимостью для распознающего автомата или субъекта распознавания, тем более для человека. «Что ему Гекуба, что он Гекубе?» (*What's Hecuba to him, or he to Hecuba...*) — можем сказать мы вслед за шекспировским Гамлетом. Иначе говоря, в чем разница между вчерне распознанными «объективными» аспектами образов? Субъект находит ответ путем сравнения разных «объективных» схем между собой. Положим, он «увидел» облик хищного зверя и вспомнил облик обжигающего огня. Субъект конструирует метафору, которая для него значима. С этой метафорой возникают смыслы и значения опасности, угрозы и т. п. Однако субъект также может сложить «объективные» схемы сорванного плода или пойманной рыбы с обликами запекающего огня. Ему удастся получить смыслы и значения приготовления пищи. «Объективные схемы» превращаются во вполне «субъективные». Последние становятся когнитивными, ментально присвоенными субъектом. После их маркирования и вербализации мысль подкрепляется словом. Слова со шлейфом смыслов и значений венчают длительный и многоплановый процесс распознавания образов. Семиотические аспекты наслаиваются на метретические и морфические. От восприятия внешних сигналов субъект проходит долгий путь к пониманию, а значит, и присвоению образов.

Но дело не завершено. Оно продолжается без конца. Слово, как будто бы занявшее венчающее место в долгой череде трансформаций сигналов в конфигурации, а их — в ментальные конструкции, не остается неизменным результатом. В силу своей субъектности и субъективности слово открывает новые циклы переоценки и переосмысления образов. Мы вновь пускаемся на поиски ясных ощущений, точной меры, отчетливых конфигураций и вразумительных смыслов важных для нас образов. Теперь нам помогают прекрасные инструменты — слова. Они изменчивы, но хорошо настраиваемы. Они озадачивают, но при этом многое подсказывают. Если уметь ими пользоваться, они помогут обогатить наш внутренний мир и улучшить мир вокруг нас.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01536) в ИНИОН РАН.

Список литературы

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 264—389.

Колесов В. В. Суждение о концепте Образ // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин : сб. науч. тр. М., 2018. Вып. 8 (в печати).

Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993.

Симонова И. Ф. Педагогика имиджа. СПб., 2012.

Фомин И. В. Категория образа как средство изучения политической действительности (на примере образа Южной Осетии в российском внешнеполитическом дискурсе) // Символическая политика. М., 2014. №2. С. 40—65.

Фомин И. В. Семиотический фронтир: сквозь глубины веков и границы дисциплин // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин : сб. науч. тр. М., 2017. Вып. 7. С. 25—37.

Цымбурский В. Л. «Причина» и «чудо»: (лат. *causa* и его индоевропейское родство) // Индоевропейское языкознание и классическая филология — III : матер. чтений, посвящ. памяти проф. И. М. Тронского. СПб., 1999. С. 98—101.

Albert D. Z. On quantum-mechanical automata // *Physics Letters A*. 1983. Т. 98, № 5—6. С. 249—252.

Albert D. Z. A Quantum-Mechanical Automation // *Philosophy of science*. 1987. Т. 54, №. 4. С. 577—585.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch ; Bern ; München, 1959.

Об авторе

Михаил Васильевич Ильин, доктор политических наук, профессор, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН, Россия.

E-mail: mikhaililyin48@gmail.com

Для цитирования:

Ильин М. И. Образ, облик, эйдос, фигура, паттерн. Как слова помогают распознавать образы, ощущать их, понимать значения и смыслы? // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №2. С. 6—20. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-1.

IMAGE, EIDOS, FIGURA, PATTERN.
HOW WORDS HELP TO RECOGNIZE PATTERNS
AND UNDERSTAND THEIR REFERENCE AND SENSE?

M. V. Ilyin^{1, 2}

¹ National Research University "Higher School of Economics"

20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia

² Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

51/21 Nahimovskij Ave., Moscow, 117997, Russia

Submitted on February 09, 2018

doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-1

The article explores the process of image recognition. The author analyses everyday language to identify correlations between cognitive patterns of the image and a set of alternative etymons and cognitive patterns in Russian and other languages – Greek, Latin, English, German. Links between them form a vast conceptual space associated with image recognition. The author proposes a pattern of image recognition, which is, in its simplified form, unfolding from a quantum automaton, to its "saturation" due to the complexity of image recognition procedures. The author traces a transition from the processing of external objective signals through the construal of image configurations to the assignment of senses and meaning.

Keywords: cognitive scheme, image, idea, eidos, morph, figure, pattern recognition, signal, automaton, objectivity, subjectivity, intersubjectivity, metretics, morfetics, semiotics.

References

- El'mslev, L., 1960. Prolegomena to the theory of language. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics], 1, pp. 264–389 (in Russ.).
- Losev, A.F., 1993. *Ocherki antichnogo simbolizma i mifologii* [Essays on ancient symbolism and mythology]. Moscow. 959 p. (in Russ.).
- Simonova, I.F., 2012. *Pedagogika imidzha* [Pedagogy of the image]. St. Petersburg. 304 p. (in Russ.).
- Fomin, I.V., 2014. The category of the image as a means of studying political reality (on the example of the image of South Ossetia in Russian foreign policy discourse). *Simvolicheskaya politika* [Symbolic Policy], 2, pp. 40–65 (in Russ.).
- Fomin, I.V., 2017. Semiotic frontier: through the depths of centuries and the boundaries of disciplines. *METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook of works from social science disciplines], 7, pp. 25–37 (in Russ.).
- Tsyburskii, V.L., 1999. "Cause" and "miracle" (Latin causa and its Indo-European kinship). *Pamyati Tronskogo* [In memory of Tronsky], III, pp., 98–101 (in Russ.).
- Albert, D.Z., 1987. A Quantum-Mechanical Automation. *Philosophy of science*. Available at: <https://en.wiktionary.org/wiki/forma#Latin> [Accessed 12 December 2017].
- Albert, D.Z., 1983. Onquantum-mechanical automata. *Physics Letters A*, 98 (5–6), pp. 249–252.
- Pokorny, Julius, 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, München.

The author

Dr Mikhail Ilyin, Professor, National Research University “Higher School of Economics”; Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: mikhaililyin48@gmail.com

To cite this article:

Ilyin M. V. 2018, Image, eidos, figura, pattern. How words help to recognize patterns and understand their reference and sense? *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 2, p. 6–20. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-1.

«...ОБРАЗ МИРА, В СЛОВЕ ЯВЛЕННЫЙ»:
ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН И ИКОНИЧЕСКАЯ СЕМИОТИКА

С. Т. Золян^{1, 2}

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

² Институт философии, социологии и права НАН Армении
375010, Армения, Ереван, ул. Арами, д. 44

Поступила в редакцию 15.04.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-2

Обсуждается возможность альтернативной версии семиотики, в которой процесс семиозиса рассматривается как основанный не на метонимической символизации (за-мещении), когда одно предстает вместо другого, а на метафорической (иконической) репрезентации. Предлагается рассматривать отношение между означаемым и означающим как основанное на иконичности; при этом данное отношение определяется не физическим подобием, а понимается как конструируемое отношение. Отмечается, что основание для такого пересмотра отношения иконичности можно найти в трактате Лессинга «Лаокоон», а сама концепция дана в «Логико-философском трактате» Витгенштейна. Рассматриваются вопросы, связанные с иконической (недискретной) семиотикой, основанной на допустимости изоморфизма между означаемым и означающим.

Ключевые слова: знак, образ, иконичность, Лессинг, Витгенштейн, образная теория языка.

В образной теории языка иконичность понимается как логический изоморфизм между структурами, что позволяет расширить понятие иконичности, так как благодаря использованию вербальных средств денотатом образа может быть не только действительное, но и возможное и даже не-существующее. Тем самым появляется возможность отойти от лежащего в основе семиотики понимания знака как дискретного и символического явления, основанного на условной связи между означаемым и означающим. В качестве основы для альтернативной семиотики может быть принято витгенштейновское понимание базисного знака — как картины, то есть некоей целостной и состоящей из недискретных компонентов структуры, и системы, которая не составляется из заранее заданных знаков-компонентов, а сама формирует внутри- и межтекстовые структуры. Так могут быть описаны тексты, являющиеся знаками, но не состоящие из знаков (например, кинематограф, живопись); и эти тексты сами создают знаки в процессе функционирования. Соответственно возможна семиотика текста, в которой подобные явления можно рассматривать как первичные. Это будет недискретная (не предполагающая расчленение текста на единицы словаря) и/или иконическая семиотика, основанная не на догме об условности связи между означаемым и означающим, а на положении о допускающем различные проявления изоморфизме между ними.

1

Вынесенный в заглавие стих Пастернака (приписанный им доктору Живаго) может служить формулой семиотики, основанной не на метонимической символизации (замещении), когда одно предстает вместо другого, а на метафорической (иконической) репрезентации, причем репрезентируемым оказывается некоторая целокупность (мир), а не композиция, складывающаяся путем прибавления новых компонентов. Такой подход требует переосмысления основных понятий семиотики, начиная с самых основных — знака и знаковой системы². Начнем с тривиальных тавтологий. Семиотика — это теория знаковых систем. Знаковая система — это система знаков. Однако выясняется, что возможны знаковые системы, в которых нет знаков как исходно заданных единиц алфавита (например, кинематограф, живопись, архитектура). Ранее мы попытались показать, что различные версии семиотики — как Ф. де Соссюра, так и Ч. С. Пирса — основаны на таком понимании знака, которое можно назвать словоцентрическим (Золян, 2013; 2015). В таких семиотических теориях слово выступает как прототипическая сущность, предопределяющая их характер. Но и применительно к лингвистике подобной словоцентрической теории могут быть предложены альтернативы: можно представить лингвистику, развившуюся на основе описания инкорпорирующих языков, в которых выделение слова не может считаться интуитивно очевидной операцией. Однако для лингвистики такое изменение не стало бы критическим: определяя язык как систему знаков, мы не сводим ее к системе слов. Между тем знаковые системы без знаков — уже само по себе звучит как *contradictio in objecto*.

Тем не менее рассмотрим, какой могла бы быть семиотика, если в качестве основной модели знака ее основоположники рассматривали бы не слово, а те случаи, когда выделение знака и знаковой системы далеко не однозначно, если вообще возможно. Например, если бы они основывались на живописи. Отличие между картиной и словом — это не только различие между символическим и иконическим семиозисом, как это представлено в традиционной семиотике. Но для конструирования подобной альтернативной семиотики понятие иконичности (подобия) должно быть рассмотрено иначе, чем чувственно воспринимаемое и/или внешне выражаемое и наблюдаемое подобие.

2

В свое время Лессинг в трактате «Лаокоон» (Лессинг, 1953) поставил вопрос о двух типах семиозиса, двух типах «подражания». Различие между вербальным и изобразительным семиозисами основано не на различии символического и иконического обозначения, а на характере

² Безусловно, в данной цитате пастернаковское «слово» следует понимать как речь, в противном случае, если сосредоточиться на иконичности отдельного слова, проблематика ограничится лишь звуко-символизмом — интересным, но никак не центральным для семиотики феноменом.

манифестации «подражания» — разворачивается ли оно во времени («поэзия»), либо же это симультанная репрезентации в пространстве (живопись и скульптура). В семиотических терминах речь идет о членимости/нечленимости и линейности/нелинейности сообщения, что приводит к принципиально различным принципам семиозиса и внутренней организации сообщения. В одном случае сообщение есть соположенность в пространстве элементов, которые сами по себе могут и не являться знаками. Во втором сообщении организуется как следование знаков во времени. Слово «Пушкин» и портрет Пушкина — не просто различные формы (символическая vs. иконическая) обозначения одного и того же референта, но и различные сообщения. Разумеется, можно вообразить некоторые гибридные формы — скажем, составление портрета-фоторобота, когда изображение строится как синтагматическая последовательность комбинируемых компонентов (которые в данном случае действительно выступают в качестве знаков, элементов некоего алфавита). Однако в целом портрет человека не есть просто комбинация носа, подбородка, глаз и т.п. Между тем слово само членимо на знаки (морфемы) и незначимые элементы (фонемы/звуки) и само является компонентом знака более высокого уровня (словосочетания, предложения).

На это, кстати, было указано еще самим Лессингом, когда он на примерах из Гомера приводил отличия между описаниями «одного и того же» семиотически различными средствами: разрисованный щит Ахилла, гибель Лаокоона и изображающая этот эпизод статуя и др. Рассматривая описания посредством визуальных и вербальных знаков (текстов), Лессинг нащупывает те характеристики, которые не ограничиваются внешним сходством, а носят глубинный характер. Так, словесный знак оказывается действенным, со-творением объекта, а не его описанием. Иконичность вербального знака, в отличие от картины, приобретает динамический характер и воспроизводит подобие не между предметом и его вербальным образом, а может относиться к процессу. В терминах Лессинга — это различие между *живописанием* и *изображением*:

Но я увлекся мелочами и, по-видимому, забыл о щите, о щите Ахилловом, об этой прославленной картине, создатель которой Гомер издавна считается великим учителем живописи. Но щит, могут мне сказать, есть единичный материальный предмет, подробное описание которого, если следовать вашему правилу, не может быть дозволено поэту... На это частное возражение я отвечаю то, что уже ответил на него прежде. Гомер описывает щит не как вещь уже совсем готовую, законченную, но как вещь создающуюся. Следовательно, он и здесь пользуется своим прославленным художественным приемом, а именно: превращает сосуществующее в пространстве в раскрывающееся во времени и из скучного живописания предмета создает живое изображение действия. Мы видим у него не щит, а бога-мастера, делающего щит (Лессинг, 1953, с. 451, 460).

3

Подобный подход может быть развит, что дополнит принятые представления об иконичности. В приводимом Лессингом примере *изображается* именно действие, создание щита: «...из скучного живописания

предмета [Гомер] создает живое изображение действия». Между тем действие, в отличие от предмета, невозможно изобразить, это есть отношение между некоторыми объектами или ситуациями. Иконичность будет пониматься не как изначально существующее подобие между означаемым и означающим, а как операция, как процесс установления подобия.

В свое время Сергеем Вартазаряном было отмечено, что подобие между означаемым и означающим есть семиотический конструкт, а не естественным образом заданное предусловие иконичности:

Иконический знак не есть знак, основанный на *естественном* отношении подобия. Основным признаком его является конструктивность. Не просто отношение подобия между знаком и обозначаемым становится основой для существования иконического знака, но общность структур двух этих предметов... Эта общность еще должна стать предметом особого осознания, более того, отношение общности структур еще должно стать предметом особого конструирования. <...> Не просто общность структур знака и денотата, а общность, *устанавливаемая*, а зачастую и возникающая в практической деятельности субъекта, — в этом естественное основание существования иконического знака (Вартазарян, 1973, с. 114, 116).

«Очищение» отношения подобия от внешне наблюдаемых и чувственно воспринимаемых характеристик приводит к понятию изоморфизма, и при множестве различных пониманий этого термина определяющим для всех них является подобие отношений внутри различных систем элементов, а не самих элементов. Подобие элементов будет лишь частным случаем — как, например, в случае звукоподражания. Частично такое понимание иконичности содержится в ставшей классической статье Романа Jakobsona. Он усматривает отношение иконичности в синтаксисе, где устанавливается подобие не между объектами, а между такими абстрактными сущностями, как отношения. Например, порядок слов в предложении — отношение следования между его членами — есть отражение иерархии, или значимости, объектов, описываемых данным предложением. В этом Роман Jakobson опирается на произведенное Чарльзом Пирсом³ разграничение внутри иконов — на образы и диаграммы:

Теория диаграмм занимает важное место в семиотических исследованиях Пирса; он отдает должное значительным достоинствам диаграмм, вытекающим из того, что они являются «поистине иконическими знаками, естественно аналогичными обозначаемому предмету». Рассмотрение различных множеств диаграмм приводит Пирса к утверждению, что «каждое алгебраическое уравнение является иконическим знаком, поскольку оно представляет с помощью алгебраических знаков (которые сами иконическими не являются) отношения соответствующих количеств». Любая алгебраическая формула оказывается иконическим знаком в силу правил коммутации, ассоциации и дистрибуции символов. Таким образом, «алгебра —

³ Анализ концепции Пирса представлен в этом же выпуске в статье Ивана Фомина (Фомин, 2018) и поэтому нами не рассматривается.

лишь одна из разновидностей диаграммы», а «язык — лишь один из видов алгебры». Пирс отчетливо понимал, что, например, «аранжировка слов в предложении должна служить в качестве иконического знака, чтобы предложение могло быть понято» (Якобсон, 1983, с. 108).

Однако Роман Якобсон стремится лишь расширить традиционное понимание иконичности, не подвергая его радикальному пересмотру. Так, он определяет икон — и в этом случае ссылаясь на Пирса — как основанный на *физическом* подобии: «Действие *иконического знака* основано на фактическом подобии означающего и означаемого, например рисунка какого-то животного и самого животного; первое заменяет второе “просто потому, что оно на него похоже”» (Якобсон 1983, с. 104); сферу действия икона, цитируя Пирса, Якобсон ограничивает прошедшим: «Бытие иконического знака принадлежит прошлому опыту. Он существует только как образ в памяти» (Якобсон, 1983, с. 116) — хотя почему нельзя представить чертеж дома, который будет построен, или фотографию человека, которого мы никогда не видели? По-видимому, Якобсон, опять-таки опираясь на авторитет Пирса, был склонен в некотором смысле дезавуировать само разделение на эти три типа. Ведь если нет чистых типов и все знаки являются одновременно и иконами, и индексами, и символами, различие лишь в степени проявления этих характеристик, а идеальный знак — это знак, в равной мере их совмещающий, то возникает вопрос: а нужна ли сама эта классификация? Однако столь радикальных выводов Роман Якобсон не делает, что вполне правомерно — вопрос не в том, чтобы не замечать различие в отношениях между означаемым и означающим для различных типов знаков, а чтобы найти более адекватные критерии для их выделения.

Между тем, если трактовать иконичность как затрагивающую структуру отношений, а не их материализацию, то изменится сама трихотомия (символ, икон, индекс), основанная на рассмотрении соответствий между наблюдаемыми характеристиками означаемого и означающего:

Поскольку не естественная общность структур, а общность, устанавливаемая самим субъектом знакового поведения, является основанием для существования иконического знака, то сфера возможных общих структур оказывается чрезвычайно широкой. Так, скажем, общность может быть установлена между логической структурой категорического силлогизма и структурой соотношения некоторых геометрических форм. Но этот крайний случай показывает, что отношение иконичности не предполагает никакой мотивированности в смысле Соссюра (Вартазарян, 1973, с. 115).

4

В этой связи имеет смысл прояснить это «очищенное» понятие подобия, обратившись к тому, что можно считать истоком такого понимания. Помимо того, как это сделано в помещенной в данном номере статье Михаила Ильина (Ильин, 2018), под этим углом можно по-новому трактовать хорошо известную семантическую теорию Витген-

штейна и рассмотреть предоставляемые ею возможности для построения особой, иконической версии семиотики, которая будет отличаться от Пирсовского понимания.

Предлагаемая версия лингвистической и семиотической теории будет иметь в качестве прототипических основ не вербальные знаки (слова), а изобразительные (образы/картины). Лишенный «первородства», вербальный знак предстанет в этом случае не как символ, а как производный, как икон второго порядка. Эта теория была предложена в «Трактате» Л. Витгенштейна и получила название образной теории языка (точнее было ее назвать — «картинная» — поскольку в оригинале и в выверенном самим Витгенштейном английском переводе используются “Bild” и “picture”). Может показаться странным, но, несмотря на огромную известность, достаточно очевидное приложение этой теории в семиотике вряд ли можно считать реализованным. Видимо, это связано с укорененностью идущего с античных времен и ставшего основным постулатом Соссюрианской лингвистики и семиотики постулата о условной и немотивированной связи между означаемым и означающим.

4.1

Теория значения Витгенштейна не только не рассматривает слово как прототип знака для всех иных семиотических систем, более того — она отрицает за словом знаковый характер, способность что-либо значить вне контекста предложения:

3.144. ... (Имена подобны точкам, предложения — стрелкам, они имеют смысл.)

3.3. Только предложение имеет смысл; только в контексте предложения имя обладает значением.

3.142. Только факты могут выражать смысл; класс имен этого делать не может.

4.23. Имя выступает в предложении только в контексте элементарного предложения⁴.

Изображение на картине можно разбить на квадратики и на этом основании утверждать, что картина состоит из квадратиков, однако они сами по себе не будут иметь ни самостоятельного значения, ни функции. Аналогично предложение разбивается на слова и в этом отношении состоит из слов, но сами по себе имена не обладают смыслом:

3.141. Предложение не является смесью слов. (Так же, как музыкальная тема не является смесью звуков.) <...>

Как видим, смысл могут иметь только факты и только предложения (об их соотношении — ниже), но не имена или объекты⁵. Разумеется, подобный ригоризм в дальнейшем был значительно ослаблен в кон-

⁴ Здесь и далее цитаты приводятся по (Витгенштейн, 1958), для облегчения сверки с оригиналом и другими переводами приводятся не страницы, а пункты «Трактата».

⁵ Витгенштейн в некоторых случаях приписывает значение и именам, но только при соотношении их с объектами внутри целого: «3.203 A name means an object. The object is its meaning».

цепции позднего Витгенштейна, где значение связано уже не с фактами и предложениями, а с употреблением и правилами языковых игр, — но лишь потому, что чистый иконизм в данном случае осложнен еще и прагматическими факторами и как таковой теряет свое центральное положение (напомним: «"Языковой игрой" я буду называть также единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен» (Витгенштейн, 1958, с. 5).

Поскольку подобие устанавливается (как будет показано ниже) не между объектами, а между отношениями, то для установления подобия между ними требуется некоторая структура, и поэтому имя не может быть образом (как не может быть и символом). В рамках образной теории языка только предложение может выступать знаком, поскольку только в предложении можно выделить некоторую структуру отношений⁶.

В качестве минимального семантического (значимого) элемента в «образной» теории языка рассматривается предложение. Согласно Л. Витгенштейну, предложение есть образ, или изображение мира:

4.01. Предложение — образ действительности. Предложение — модель действительности, как мы ее себе мыслим.

Пропозиция, или предложение, есть репрезентация в знаках-символах языка некоторого «состояния дел», которое может быть представлено (воспринято) как некоторая «картина», «изображение»:

4.012. Очевидно, что предложение формы "aRb" мы воспринимаем как образ. Здесь, очевидно, знак есть подобие обозначаемого.

Даже вторичная буквенная фиксация этой «картины» не снимает исходной иконической («иероглифической») сущности языкового знака:

4.016. Для того чтобы понять сущность предложения, вспомним иероглифическое письмо, изображающее факты, которые оно описывает. И из него, не теряя существа отображения, возникло буквенное письмо.

Возникает примечательная абберрация: буквенное письмо есть «подобие» звучащей речи, а не изображаемых посредством иероглифов «фактов». Но Витгенштейн имеет в виду *сущность репрезентации* (*essence of the representation*), ведь и в буквенной записи предложение представляет некоторое положение дел, а не фонетическую запись, транскрипцию звучащей речи (такая ситуация возможна только в специфических

⁶ Заметим, что лингвистически это не совсем точно: Роман Якобсон справедливо усматривает иконичность в словообразовательной структуре слова, семантика слова в современных лингвистических описаниях предстает как свернутая структура предложения и т.п., то есть слово также есть некоторая структура. Однако это не снимает основного различия между словом и предложением: безотносительно к его этимологии и морфологии слово есть воспроизводимая цельная единица словаря, предложение же — это конструируемое отображение факта.

случаях: фонетические исследования, фонетический диктант для студентов-филологов и т.п., когда означаемым становится не мир и его объекты, а звуки языка). Поэтому «ошибка» Витгенштейна — только кажущаяся, он в самом деле говорит не о формах выражения, а о функциональной сущности. По Витгенштейну, предложение даже в письменной (буквенной) фиксации остается «картиной» и поэтому, как и при иероглифической записи или пиктограмме, именно «показывает» свой смысл (и даже «говорит»), а не «заклучает» или «скрывает» его — в связи с этим его не надо «выявлять»⁷ или же (если воспользоваться другой семиотической метафорой) «расшифровывать», «интерпретировать», «переводить»:

4.022. Предложение показывает свой смысл. Предложение показывает, как обстоит дело, если оно истинно. И оно говорит, что дело обстоит так.

4.2

Структура предложения отображает логическую структуру мира, поэтому подобие, по Витгенштейну, есть не подобие внешнего проявления, а подобие внутренней сущности, структуры. Благодаря чему становится возможным преодоление «символизма» языка, а типографские знаки оказываются «картиной» — именно потому, что они репрезентируют предложение, то есть нечто, обладающее внутренней структурой:

4.011. На первый взгляд, по-видимому, предложение — например, как оно напечатано на бумаге, — не является образом действительности, о которой оно говорит. Но ведь и ноты тоже не кажутся на первый взгляд образом музыки, и наши фонетические знаки (буквы) не кажутся образом нашей устной речи. И все же эти символики даже в обычном смысле слова оказываются образами того, что они изображают.

Не употребляя термин *изоморфизм*, Витгенштейн говорит о внутреннем изобразительном отношении (*pictorial internal relation*):

4.014. Граммофонная пластинка, музыкальная мысль, партитура, звуковые волны — все это стоит друг к другу в том же внутреннем образном отношении, какое существует между языком и миром. Все они имеют общую логическую структуру. <...>

4.0141. В том, что есть общее правило, благодаря которому музыкант может извлекать из партитуры симфонию, благодаря которому можно воспроизвести симфонию из линий на граммофонной пластинке и — по первому правилу — снова воспроизвести партитуру, — в этом заключается внутреннее сходство этих, казалось бы, совершенно различных явлений. И это правило есть закон проекции, который проектирует симфонию в языке нот. Оно есть правило перевода языка нот в язык граммофонной пластинки.

⁷ Напомним, что одной из базисных метафор является представление о языковых выражениях как упаковке, контейнерах для значений: “Linguistic expressions are containers” (Lakoff, Johnson, 1980, p. 10).

В самом деле, лишь с большой натяжкой можно говорить о подобии между нотной записью и бороздками на граммафонной пластинке, тогда как использование понятия «*изоморфизм*» вполне естественно: оно допускает и точную формализацию, и в то же время соотносится с одной из древнейших мифопоэтических и философских традиций относительно глубинного тождества макро- и микрокосма. Однако здесь стоит уточнить: приводимые Витгенштейном примером разнородны, они относятся к различным типам перевода. Так, изоморфизм между нотной записью и ее исполнением — это интерпретация, которая помимо фиксированного кода (соответствие нотных знаков музыкальным звукам) имеет прагматическое измерение, в данном случае личность исполнителя. Между тем преобразование этого исполнения в запись на каком-либо носителе и ее последующее воспроизведение будет иметь уже механический (автоматизированный) характер и определяться техническими параметрами каналов передачи (используемой аппаратуры). Кроме того, прямой «перевод *языка нот в язык граммафонной пластинки*» невозможен, хотя возможно установить соответствия между ними. Как видим, возможны различные типы изоморфизма между данными текстами (ноты, бороздки, последовательность звуковых волн, последовательность электромагнитных колебаний и т.д.), а также различные правила соответствия. Их градация в определенной мере соотносится со степенью релевантности субстанции (плана выражения, физических характеристик текста). Семиотическая значимость физических соответствий, а также строгость и предсказуемость правил соответствия отступают по мере увеличения значимости формы (плана содержания)⁸. Само установление соответствия, деавтоматизируясь, становится центральным компонентом создания значения — это процесс не перекодировки, а со-творения текста (воспользуемся глубокой интуицией Лессинга: исполнитель, в отличие от проигрывателя, воспроизводит нотный текст «*не как вещь уже совсем готовую, законченную, но как вещь создающуюся*»).

4.3

Столь необычный подход к образу требует уточнения: что же тогда изображает *образ*? По Витгенштейну, обозначаемым образом оказывается не объект, а некоторая абстракция, *смысл*. Как это оказывается возможным? Простейший подход (опровергнутый, кстати, еще Лессингом) заключается в том, чтобы «пересказать» картину посредством синонимичного ей предложения. В частных случаях это вполне оправданная процедура: например, нарисованный виноград в некоторых случаях можно свести к субституту символического обозначения («В этой лавке продают виноград»). Однако в целом такой «логоцентризм» резко

⁸ Противопоставление формы и субстанции в данном случае понимается в смысле Ф. де Соссюра: «Язык есть форма, а не субстанция», — что впоследствии было развито в глоссематике Л. Ельмслева.

ограничивает методологический и дескриптивный потенциал семиотики — куда продуктивнее исходить из того, что «нарисованный виноград есть не символ действительного винограда, а кажущийся виноград» (Маркс, 1959, с. 93).

Денотатом знака-икона выступает «кажущееся», что лишь в частном случае может совпасть с фактически существующим (например, в интерпретации картины и фотографии предполагается, что имеет место «действительный», а не кажущийся референт). Это кажущееся и есть «*смысл*» образа — так можно понять мысль Витгенштейна:

2.221. То, что образ изображает, есть его смысл.

При этом, в отличие от марксовского, витгенштейновское понимание образа предполагает его соотнесение с действительностью, почему, помимо *смысла*, и на образ распространяются такие семантические характеристики, как истинность и ложность:

2.222. Истинность или ложность образа состоит в соответствии или несоответствии его смысла действительности.

2.223. Чтобы узнать, истинен или ложен образ, мы должны сравнить его с действительностью.

2.224. Из образа самого по себе нельзя узнать, истинен он или ложен.

Но при этом внимательное чтение показывает, что понятие образа у Витгенштейна соотносимо скорее с возможным, нежели с актуальным положением дел:

2.202. Образ изображает возможные положения вещей в логическом пространстве.

2.203. Образ содержит возможность того положения вещей, которое он изображает.

2.22. Образ изображает то, что он изображает, независимо от своей истинности или ложности, через форму отображения.

Можно заметить: если применительно к предложению Витгенштейн подчеркивает «изобразительные аспекты», то применительно к «картине» — логические. «Перемещение» референта образа из сферы действительного в сферу возможного приводит к его помещению в пространство логического, и подобие редуцируется до чистого отношения внутри некоторой структуры. В отличие от «кажущегося», «наглядность» образа есть не всегда внешне проявляемая репрезентация его логического (формального) изоморфизма с «формой действительности»:

2.11. Образ изображает факты в логическом пространстве, то есть в пространстве существования или несуществования атомарных фактов.

2.18. То, что каждый образ, какой бы формы он ни был, должен иметь общим с действительностью, чтобы он вообще мог ее отображать — правильно или ложно, — есть логическая форма, то есть форма действительности.

2.181. Если форма отображения является логической формой, то образ называется логическим.

2.182. Каждый образ есть *также* логический образ. (Напротив, не каждый образ есть, например, пространственный образ.)

Однако сама эта форма может быть выявлена лишь посредством другого образа:

2.172. Но свою форму отображения образ не может отображать. Он ее обнаруживает.

5

Вышеизложенное, а также и ряд других не затронутых здесь аспектов «изобразительной» («картинной») теории языка требуют дальнейшей углубленной разработки. В первую очередь, это касается рассмотрения тех возражений, которые были выдвинуты в рамках дискуссии об истинности и значении предложений. Представленная в более общем виде, образная теория языка — это лишь в иных терминах сформулированная корреспондентная теория истины и значения: предложение отражает некоторый факт, некоторое положение дел. Этот факт — также есть образ. Но существует ли независимый от языка факт? Ведь «факт» есть не что иное, как сформулированное средствами языка некоторое описание дел, вне языковых средств не выразимое. Тем самым это не соответствие между некоторыми независимыми явлениями (предложением и фактом), а некоторая характеристика самого предложения — оно выделяет некоторое описание в качестве факта. Подобное возражение выдвинуто Питером Стросоном (P. Strawson) и впоследствии было поддержано и развито Джоном Сёрлем (J. Searle, 1995). В частности, в главе «Strawson's objections to the Correspondence Theory» Сёрль отмечает:

Не случайно, что корреспондентная теория истины идут рука об руку с образной теорией значения, теорией, согласно которой предложения имеют то значение, которое они имеют, поскольку они есть конвенционализированные картины фактов. Классическим утверждением этой концепции является *Трактат* Витгенштейна. Эта концепция корреспондентной теории наталкивается на хорошо известные проблемы. Например, даже если имеет смысл представлять тот факт, что кошка находится на коврике как некий комплекс, состоящий из кошки, коврика и отношения между ними, то как быть с фактом, что никакой кошки на коврике нет? Или с тем фактом, что не существует трехголовых кошек? Или с тем фактом, что если бы кошка была на коврике, то собака должна была бы быть на кухне? (Searle, 1995, p. 204) (пер. с англ. наш. — С. 3.).

Действительно, следует особо рассмотреть возможность изобразительных средств для репрезентации отрицательных фактов (хотя Витгенштейн и отрицал само их существование): например, легко представить картину, соответствующую предложению «Кошка на коврике», но как изобразить ситуацию, соответствующую отрицательным или условным предложениям?

Нам кажется, что подобные возражения были бы уместны, если бы понятие образа ограничивалось визуальными характеристиками, — тогда витгенштейновское понимание образности можно было бы распространить на вербальные знаки. В этом случае вербальные знаки предстают продолжением изобразительных — как в вышеприведенном тезисе (4.016) Витгенштейна буквы рассматриваются в качестве расширения иероглифов. Образом соответствующих негативных или модальных фактов становятся соответствующие предложения: «Кошки на коврике нет» или «Будь кошка на коврике, собака была бы на кухне», а не какие-либо картинки.

Хотя сам Витгенштейн постоянно иллюстрирует свои положения примерами изобразительного и пространственного характера, тем не менее в его определении образа он очищает это понятие от *чувственно воспринимаемых* характеристик⁹ и сводит его к формальным (структурным) отношениям. Образом оказывается не только само отображение, но и его форма:

2.15. То, что элементы образа соединяются друг с другом определенным способом, показывает, что так же соединяются друг с другом и вещи. Эта связь элементов образа называется его структурой, а возможность этой структуры — формой отображения этого образа.

2.151. Форма отображения есть возможность того, что предметы соединены друг с другом так же, как элементы образа.

2.1513. Согласно этому взгляду, образу принадлежит также отношение отображения, которое и делает его образом.

Стросон, безусловно, правильно отметил, что понятия «факт» и «предложение» взаимозависимы, но это было очевидно и для Витгенштейна:

2.1. Мы создаем для себя образы фактов.

2.141. Образ есть факт.

Факты и отображающие их образы (в первую очередь, пропозициональные знаки, предложения) обладают общей структурой, это на самом деле не отдельные сущности, а трансформации одного в другого, и здесь уместно воспользоваться метафорой, к которой по достаточно близкому поводу прибег сам Витгенштейн:

4.014. <...> Все они имеют общую логическую структуру. (Как в сказке о двух юношах, их лошадях и их лилиях. Они все в некотором смысле одно и то же.)

⁹ *Чувственно воспринимаемое* у Витгенштейна относится к плану выражения предложения, а его смыслом будет правило отображения, «проекция» — ср.:

3.1. Мысль в предложении выражается чувственно воспринимаемо.

3.11. Мы употребляем чувственно воспринимаемые знаки (звуковые или письменные и т. д.) предложения как проекцию возможного положения вещей. Метод проекции есть мышление смысла предложения.

Как видим, не все то «образ», что может быть нарисовано. Образ может отображать и то, что не существует, и то, что можно считать неким аналогом отрицательных или мнимых чисел. Отношение отсутствия либо контрфактические или кондициональные отношения — также отношения. Естественный язык раздвигает пределы выразительности, позволяя изобразить то, что невозможно изобразить в виде картины.

Безусловно, корреспондентная теория семантики не может охватить весь спектр семантических явлений и должна быть дополнена теориями, связывающими значение с контекстами и правилами употребления. Однако применительно к рассматриваемой проблеме, если придерживаться предложенного Витгенштейном логико-семантического понимания иконичности, вышеприведенные возражения не должны считаться принципиальными.

6

В заключение наметим, какие возможности предоставляет подобное понимание отношения между означаемым и означающим. В первую очередь, это возможность такой лингвистической (семиотической) теории, которая была бы основана не на символическом, а на иконическом понимании языка. Это будет лингвистика и семиотика, где в качестве исходной единицы рассматривается не слово, а предложение (как, например, в различных версиях порождающей лингвистики). В таком случае не живопись, а естественный язык должен был бы рассматриваться как вторичная моделирующая система. Именно так Витгенштейн склонен понимать соотношение между иконом («картиной») и символом (пропозицией, пропозициональным знаком, предложением) — второе есть производное от первого и сохраняет его логическую структуру. В свою очередь, это даст возможность описания таких знаковых систем, в которых нет исходно заданного набора знаков (словаря, алфавита). Подобные системы существуют и хорошо известны (кинематограф, живопись, скульптура), но их описание еще не привело к выработке соответствующего методологического инструментария. Попытки найти «исходные» элементы живописи приводит к таким незначковым объектам, как линии, фигуры или цвет, что было зафиксировано в истории живописи и скульптуры.

Однако, как видим, вполне возможна семиотика, в которой в качестве знака будет выступать некоторый целостный комплекс (образ), который есть одновременно и знак, и сообщение, и структура. При этом на иконические знаки могут распространяться такие характеристики символических знаков, как интенциональность и конвенциональность, а отношение изоморфизма может быть осложнено также каузальным отношением.

Хотя Витгенштейн говорит о предложении/пропозиции, эти идеи вполне могут использоваться в семиотике текста — как описание принципов отображения (подобия), устанавливаемого между миром и текстом. Ведь если говорить об описании положения дел, то очевидно, что это должен быть текст (как некоторое полное описание состояния дел,

конъюнкция атомарных предложений — возможный мир, согласно Рудольфу Карнапу). Введение модальностей также требует введения понятия *комплекса предложений* (вновь упомянем о модельной структуре С. Крипке (Крипке, 1974), естественной языковой репрезентацией которой может быть только упорядоченное в форме текстов множество пропозиций со стратифицированной областью референции). Но для Витгенштейна это не бесконечная или конечная последовательность предложений, а картина мира со всеми предполагаемыми «изобразительными» коннотациями:

3.01. Совокупность всех истинных мыслей есть образ мира (Bild der Welt).

Продолжим: при этом не только мир может описываться посредством текста (текст как картина мира), но и сам выступает как картина самого себя, то есть как текст. Однако эти и другие вопросы требуют особой углубленной проработки. Здесь же нам важно было показать, что возможно отойти от лежащего в основе семиотики понимания знака как дискретного и символического явления, основанного на условной связи между означаемым и означающим. Вполне приемлемо в качестве основы для альтернативной семиотики и витгенштейновское понимание базисного знака как картины, то есть некой целостной и состоящей из недискретных компонентов структуры и системы, которая не составляется из заранее заданных знаков-компонентов, а сама формирует внутри- и межтекстовые структуры. Тексты, которые являются знаками, но не состоят из знаков, — это вовсе не какое-то экстравагантное отклонение, они вполне обычны: продукты кинематографа или живописи не используют готовые знаки из заданного алфавита, а сами создают их в процессе функционирования в качестве текста. Соответственно, возможна семиотика текста, в которой подобные явления рассматриваются как первичные: это будет недискретная (не предполагающая расчленение текста на единицы словаря) и/или иконическая семиотика, основанная не на догме об условности связи между означаемым и означающим, а на положении о допускающем различные проявления изоморфизме между ними.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №18-18-00442, «Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках») в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Калининград).

Список литературы

- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.
Золян С. Т. Текстцентричная семантика и теория перевода // Иностранные языки в высшей школе. 2013. Вып. 2 (25). С. 11 — 18.
Золян С. Т. Между миром и языком: к основаниям семиотики текста // МЕТОД: московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин : сб. науч. тр. Вып. 5: Методы изучения взаимозависимостей в обществоведении / ред. и сост. вып. М. В. Ильин. М., 2015. С. 250 — 265.

Ильин М. В. Образ, облик, эйдос, фигура, паттерн. Как слова помогают распознавать образы, ощущать их, понимать значения и смыслы? // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 2. С. 6–20.

Крипке С. Семантический анализ модальной логики // Фейс Р. Модальная логика. М., 1974. С. 253–303.

Лессинг Г. Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии / пер. Е. Эдельсона // Избранные произведения. М., 1953. С. 385–516.

Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М., 1959. Т. 13. С. 1–167.

Фомин И. В. О семиотической модели образа // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 2. С. 37–51.

Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. М., 1983. С. 102–117.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1980.

Searle J. R. *The Construction of Social Reality*. N. Y., 1995.

Wittgenstein L. *Philosophical investigations*. L., 1958.

Об авторе

Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт философии, социологии и права Национальной академии наук Армении, Армения.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

Для цитирования:

Золян С. Т. «...Образ мира, в слове явленный»: Людвиг Витгенштейн и иконическая семиотика // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 9, № 2. С. 21–36. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-2.

«...THE IMAGE OF THE WORLD REVEALED IN WORDS»: LUDWIG WITTGENSTEIN AND THE ICONIC SEMIOTICS

S. T. Zolyan^{1, 2}

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University

14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

² Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia

44 Arami St., Yerevan, 375010, Armenia

Submitted on April 15, 2018

doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-2

The article discusses an alternative version of semiotics in which the process of semiosis is based not on metonymic symbolization (substitution), when one entity stands for another, but on the metaphorical (iconic) representation. The author suggests considering iconicity as a basis for relating the signifier and the signified. This relation is understood as a construed one rather than something determined by physical similarity. The basis for such a revision of iconicity can be found in Lessing's treatise "Laocoon", and the conception of iconicity is described in Wittgenstein's "Tractatus". In the picture theory of language, iconicity is understood as a logical isomorphism between structures. This allows the author to expand the concept of iconicity – due to the use of verbal means, an image can denote both actual, possible and even non-existent entities. This makes it possible to consider a sign as not only a discrete and symbolic phenomenon based on an arbitrary connection between the signified and the signifier. Alternative semiotics can be based on Wittgenstein's understanding of a sign as a

picture, a holistic structure of non-discrete components and a system, which is not construed from given components. It is a system, which forms intra- and intertextual structures. In this way, it will be possible to describe texts that are signs but do not consist of signs (movies, paintings) and create signs in the process of functioning. Accordingly, one can speak about the semiotics of text, in which such phenomena will be considered as primary ones. This will be a non-discrete and/or iconic semiotics, based not on the dogma of the arbitrary connection between the signified and the signifier, but on various types of isomorphism between them.

Keywords: sign, image, iconicity, Lessing, Wittgenstein, pictorial theory of language.

References

- Vitgenshtein, L., 1958. *Logiko-filosofskii traktat* [Logico-philosophical treatise]. Moscow. 131 p. (in Russ.).
- Zolyan, S.T., 2013. Text-centric semantics and translation theory. *Inostrannyye yazyki v vysshei shkole* [Foreign languages in higher education], 2 (25), pp. 11–18 (in Russ.).
- Zolyan, S.T., 2015. Between the world and the language: To the bases of the semiotics of the text. *METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook of works from social science disciplines], 5, pp. 250–265 (in Russ.).
- Il'in, M.V., 2018. Image, eidos, figura, pattern. How words help to recognize patterns and understand their reference and sense? *Slovo.ru: baltiiskii aktsent* [Slovo.ru: The Baltic accent], 9(2) (in Russ.). doi: 10.5922/2225-5346-2018-2.
- Kripke, S., 1974. Semantic analysis of modal logic. In: R. Feys. *Modal'naya logika* [Modal Logic]. Moscow. pp. 253–303 (in Russ.).
- Lessing, G.E., 1953. Laocoon, or the boundaries of painting and poetry. In: G.E. Lessing. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow. pp. 385–516 (in Russ.).
- Marks, K.K., 1959. To the criticism of political economy. In: K. Marks, F. Engel's. *Sochineniya* [Compositions]. Moscow. 13, pp. 1–167 (in Russ.).
- Fomin, I.V., 2018. On the semiotic model of the image. *Slovo.ru: baltiiskii aktsent* [Slovo.ru: The Baltic accent], 9(2) (in Russ.). doi: 10.5922/2225-5346-2018-2.
- Yakobson, R., 1983. In search of the essence of language. *Semiotika* [Semiotics], pp. 102–117 (in Russ.).
- Lakoff, G., 1980. *Johnson M. Metaphors We Live By*. Chicago. 256 p.
- Searle, John R., 1995. *The Construction of Social Reality*. N. Y. 256 p.
- Wittgenstein, L., 1958. *Philosophical investigations*. London. 592 p.

The author

Dr Suren T. Zolyan, Professor, Institute of the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Leading Researcher, Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia, Armenia.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

To cite this article:

Zolyan S. 2018, «...The Image of the World Revealed In Words»: Ludwig Wittgenstein And The Iconic Semiotics, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 2, p. 21–36. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-2.

О СЕМИОТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ОБРАЗА

И. В. Фомин^{1, 2}

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

² Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук»
117997, Россия, Москва, Нахимовский просп., д. 51/21
Поступила в редакцию 14.10.2017 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-3

Статья посвящена выработке фундаментальной семиотической модели образа на основе категориального аппарата Ч.С. Пирса (рассмотрены понятия Первичности, иконы, гипоиконы и метафоры). С опорой на понятия иконического знака и метафоры предложена общесемиотическая модель образа как комплексной знаковой конструкции (двухуровневой гипоиконы-метафоры), имеющей в качестве своего знакового средства некоторый первичный знак, репрезентирующий в качестве объекта все подобные этому знаку факты действительности (случаи семиозиса) в силу того, что этот первичный знак детерминирует по принципу сходства с ними вторичный, образный интерпретант. Очерчены ключевые функции образа. Обсуждается соотношение категории образа со смежными понятиями.

Ключевые слова: образ, метафора, икона, гипоикона, иконический знак, символ, мем, миф.

Несмотря на кажущуюся доступность и ясность категории образа, ее использование в гуманитарных и общественных науках сопряжено с рядом проблем. В отличие от научнообразно звучащих терминов – таких, например, как *идентичность* или *репрезентация*, – образ кажется чем-то гораздо более «простым», связанным с обыденным языком и потому обманчиво «понятным». Возможно, именно по этой причине практика использования категории образа зачастую оказывается весьма небрежной. Если этому понятию и пытаются дать какое-то внятное определение, то делается это нередко с ориентацией на прикладные задачи исследователя, без систематической проработки фундаментального уровня концептуализации¹.

Такого рода партикулярные определения имеют свои плюсы, поскольку помогают эффективно решать практические исследовательские задачи, связанные с тем, как *анализировать* образы, но мало что проясняют в плане понимания образа как такового. Эти концептуальные инструменты можно было бы отнести к области *специальной* (Lieb, 1975, р. 109), предметно насыщенной семиотики (Ильин, Фомин, 2016; Фомин, 2017). В настоящей статье мы предпримем попытку поставить

¹ См., напр.: (Iversen et al., 1998; Leerssen, 2016).

© Фомин И. В., 2018

задачу иначе. В качестве отправной точки возьмем не частные аналитические задачи и не специфику конкретных предметов изучения (образ страны, образ персонажа, образ социальной группы и т. п.). Мы попробуем выработать фундаментальную дефиницию образа, опираясь на набор базовых семиотических категорий. Это те категории, которые в терминах Чарльза Уильяма Морриса можно было бы отнести к области *чистой* семиотики (Morris, 1938, p. 9) или к области *общей* семиотики — в терминах Ганса-Генриха Либба (Lieb, 1975, p. 109).

Образ как гипоикона

Если обратиться к статьям толковых словарей, то для слова *образ* там можно найти, например, такие определения: «[образ — это] идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека» (Яценко, 1999); «облик, вид, подобие» (Ушаков, 2009); «обобщенное художественное отражение действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления» (Белокурова, 2006); «художественное отражение идей и чувств в звуке, слове, красках и т. п.» (Ушаков, 2009). По большей части эти определения в своей основе отсылают к семам «подобия» или «отражения», и это позволяет предположить, что продуктивным может оказаться подход, в рамках которого категория образа рассматривалась бы через соотнесение с общесемиотической категорией *иконы* в терминах Чарльза Сандерса Пирса. Напомним, что в систематике Пирса *иконическим* называется знак, указывающий на свой объект в силу сходства с ним. Вместе с *индексальными* знаками (знаки в силу смежности) и *символическими* знаками (знаки в силу конвенции) *иконические* знаки образуют, пожалуй, самую известную триаду Пирса, различающую знаки с точки зрения отношений между знаковым средством и объектом (Пирс, 2000, с. 185)².

Для более глубокого понимания того, в чем состоит суть явления *иконичности*, стоит рассмотреть понятие *иконы* в более широком контексте пирсовской феноменологической, или «фанероскопической» (Пирс, 2000, с. 116–117)³, систематики, в основе которой лежит триада базовых «кайнопифагорейских» категорий, различающих следующие фундаментальные модусы сущего.

- *Первичность* (Firstness) — «способ бытия того, что есть таково, каково оно есть, положительно и вне какого-либо отношения (reference) к чему-либо другому».

- *Вторичность* (Secondness) — «способ бытия того, что есть таково, каково оно есть, в отношении ко второму, но безотносительно какого-либо третьего».

² CP 2.247. Здесь и далее в сносках приведены ссылки на конкретные фрагменты из работ Пирса, традиционно приводящиеся по нумерации из изданий «Collected Papers of Charles S. Peirce» (CP) (Peirce, 1931–1958) и «The Essential Peirce» (EP) (Peirce, 1992–1998), а также из каталога рукописей Пирса, составленного Ричардом Робинсом (Robin, 1967) (MS [R]).

³ CP 1.284–286.

• *Третичность* (Thirdness) — «способ бытия того, что есть таково, каково оно есть, соотнося друг с другом второе и третье» (Пирс, 2000, с. 163)⁴.

Именно из категорий Первичности, Вторичности и Третичности Пирс выводит представленную выше классификацию знаков (иконы / индексы / символы) — в зависимости от их *репрезентативных* качеств. Для икон, соответственно, репрезентативным качеством является Первичность:

276. *Икона* это Репрезентамен, чье Репрезентативное Качество есть Первичность его как Первого. Иными словами, то качество, которое она имеет как вещь, делает ее способной быть Репрезентаменом. Так, все, что угодно, способно стать *Субститутом* чего угодно, если оно на него похоже. <...> Знак по Первичности — это образ Объекта, и он, строго говоря, может быть только идеей. Ибо он должен произвести некую Интерпретирующую идею; что же до внешнего объекта, то тот возбуждает идею путем воздействия на мозг. Но, говоря наистрожайшим образом, даже идея, кроме как в смысле возможности, или Первичности, не может быть Иконой. Только возможность является Иконой исключительно в силу своего качества; и ее Объект может быть только Первичностью (Пирс, 2000, с. 201 — 202)⁵.

В чистом виде иконы являются вырожденным случаем семиозиса. В них знаковое средство едва ли отделимо от объекта, на который оно указывает (Peirce, 1934)⁶, и интерпретантом также может быть сам объект (Peirce, 1998, p. 277)⁷. При этом чистые иконы почти не встречаются в нашей жизни сами по себе. Пример особенной ситуации, в которой мы можем столкнуться с чистыми иконами, Пирс описывает так:

Когда мы смотрим на живописное полотно, есть момент, когда мы теряем осознание того, что смотрим на изображение, а не на саму вещь, исчезает различение реальности и копии, наступает момент чистого сновидения, — не какое-то частное существование, и все же не общее. В этот момент мы созерцаем **икону** (Peirce, 1933)⁸.

Несмотря на то что *чистая иконичность* — это достаточно редкое явление, иконические элементы можно обнаружить повсеместно в самых разных знаках⁹, и неважно, каков при этом собственный «способ бытия» данных знаков. Именно в этом состоит смысл различения понятий *иконы* (знака, построенного исключительно по иконическому прин-

⁴ CP 8.328.

⁵ CP 2.276.

⁶ CP 5.74.

⁷ EP 2.277.

⁸ Перевод — автора статьи. В оригинале: «So in contemplating a painting, there is a moment when we lose the consciousness that it is not the thing, the distinction of the real and the copy disappears, and it is for the moment a pure dream — not any particular existence, and yet not general. At that moment we are contemplating an *icon*» (Peirce, 1933, CP 3.362).

⁹ Даже в естественном языке (Яacobсон, 2016).

ципу) и *иконического знака* (знака, функционирующего по принципу подобия). Отличая *иконы* от *иконических знаков*, Пирс предлагал ввести для обозначения последних также специальный термин — *гипоиконы* (Пирс, 2000, с. 202)¹⁰.

Образ как двухуровневый знак

Примерами гипоиконов можно назвать картины, фотографии, видеозаписи, географические карты и многие другие знаки, с которыми мы сталкиваемся каждый день. Однако для того, чтобы на фундаментальном уровне прояснить понятие образа, одних только категорий *иконы* и *гипоиконы* недостаточно. Очевидно, что, когда мы говорим «образ России», «образ Татьяны», «образ злодея» или «образ иммигрантов», речь идет отнюдь не (только) о фотографиях, видеозаписях и живописных полотнах. Продвинуться здесь нам позволит еще одна триада Пирса, которая предложена им для классификации иконических знаков. Согласно Пирсу, все гипоиконы можно разделить на:

- *изображения*¹¹ — «те, что происходят от простых качеств, Первых Первичностей»;
- *диаграммы* — «те, что представляют отношения, в основном диалектические или считающиеся таковыми, между частями одной вещи через аналогичные отношения между собственными частями»;
- *метафоры* — «те, что представляют репрезентативный характер репрезентатива, представляя параллелизм в чем-то другом» (Пирс, 2000, с. 202)¹².

Примеры иконических знаков, приведенные выше (картины, фотографии и т.п.), относятся по большей части к первому классу гипоиконов — к *изображениям*. И зачастую действительно именно изображения имеются в виду, когда речь идет об анализе образов. Например, именно таким образом-изображениям посвящена работа Ролана Барта «Риторика образа» (Барт, 1989,б). В гуманитарных и социальных исследованиях есть, однако, немало случаев, когда под образами понимаются не *изображения*, а иконические знаки другого класса — класса *метафор*. В частности, в логике, напоминающей принцип построения пирсовских метафор, Юрий Михайлович Лотман объясняет понятие образа, используемое в литературоведении. Лотман описывает, как в литературном произведении первичные конвенциональные знаки языка преобразуются в знаки образные:

Словесное искусство начинается с попыток преодолеть коренное свойство слова как языкового знака — безусловность связи планов выражения и содержания — и построить словесную художественную модель, как в изобразительных искусствах, по иконическому принципу. <...> Из материала естественного языка — системы знаков, условных, но понятных всему

¹⁰ СР 2.276.

¹¹ В оригинальном тексте — *images*. Не переводим здесь как *образы*, чтобы избежать путаницы.

¹² СР 2.277.

коллективу настолько, что условность эта на фоне других, более специальных «языков» перестает ощущаться, — возникает вторичный знак изобразительного типа (возможно, его следует соотнести с «образом» традиционной теории литературы). Этот вторичный изобразительный знак обладает свойствами иконических знаков: непосредственным сходством с объектом, наглядностью, производит впечатление меньшей кодовой обусловленности и поэтому — как кажется — гарантирует большую истинность и большую понятность, чем условные знаки (Лотман, 1998, с. 65–66).

Очень похожее рассуждение мы можем найти у Ролана Барта¹³, который, выстраивая модель *мифа*, тоже предлагает конструкцию из двух уровней семиозиса. Миф, в соответствии с концепцией Барта, создается на основе некоторой последовательности знаков, предшествующей ему. По этой причине Барт называет миф «вторичной семиологической системой». Знак «первичной семиологической системы» выступает означаемым во вторичной системе, то есть в мифе (Барт, 1989а, с. 78–81). При этом Барт отмечает, что вторичная «семиологическая система» функционирует по иконическому принципу, означаемое-2 и означаемое-2 не произвольны, а мотивированы друг другом (Барт, 1989а, с. 93).

Такую двухуровневую архитектуру можно наглядно изобразить в виде следующей схемы (рис. 1).

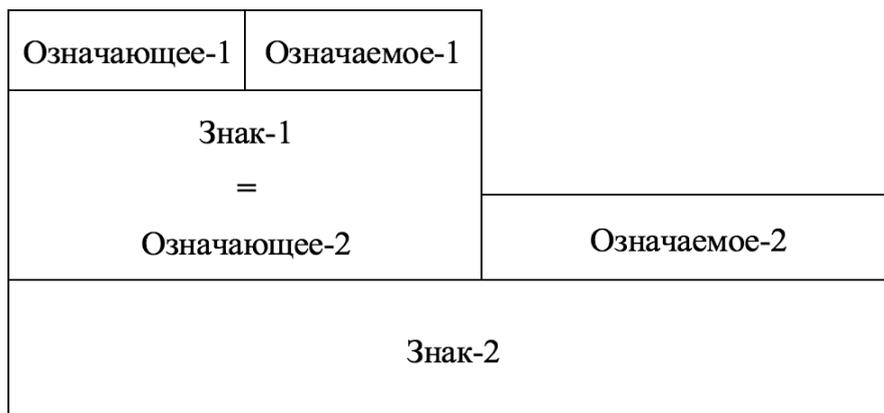

Рис. 1. Первичная и вторичная «семиологические системы» в модели мифа Р. Барта

Выстраивая свою модель, в качестве отправной точки Барт пользуется не тернарной моделью знака, которой мы оперировали выше, а бинарной, соссуровской. В ней и означающее, и означаемое рассматриваются только как ментальные сущности: ментальное представление означающего (например, ментальный «акустический образ» слова) и ментальное же понятие, к которому оно отсылает. При этом отношения между знаками и объектами напрямую в модель не включаются (Сос-

¹³ Соотнесение лотмановской концепции *вторичной моделирующей системы* и бартовской *вторичной семиологической системы* (*systemes sémiologique seconds*) см. в (Monticelli, 2016).

сюр, 1977, с. 98–100). Мы же попробуем представить, как двухуровневый семиозис будет устроен в пирсовской тернарной модели знака (репрезентамена) (рис. 2), в которой *знаковое средство* (*Vehicle*), в силу способности детерминировать определенный (ментальный) эффект — *интерпретант* (*Interpretant*), представляет некоторый *объект* (*Object*) (рис. 2).

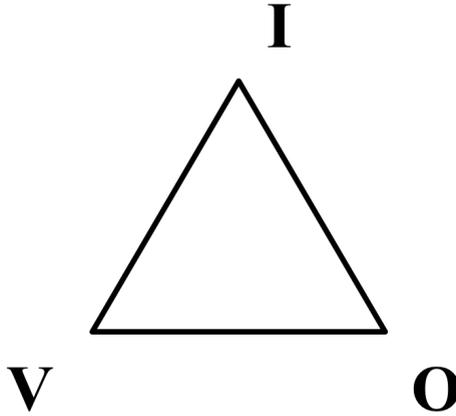

Рис. 2. Модель знака по Ч. С. Пирсу:
V – знаковое средство; I – интерпретант; O – объект

Надстраивая над базовым тернарным знаком еще один уровень семиозиса — образный, получаем модель, в которой репрезентамен, выступавший в качестве первичного знака ($V' - I' - O'$), сам становится (вторичным) знаковым средством (V_o), отсылающим ко вторичному (образному) объекту (O_o), детерминируя вторичный (образный) интерпретант (I_o). Именно на уровне вторичной системы семиозис осуществляется по иконическому принципу (рис. 3).

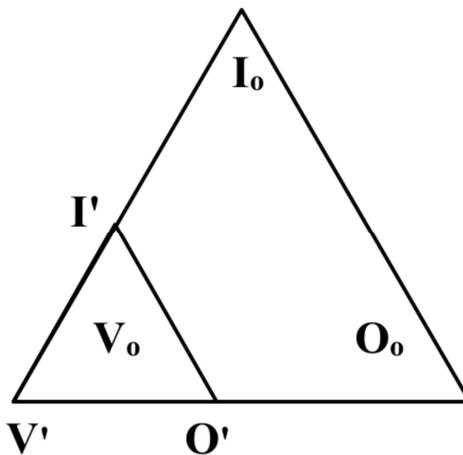

Рис. 3. Модель двух уровней семиозиса — первичного (') и образного вторичного (o):
V – знаковое средство; I – интерпретант; O – объект

Кстати, базовый знак не обязательно должен быть конвенциональным (*символическим*, по Пирсу). Второй уровень семиозиса может также надстраиваться и над гипоиконами, и над индексальными знаками.

Требуется, однако, прояснения вопрос о том, что является объектом для такого двухуровневого знака. Чтобы в этом разобраться, вспомним, что весь класс подобных двухуровневых знаков Пирс называет «метафорами». И чтобы понять логику функционирования образа, представим для начала общую модель обычной метафоры (рис. 4).

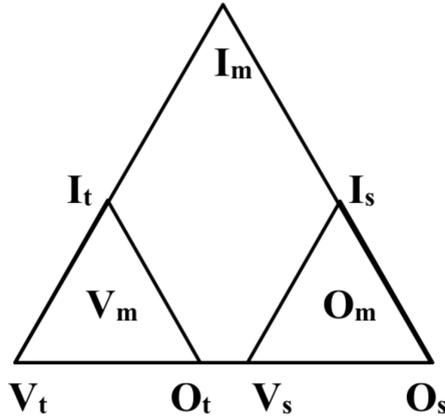

Рис. 4. Модель двух уровней семиозиса в метафоре

Метафора связывает по иконическому принципу два знака: знак-источник (*s*) и знак-цель (*t*), имея в виду их роли своего знакового средства (V^m) и объекта (O^m) соответственно. По похожему принципу устроен и образ, но с той разницей, что в нем в качестве объекта на втором уровне семиозиса представлен не один знак, а множество осмысленных фактов, взятых в качестве знаков и находящихся в отношениях иконического означивания к первичному знаку (рис. 5).

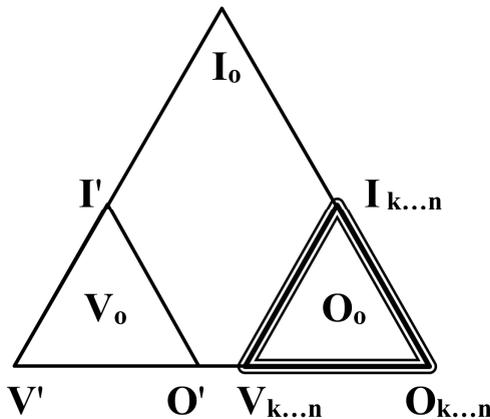

Рис. 5. Общая семиотическая модель образа

За счет такого устройства в образе возникает эффект накопления актов осмысления и означивания, имеющих объекты ($O_{k...n}$), интерпретанты ($I_{k...n}$) или знаковые средства ($V_{k...n}$), сходные (либо тождественные) с таковыми в первичном знаке. Впрочем, сам термин *первичный* здесь применим лишь условно, поскольку фактура из O_0 не следует за появлением «первичного» знака, а скорее напротив — интерпретативно осаждается в нем и тем самым его формирует. Из множества $I_{k...n}$ выкристаллизовывается I' .

То есть *образом* можно назвать комплексную семиотическую конструкцию, имеющую в роли знакового средства некоторый *первичный знак*, а в роли объекта — все фрагменты действительности (*факты*), подобные этому знаку, в силу того, что этот *первичный знак* детерминирует по принципу сходства с ними вторичный, *образный интерпретант*.

Образный смысл, возникающий при функционировании представленной семиотической конструкции образа, в пределе может вмещать в себя вообще всю знаковую систему, аккумулируя по принципу подобия вообще все знаки. Чем больше смыслов $I_{k...n}$ будет накапливать в себе I' , тем больше знаков станут подобны знаку V_0 . В итоге можно представить себе ситуацию, в которой вся семиотическая система свернется до языка, состоящего из одного бесконечно метафоричного знака. Или, в частном случае естественного языка, — весь язык свернется до одного единственного бесконечно метафоричного слова.

На деле, однако, будучи ограничен рамками того или иного дискурса, а также возможностями и содержанием сознания конкретных людей, образный аппарат работает «не в полную силу», захватывая в образный смысл лишь определенные интерпретации некоторого набора фактов (актов осмысления). Исследование конвенций, ограничивающих эту тотальную иконическую потенциальность образа, — задача, которая может решаться методами дискурс-анализа, позволяющими прояснять набор фактов и соответствующих образных смыслов, связанных с тем или иным знаком в том или ином дискурсе. В разных дискурсах эти конвенции и, соответственно, образные смыслы будут разными. Кроме того, ограничения на способность образа к конденсации накладываются характером образного знакового средства (V_0). Наиболее простые по своей форме образы обладают большей культурно-смысловой емкостью. Как отмечает Ю. М. Лотман: «Крест, круг, пентаграмма обладают значительно большими смысловыми потенциями, чем „Аполлон, сдирающий кожу с Марсия“» (Лотман, 2000, с. 242).

Образы, символы, мемы

Помимо происходящей в образах метафорической аккумуляции актов семиозиса, которую условно можно назвать *функцией памяти*, есть у образов и еще одна важна способность — способность к переносу этой памяти между дискурсами. Именно это позволяет образным конструкциям выступать в качестве механизмов передачи коллективного опыта культуры. И реализовываться эта *функция трансфера* может не только диахронно, но и синхронно, позволяя передавать семиотический опыт из одного дискурса к другому. Иными словами, образ как бы выступает посланником одного контекста в другом.

Подробные рассуждения о функциях памяти и трансфера, реализуемых образными конструкциями, можно найти у Ю.М. Лотмана в монографии «Внутри мыслящих миров» (Лотман, 2000, с. 150–391). При этом сам Лотман называет эти конструкции не *образами*, а *символами*, но подчеркивает в них тот же особый иконический принцип устройства, который мы подробно разбирали выше. «Символ отличается от конвенционального знака наличием иконического элемента, определенным подобием между планами выражения и содержания», — пишет Лотман. И здесь возникает терминологическая путаница между концепциями Пирса и Лотмана, поскольку лотмановские *символы* оказываются гораздо больше похожи на пирсовские *иконы-метафоры*, чем на пирсовские *символы* (конвенциональные знаки).

Похожую ситуацию можно наблюдать, если обратиться, например, к категориальному аппарату Сергея Сергеевича Аверинцева. Он тоже сближает понятие *образа* с понятием *символа* (Аверинцев, 2006).

При всей близости категорий образа и (лотмановского) символа можно, однако, предложить способ их разграничения. Об *образе* можно вести речь, когда нужно подчеркнуть *принцип устройства* такого рода конструкций, а также сделать акцент на механизмах накопления в них культурно-знакового опыта. Лотмановской категорией *символа* же можно пользоваться для указания на реализуемые этими семиотическими комплексами функций памяти и трансфера. Наконец, мы можем добавить к этой системе терминологических различений и категорию *мифа*, в которой акцент смещен преимущественно на функцию диахронного трансфера, а также на эффект «органичности» (необусловленности), возникающий при восприятии такого рода конструкций.

Здесь мы отчасти следуем за С.С. Аверинцевым, который, предлагая способ разграничения *символа* и *образа*, очерчивает их как систему смежных понятий, куда входят также категории *знака* и *мифа*. Соотношение между ними Аверинцев описывает так:

[Художественный символ] — универсальная категория эстетики, лучше всего поддающаяся раскрытию через сопоставление со смежными категориями образа, с одной стороны, и знака — с другой. Беря слова расширительно, можно сказать, что символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, и что он есть знак, наделенный всей органичностью мифа и неисчерпаемой многозначностью образа. Всякий символ есть образ (и всякий образ есть, хотя бы в некоторой мере, символ); но если категория образа предполагает предметное тождество самому себе, то категория символа делает акцент на другой стороне той же сути — на выхождении образа за собственные пределы, на присутствии некоего смысла, интимно слитого с образом, но ему не тождественного. Предметный образ и глубинный смысл выступают в структуре символа как два полюса, немислимые один без другого (ибо смысл теряет вне образа свою явленность, а образ вне смысла рассыпается на свои компоненты), но и разведенные между собой и порождающие между собой напряжение, в котором и состоит сущность символа. Переходя в символ, образ становится «прозрачным»; смысл «просвечивает» сквозь него, будучи дан именно как смысловая глубина, смысловая перспектива, требующая нелегко «вхождения» в себя (Аверинцев, 2006, с. 386).

Интересно также обратить внимание на еще одно понятие, которое могло бы занять место в ряду уже названных. Подсказку на этот счет найдем у Лотмана, который называет символ «геном сюжета» (Лотман, 2000, с. 220) и указывает, что «структура символов той или иной культуры образует систему, изоморфную и изофункциональную генетической памяти индивида» (Лотман, 2000, с. 250). Оттолкнувшись от этой цитаты, попробуем провести параллель между понятиями *образа* и *мема*, ведь обе категории указывают на элементы, служащие для сохранения и передачи информации в процессе развития культуры, и категория *мема* была предложена именно как попытка выстроить параллель между эволюцией живой природы и эволюцией культуры.

Напомним, что понятие *мема* ввел в 1976 году эволюционный биолог Ричард Докинз в книге «Эгоистичный ген» (Dawkins, 1976). Идея Докинза заключалась в том, что вся культурная информация состоит из базовых единиц — мемов, точно так же, как биотическая информация состоит из генов. Докинз ставит вопрос: может ли существовать во Вселенной такой закон, которому бы подчинялось всё живое? И сам отвечает:

Разумеется, я этого не знаю, но если бы мне пришлось держать пари, я бы сделал ставку на ... закон о том, что все живое эволюционирует в результате дифференциального выживания реплицирующихся единиц. Случилось так, что реплицирующейся единицей, преобладающей на нашей планете, оказался ген — молекула ДНК. Возможно существование и других таких единиц. Если они существуют, то при наличии некоторых иных условий они неизбежно составляют основу некоего эволюционного процесса. Но надо ли нам отправляться в далекие миры в поисках репликаторов иного типа и, следовательно, иных типов эволюции? Мне думается, что репликатор нового типа недавно возник именно на нашей планете (Dawkins, 2006, p. 191 — 192)¹⁴.

Такой репликатор нового типа Докинз и называет *мемом*. «Первичным бульоном» для этого нового репликатора служит человеческая культура, а его примерами выступают единицы культуры во всем их разнообразии: «мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок» (Dawkins, 2006, p. 192). Механизм распространения мемов Докинз описывает так:

Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мемы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией. Если ученый услышал или прочитал об интересной идее, он сообщает о ней своим коллегам и студентам. Он упоминает о ней в своих статьях и лекциях. Если идея подхватывается, то говорят, что она распространяется, передаваясь от одного мозга другому (Dawkins, 2006, p. 192).

¹⁴ Перевод цитат из «Эгоистичного гена» здесь и далее приводится по русскоязычному изданию (Докинз, 2013) с некоторыми исправлениями автора статьи.

В сходствах между генами и мемами, на которые указывает Докинз, и в параллелях между генетической памятью индивида и символической памятью культуры, о которой пишет Лотман, можно усмотреть указание на еще одну важную функцию образа. Эта функция в некотором смысле может быть рассмотрена как инверсия способности образа конденсировать семиотический опыт — она заключается в том, что каждый отдельный акт означивания в культуре может функционировать в качестве *образца*. Культурные *образцы* (которые суть *образы* по принципу своего устройства и функционирования) действительно отчасти сходны с генами. Ведь гены есть участки ДНК (или РНК), которые кодируют и регулируют то, как строятся определенные функциональные биомолекулы. По похожей схеме в культуре образы-образцы (иконические мемы¹⁵) задают то, как осуществляются определенные культурные практики. В терминах социальной семиотики (Hodge, Kress, 1988, р. 2–5) соответствующую функцию образов мы можем назвать *логономической*, поскольку, по сути, речь идет о том, что каждый знак в культуре может функционировать как элемент *логономической системы*, то есть системы знаков, которые предписывают условия, процедуры, формы и содержание коммуникации.

Функция образа как образца заключается в том, что он и *делает возможным*, и *предписывает* возникновение схожих с ним актов семиозиса. Здесь уместно вспомнить о двух трактовках роли вторичных семиотических систем, которые мы встречаем у Барта и Лотмана. Для Лотмана существование вторичной моделирующей системы — условие реализации творческого потенциала культуры, в то время как для Барта — причина идеологических искажений и механизм воспроизводства гегемонистских дискурсов. Эти две концепции, впрочем, не являются взаимоисключающими¹⁶. Именно напряжение, возникающее из ограничений, накладываемых идеологически нагруженной вторичной семиотической системой на акты семиозиса первичного уровня, и создает потенциал креативного производства культурных смыслов¹⁷.

¹⁵ Все образцы суть мемы, но не все мемы суть образцы. Иными словами, не все мемы устроены по иконическому принципу. Они могут функционировать также и как конвенциональные знаки, и как знаки индексальные. Например, правила и законы, зафиксированные и передаваемые вербально, — это примеры мемов, устроенных конвенционально (по Пирсу — символически), а, скажем, движение учителя танцев, которым он сдвигает вашу руку, показывая, какое положение она должна занимать, — это мем-индекс.

¹⁶ Патрик Серио полагает, что расхождения в семиотических концепциях Барта и Лотмана носят фундаментальный характер и что точек соприкосновения у них меньше, чем противоречий (Sériot, 2016). Несколько иной взгляд на эту проблему предлагает Даниэль Монтичелли, показывающий, что теории Лотмана и Барта, хоть и имеют ряд важных расхождений, но опираются на общие предпосылки и отчасти сближаются друг с другом по мере развития (Monticelli, 2016, р. 443).

¹⁷ Кроме того, отношения между актами семиозиса первого уровня и логономической системой не всегда носят однонаправленный характер идеологического детерминирования. Производители смыслов не всегда следуют доминирующим логономическим установкам: осуществляемые ими акты семиозиса могут иметь по отношению к таким установкам разоблачающий или даже субверсивный характер — см., напр.: (Hodge, Kress, 1988, р. 11).

Подводя итог проведенного в этой статье разбора, еще раз остановимся на ключевых аспектах общесемиотической модели образа.

1. *Образ* есть двухуровневая семиотическая конструкция, функционирующая как *гипоикона-метафора*.

2. В качестве своего *знакового средства* образ имеет некоторый *первичный знак*, который репрезентует в качестве *образного объекта* все подобные этому знаку факты действительности (случаи семиозиса) в силу того, что этот *первичный знак* детерминирует по принципу сходства с ними *вторичный, образный интерпретант*.

3. К *ключевым функциям образа* относятся:

а) *функция памяти* (накопление семиотического опыта, присущего определенному дискурсу);

б) *функция трансфера* (передача (синхронная и диахронная) семиотического опыта от одного дискурса к другому);

в) *логономическая функция* (предписание и создание условий для осуществления в будущем процессов, подобных определенному образцовому процессу семиозиса).

Работа выполнена в рамках проекта «Трансфер знаний и конвергенция методологических традиций: опыт междисциплинарной интеграции политических, биологических и лингвистических исследований» (грант РФФ №17-18-01536, руководитель: М. В. Ильин).

Список литературы

Аверинцев С. Символ художественный // Собрание сочинений. Киев, 2006. С. 386–394.

Барт Р. Миф сегодня // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989 (а). С. 72–130.

Барт Р. Риторика образа // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989(б). С. 297–318.

Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. СПб., 2006.

Докинз Р. Эгоистичный ген. М., 2013.

Ильин М. В., Фомин И. В. И смысл, и мера. Семиотика в пространстве современной науки // Политическая наука. 2016. №3. С. 30–45.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. СПб., 2000. С. 150–319

Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб., 1998. С. 14–285.

Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М., 2000.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977. С. 31–273.

Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2009.

Фомин И. В. Семиотический фронтир: сквозь глубины веков и границы дисциплин // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М., 2017. Вып. 7. С. 25–37.

Якобсон Р. О. В поисках сущности языка // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М., 2016. Вып. 6. С. 292–306.

Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб., 1999.

Dawkins R. The Selfish Gene. N. Y., 1976.

- Dawkins R.* The Selfish Gene. N. Y., 2006.
- Hodge R., Kress G.* Social Semiotics. Ithaca; N. Y., 1988.
- Iversen N. M., Kleppe I. A., Stensaker I. G.* Country Image in Marketing Strategies: Conceptual Issues and an Empirical Asian Illustration // AP – Asia Pacific Advances in Consumer Research. 1998. Vol. 3. P. 197–203.
- Leerssen J.* Imagology: On using ethnicity to make sense of the world // Iberic@I, Revue d'études ibériques et ibéro-américaines. 2016. №10. P. 13–31.
- Lieb H. H.* On subdividing semiotic // Pragmatics of natural languages. Dordrecht, 1975. P. 94–119.
- Morris C. W.* Foundations of the theory of signs // International encyclopedia of unified science. 1938. Vol. 1, №2. P. 1–59.
- Monticelli D.* Critique of ideology or/and analysis of culture? Barthes and Lotman on secondary semiotic systems // Sign Systems Studies. 2016. №44(3). P. 432–451.
- Peirce C. S.* Collected papers of Charles Sanders Peirce. Vol. 5. Cambridge, 1934.
- Peirce C. S.* Collected papers of Charles Sanders Peirce. Cambridge, 1931–1958.
- Peirce C. S.* Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Vol. 3. Cambridge, 1933.
- Peirce C. S.* The essential Peirce. Bloomington, 1992–1998.
- Peirce C. S.* The essential Peirce. Vol. 2: 1893–1913. Bloomington, 1998.
- Robin R. S.* Annotated catalogue of the papers of Charles S. Peirce. Worcester, 1967.
- Sériot P.* Barthes and Lotman: Ideology vs Culture // Sign Systems Studies. 2016. №44(3). P. 402–414.

Об авторе

Иван Владленович Фомин, кандидат политических наук, научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; научный сотрудник, ИНИОН РАН, Россия.

E-mail: fomin.i@gmail.com

Для цитирования:

Фомин И. В. О семиотической модели образа. // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №2. С. 37–51. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-3.

ON THE SEMIOTIC MODEL OF IMAGE

I. V. Fomin^{1, 2}

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia
National Research University "Higher School of Economics"
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia

² Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
51/21 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russia

Submitted on October 14, 2017

doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-3

The article is devoted to the development of a fundamental semiotic model of images that is based on the categorical apparatus of Ch. S. Peirce (on the concepts of Firstness, icon, hypoicon and metaphor). The image is proposed to be defined as a complex sign (two-level hypoicon-metaphor), which has a certain "primary" sign as its sign vehicle that represents the object constituted by all the facts (cases of semiosis) that are similar to that primary sign. Three key functions of the image are defined: a) the memory function (the accumulation of semiotic experience inherent in a certain discourse), b) the transfer function (transmission (synchronic and diachronic) of semiotic experience from one discourse to another), c) logo-

onomic function (prescription and enabling of the future of acts of semiosis, similar to a certain exemplary act). The author explores the relationship between the category of image and a number of similar concepts. In particular, the definitions of the category of symbol (by S. S. Averintsev and Yu. M. Lotman), the category of myth (in the interpretation of R. Barthes) and the concept of meme (by R. Dawkins) are analysed and juxtaposed with the notion of image.

Keywords: image, metaphor, icon, hypoicon, iconic sign, symbol, meme, myth.

References

- Averintsev, S., 2006. Artistic symbol. In: *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Kiev. pp. 386–394 (in Russ.).
- Bart, R., 1989. Myth today. In: *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Moscow. pp. 72–130 (in Russ.).
- Bart, R., 1989. Rhetoric of the image. In: *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Moscow. pp. 297–318 (in Russ.).
- Belokurova, S.P., 2006. *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of literary terms]. St. Petersburg (in Russ.).
- Dokinz, R., 2013. *Egoistichnyi gen* [A selfish gene]. Moscow (in Russ.).
- Il'in, M.V., Fomin, I.V., 2016. And the meaning, and the measure. Semiotics in the space of modern science. *Politicheskaya nauka* [Political science], 3, pp. 30–45 (in Russ.).
- Lotman, Yu.M., 2000. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg (in Russ.).
- Lotman, Yu. M., 1998. Structure of artistic text. In: *Ob iskusstve* [About art]. St. Petersburg. pp. 14–285 (in Russ.).
- Pirs, Ch.S., 2000. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Moscow (in Russ.).
- Sossyur, F. de., 1977. Course of General Linguistics. In: *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works on linguistics]. Moscow. pp. 31–273 (in Russ.).
- Ushakov, D.N., 2009. *Bol'shoi tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [A great explanatory dictionary of the modern Russian language]. Moscow (in Russ.).
- Fomin, I.V., 2017. Semiotic frontier: through the depths of centuries and the boundaries of disciplines. *METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook of works from social science disciplines], 7, pp. 25–37 (in Russ.).
- Yakobson, R.O., 2016. In search of the essence of language. *METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook of works from social science disciplines], 6, pp. 292–306 (in Russ.).
- Yatsenko, N.E., 1999. *Tolkovyi slovar' obshchestvovedcheskikh terminov* [Explanatory dictionary of social science terms]. St. Petersburg (in Russ.).
- Dawkins, R., 1976. *The Selfish Gene*. New York, Oxford University Press.
- Dawkins, R., 2006. *The Selfish Gene*. New York, Oxford University Press.
- Hodge, R., Kress, G., 1988. *Social Semiotics*. Ithaca. N.Y, Cornell University Press.
- Iversen, N.M., Kleppe, I.A., Stensaker, I.G., 1998. Country Image in Marketing Strategies: Conceptual Issues and an Empirical Asian Illustration. *AP. Asia Pacific Advances in Consumer Research*, 3, pp. 197–203.
- Leerssen, J. Imagology: On using ethnicity to make sense of the world. *Iberic@l, Revue d'études ibériques et ibéro-américaines*, 10, pp. 13–31.
- Lieb, H.H., 1975. On subdividing semiotic. *Pragmatics of natural languages*. Dordrecht, Springer Netherlands. pp. 94–119.
- Morris, C. W., 1938. Foundations of the theory of signs. *International encyclopedia of unified science*, 1 (2), pp. 1–59.

- Monticelli, D., 2016. Critique of ideology or/and analysis of culture? Barthes and Lotman on secondary semiotic systems. *Sign Systems Studies*, 44 (3). pp. 432–451.
- Peirce, C.S., 1934. *Collected papers of Charles Sanders Peirce: Vol. V*. Cambridge.
- Peirce, C.S., 1931–1958. *Collected papers of Charles Sanders Peirce*. Cambridge.
- Peirce, C.S., 1933. *Collected Papers of Charles Sanders Pierce: Vol. III*. Cambridge.
- Peirce, C.S., 1992–1998. *The essential Peirce*. Bloomington.
- Peirce, C.S., 1998. *The essential Peirce: Vol. 2: 1893 – 1913*. Bloomington.
- Robin, R.S., 1967. *Annotated catalogue of the papers of Charles S. Peirce*. Worcester.
- Sériot, P., 2016. Barthes and Lotman: Ideology vs Culture. *Sign Systems Studies*, 44 (3), pp. 402–414.

The author

Ivan Fomin, Immanuel Kant Baltic Federal University; National Research University “Higher School of Economics”; Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: fomin.i@gmail.com

To cite this article:

Fomin I. V. 2018, On the Semiotic Model of Image, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 2, p. 37–51. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-3.

ИМАГОЛОГИЯ КАК РАЗДЕЛ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

*Е. Е. Рябчикова*¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 14.09.2017 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-4

Исследуется генезис и развитие имагологии как направления литературоведческой компаративистики за рубежом (идеи Ж.-М. Карре, М.-Ф. Гийяра, А. Дима, Д.-А. Пажо, Х. Дизеринка). Сделан акцент на современной концепции Й. Леерссена; кратко представлены положения его обновленной концепции, опубликованной в 2016 году: тезис о междисциплинарной природе образов, метод анализа этнотипов, теория фреймов/триггеров, роль иронии в имагологии и потенциал метаобразов. Затрагивается история развития имагологических исследований в России. Представлены определения термина «имагология» в трактовке отечественных ученых – А.Р. Ощепкова, В.А. Хорева, Н.П. Михальской, Е.В. Папиловой, В.Б. Земскова, О.Ю. и О.А. Поляковых. Акцентируется внимание на последних тенденциях в российской имагологии. Делается вывод о глубоком проблемном поле и потенциале этой науки и о том, что ее предмет может быть расширен за счет интенсификации литературных контактов в результате взаимодействия различных национальных культур.

Ключевые слова: компаративистика, имагология, образ, оппозиция «свой – другой / чужой».

Национальные образы, идентичность и этнические стереотипы в современном мире входят в орбиту наиболее актуальных межкультурных и междисциплинарных вопросов. Их описанием, а также определением механизмов их формирования занимается междисциплинарная отрасль гуманитарного знания – имагология.

Имагология как часть сравнительного литературоведения получила распространение с середины XX века. Новаторами в этой области можно назвать Ж.-М. Карре и М.-Ф. Гийяра, которые высказали идею, что стоит анализировать не только взаимовлияние литератур, но и то, как в тексте реализуется образ «другого»/«чужого». Так, Ж.-М. Карре исследовал ошибки, допущенные, как он полагал, французскими писателями в их представлении о Германии. М.-Ф. Гийяр подчеркивал мысль, что «каждый народ создает о себе и других народах упрощенный образ», в который попадают как «случайные», так и «существенные для подлинника» черты, поэтому «необходимо попытаться понять, как возникают и бытуют в индивидуальном или коллективном сознании великие мифы о других народах и нациях» (Guyard, 1969, p. 110–111; цит. по: Папилова, 2013, с. 27). Вслед за Ж.-М. Карре и М.-Ф. Гийяром

румунский исследователь А. Дима призывает «с крайней тщательностью подходить к портрету той или иной страны в литературе» (Дима, 1977, с. 148), поскольку образы других стран не могут оставаться постоянными, а на их создание влияют совершенно разные факторы, в том числе то, имел ли автор текста опыт пребывания в описываемой им стране.

Вслед за этими учеными имагологическим вектором в рамках компаративистики заинтересовались А. Лортолари, Ш. Корбе, М. Кадо и Д.-А. Пажо. Именно Д.-А. Пажо подчеркивал междисциплинарный характер исследований в русле имагологии, через которую компаративистика расширяет свое поле и взаимодействует с другими науками: этнологией, антропологией, социологией, историей. Ученый предлагает собственную трехуровневую схему исследования образа «другого» в тексте: во-первых, нужно выявить бинарные оппозиции текста, лежащие в основе репрезентации национального («я»-повествователь — родная культура и «он»-персонаж — представляемая культура); во-вторых, провести лингвистический анализ текста, статистически обрабатывая данные; в-третьих, рассмотреть полученные данные в историко-культурном контексте (Поляков, 2013, с. 182—183).

Считается, что поворот к новой методологии в имагологии совершил Х. Дизеринк, который в 1966 году конкретизировал ее основные понятия и задачи как направления компаративистики, занимающейся исследованием в литературе образов другой страны, народов, культуры. Он перечислил три фактора, определяющие изучение «образов» и «миражей» в литературоведении:

- 1) «их присутствие в некоторых литературных сочинениях;
- 2) роль, которую они играют при распространении... за пределы областей национальных литератур;
- 3) их все более частое появление в самих литературоведческих исследованиях и критике»¹ (Dyserinck, 1966, p. 119).

Положения имагологии, сформулированные Х. Дизеринком, получили развитие в трудах современного ученого-компаративиста Й. Леерссена, который видит в ней прежде всего литературоведческую дисциплину. Он считает, что эта наука изучает *этнотины* (*ethnotypes*), под которыми он понимает «стереотипные представления о национальном характере» (Leerssen, 2016, p. 13), и «имагологам особенно интересны взаимоотношения между теми образами, которые характеризуют Других (гетерообразы), и теми, которые характеризуют собственную, национальную идентичность (образ собственного "Я", или автообраз)» (Leerssen, 2007, p. 27).

В своем недавнем исследовании «Imagology: on using ethnicity to make sense of the world» (2016) Й. Леерссен внес ряд уточнений в высказанные им ранее положения. Например, он пересматривает тезис о том, что художественная литература представляет собой привилегированное средство распространения стереотипов, и утверждает, что теперь она постепенно уступает эту роль другой информационной среде — те-

¹ Здесь и далее перевод цитат с нем. и англ. языков наш. — Е. Р.

левидению, комиксам, музеям, памятникам и т.д. Ученый предлагает собственный метод анализа этнотипов, состоящий из интертекстуального, контекстуального и текстуального компонентов. На первом, интертекстуальном уровне анализа имагологу следует выделить этническую характеристику и классифицировать ее. На контекстуальном уровне рассматриваются историческая, политическая и социальная обусловленность выделенного этнотипа. Что касается третьего, текстуального уровня анализа, то здесь изучается функционирование этнотипа непосредственно в самом тексте. Й. Леерссен подчеркивает, что при анализе этнотипа имагологам, помимо этнической принадлежности человека или литературного персонажа, следует обращать внимание и на другие важные характеристики — пол и социальный статус — и рассматривать три этих компонента во взаимосвязи.

По Й. Леерссену, в сознании человека существуют своеобразные схемы — *фреймы*, отражающие возможные модели ситуаций и связи между ними. Фреймы находятся в латентном состоянии и актуализируются при помощи стимулов, или *триггеров*, то есть в результате либо пережитого опыта в реальной жизни, либо после прочтения художественного произведения. Теория *фреймов/триггеров* позволяет объяснить, почему в нашем сознании одновременно может сосуществовать огромное число противоположных, но не вступающих друг с другом в противоречие этнотипов, касающихся определенного народа — активный в данный момент фрейм переключает остальные в «спящее», латентное состояние.

Исследователь также отмечает, что в настоящее время имеется тенденция использования этнотипов в ироническом ключе, когда национальные особенности представляются скорее как нечто, над чем можно посмеяться, чем то, чему можно верить. Тем не менее то, что они вызывают смех, указывает на узнаваемость этнотипа, который со временем начинает употребляться в менее иронических контекстах, и постепенно это приводит к его закреплению в сознании, но уже без своей иронической составляющей.

Одним из перспективных направлений дальнейшего развития имагологии Леерссен считает метаобразы, «когда Мы представляем себе, что Другие думают о нас, и когда Другие размышляют о том, что Мы думаем о них» (Leerssen, 2016, p. 24). Метаобразы, по Й. Леерссену, заслуживают особого внимания, поскольку обладают опасным потенциалом разжигать вражду между «своими» и «чужими»: «мы обвиняем Других в злом умысле, верим в то, что они относятся к нам несправедливо, с глубокой враждебностью, не понимая, что таким образом мы сами демонстрируем злой умысел и враждебность, приписывая эти качества Другим» (Leerssen, 2016, p. 24). Дальнейшее исследование метаобразов имагологией и понимание механизмов их функционирования может принести практическую пользу в решении конфликтных ситуаций.

Что касается отечественных имагологических исследований, то они также появились в русле сравнительного литературоведения в трудах М.П. Алексева, М.М. Бахтина, А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского,

Ю. М. Лотмана, Б. Г. Реизова. Так, М. М. Бахтин в своей концепции «диалога культур» подчеркивал то, что чужая культура полно и глубоко раскрывает себя только в глазах другой культуры: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила. Мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» (Бахтин, 1979, с. 335). Б. Г. Реизов высказывался о важности и актуальности исследования возникновения и существования национальных образов в литературе: «Возникновение или эволюция... национальных типов [образов], какими они существуют в воображении других народов или своем собственном, до сих пор не исследованы, хотя отлично известны всем европейским литературам, а в настоящее время, очевидно, не только европейским» (Реизов, 1986, с. 299–300). Идеи, высказанные в их работах, были позднее подхвачены и переосмыслены российскими имагологами.

На современном этапе развития имагологических исследованиями в художественной литературе занимаются В. Б. Земсков, С. Б. Королёва, Вал. А. Луков, Вл. А. Луков, Н. П. Михальская, А. Р. Ощепков, А. В. Павловская, Е. В. Папилова, О. В. Поляков, О. А. Полякова, В. П. Трыков, Л. Ф. Хабибуллина, В. А. Хорев. Но несмотря на то, что история имагологии насчитывает уже несколько десятилетий, до сих пор в отечественной научной среде не существует единого и общепринятого определения этого понятия. Так, в «Толковом словаре обществоведческих терминов» имагология описывается как «учение об образах» и «составная часть сравнительно-исторического метода в литературоведении» (Яценко, 1999, с. 1448). Российские ученые, однако, конкретизируют это довольно широкое определение, обращая внимание на более частные аспекты. А. Р. Ощепков, например, говорит об имагологии следующее: «Имагология – сфера исследований в разных гуманитарных дисциплинах, занимающаяся изучением образа “чужого” (чужой страны, народа и т. д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи» (Ощепков, 2010, с. 251). В. А. Хорев отмечает, что имагология «изучает образ другого народа не только в литературе, но и в других “текстах”, но первостепенным ее предметом является всё же литература» (Хорев, 2005, с. 7). Н. П. Михальская считает, что имагология исследует «восприятие и воплощение в литературных произведениях представлений об иной стране, ее народе, особенностях национального характера» (Михальская, 1995, с. 11). В трактовке Е. В. Папиловой «имагология – научная дисциплина, имеющая предметом изучения образы “других”, “чужих” наций, стран, культур, иностранных для воспринимающего субъекта» (Папилова, 2011, с. 31).

В отличие от упомянутых выше ученых, В. Б. Земсков рассматривает имагологию как научную дисциплину, которая изучает рецепцию и репрезентацию не только «мира других, но и своего собственного» (Земсков, 2011, с. 3). О. Ю. Поляков и О. А. Полякова также подчеркивают важность представлений о «своем», национальном, считая имагологию направлением литературоведческой компаративистики, наукой,

«изучающей авто- и гетерообразы наций, иными словами, образы “своего” и “чужого”, их происхождение, содержание и историческую изменчивость» (Поляков, Полякова, 2013, с. 5). Вообще, на наш взгляд, вполне обосновано исследование инонациональных образов на фоне собственной системы мировосприятия и представлений о «своем», национальном, недаром одним из ключевых понятий имагологии стала оппозиция «свой – чужой» («свой – другой»), которую Ю. С. Степанов определяет как «противопоставление, которое в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» (Степанов, 1997, с. 472). Признает важность такого противопоставления и В. А. Хорев, утверждая, что «“свое” не только более зримо выступает на фоне “чужого”, но и формируется во взаимодействии с ним, оценивается в сопоставлении с ним» (Хорев, 2005, с. 11).

В последнее время в русле российской имагологии исследователи вновь стали «тратить огромные интеллектуальные усилия для того, чтобы понять “загадочную русскую душу” – сердцевину проблемы и России, и русских, и русскости» (Луков, 2008). Это, например, труды В. Е. Багно, Е. Л. Вартановой, Н. С. Виноградовой, А. А. Громько, С. А. Данилина, Е. В. Дмитровой, В. С. Елистратова, В. Б. Земскова, С. Б. Климовой, С. Б. Королёвой, Т. Н. Красавченко, Вл. А. Лукова, Н. П. Михальской, А. В. Павловской, О. Г. Сидоровой, В. М. Соколова, Л. Ф. Хабибуллиной, В. А. Хорева, Е. П. Чернышева.

Дальнейшее развитие имагологии как науки выглядит перспективным как для зарубежных, так и отечественных ученых. Й. Леерссен отмечает, что «в текущей ситуации усиливающейся “политики идентичности” и воскресшего национализма имагология становится чрезвычайно необходимой» (Leerssen, 2016, p. 14), а Н. П. Михальская считает ее «нервом» современного литературоведения: «В настоящее время имагология становится одним из приоритетных направлений литературоведения... начинает входить в университетское образование» (Михальская, 2012, с. 4). Имагология содержит в себе потенциал для развития за счет многих, пока что не до конца решенных вопросов: о том, изучает ли она только образы «других» – или это еще и изучение образов «своих»; о литературоцентричности образов, с одной стороны, и их междисциплинарном горизонте – с другой; о значении текста, контекста и интертекста при изучении образов, об их фреймовой структуре, о проблемном поле метаобразов. Более того, существует вероятность, что, постепенно развиваясь, имагология может выйти за рамки Европы, исследуя вначале взаимоотношения между европейцами и жителями других континентов (не последнюю роль в этом играют путевые очерки, субъективно и объективно оценивающие другую страну и народ), а затем потерять свою европоцентристскую доминанту, сохранив, однако, европейский фактор в новом – глобальном и трансконтинентальном – контексте. В таком случае, возможно, в будущем придется скорректировать ряд методов и подходов имагологии, в настоящее время успешно применяемых для анализа межъевропейских взаимоотношений.

Список литературы

- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Дима А. Образ иностранца в различных национальных литературах // Принципы сравнительного литературоведения. М., 1977. С. 148 – 153.
- Земсков В. Б. Теоретические аспекты: о рецепции и репрезентации «другой» культуры // На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI в.). М., 2011.
- Луков В. А. Загадочная русская душа // Знание. Понимание. Умение. 2008. №4. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Lukov_V1/ (дата обращения: 29.09.2017).
- Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX – XIX вв. М., 1995.
- Михальская Н. П. Россия и Англия: проблемы имагологии. М. ; Самара, 2012.
- Ощепков А. Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. №1. С. 251 – 253.
- Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2011. №4. С. 31 – 40.
- Папилова Е. В. Художественная имагология: немцы глазами русских (на материале литературы XIX века) : дис. канд. ... филол. наук. М., 2013.
- Поляков О. Ю. Принципы культурной имагологии Даниэля-Анри Пажо // Вестник ТГГПУ. 2013. №2 (32). С. 181 – 184.
- Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров, 2013.
- Реизов Б. Г. Сравнительное изучение литературы // История и теория литературы. Л., 1986. С. 276 – 310.
- Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
- Хорев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005.
- Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб., 1999.
- Guyard M.-F. La litterature comparee. P., 1969.
- Dyserinck H. Zum Problem der «images» und «mirages» und ihrer Untersuchung im Rahmen der Vergleichenden Literaturwissenschaft // Arcadia. 1966. №1. P. 107 – 120.
- Leerssen J. Imagology. The cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey. Amsterdam, 2007.
- Leerssen J. Imagology: On using ethnicity to make sense of the world // Iberical, Revue d'études ibériques et ibéro-américaines. 2016. №10. P. 13 – 31.

Об авторе

Рябчикова Екатерина Евгеньевна, аспирантка, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ryabchikova_ekaterina@mail.ru

Для цитирования:

Рябчикова Е. Е. Имагология как раздел литературоведческой компаративистики // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №2. С. 52 – 59. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-4.

IMAGOLOGY AS A PART OF COMPARATIVE LITERARY STUDIES

E. E. Ryabchikova¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia
Submitted on September 14, 2017
doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-4

The author explores the genesis and evolution of imagology as a field of comparative literary studies abroad, considering ideas of G. M. Carré, M. F. Guyard, A. Dima, D. H. Pageaux, H. Dyserinck and paying particular attention to the modern approach presented by J. Leerssen, a well-known representative of Western imagological school. The author analyzes the main ideas of Leerssen's updated conception "Imagology: on using ethnicity to make sense of the world" published in 2016: the thesis about interdisciplinary nature of images, the three-fold procedure of an ethnotype's analysis, "frame/trigger" approach, irony and meta-images. The author describes some aspects of imagological studies in Russia. The author analyzes interpretations of the term "imagology" of such Russian researchers as A. R. Oshchepkov, V. A. Khorev, N. P. Mikhalskaia, E. V. Papilova, V. B. Zemskov, O. Iu. and O. A. Poliakovy. It is underlined that for Russian researches the main dilemma of imagology can be formulated in the following way – should imagology exclusively analyze the images of the "other" or self-images as well. Consequently, in the Russian studies there is still no generally accepted definition of the term imagology. The article describes recent tendencies in the imagological studies in Russia. The author holds that imagology has a significant potential for development and the subject of this field of science can be extended due to intensifying interactions between different national cultures and literatures.

Keywords: comparative studies, imagology, image, self – other opposition.

References

- Bakhtin, M. M., 1979. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Art]. Moscow. 424 p. (in Russ.).
- Dima, A., 1977. The image of an alien in various national literatures. In: *Printsipy sravnitel'nogo literaturovedeniya* [Principles of comparative literature]. Moscow. pp. 148 – 153 (in Russ.).
- Zemskov, V. B., 2011. Theoretical aspects: about reception and representation of 'other' culture. In: *Na perelome: Obraz Rossii proshloi i sovremennoi v kul'ture, literature Evropy i Ameriki (konets XX – nachalo XXI v.)* [At a tipping point: Old and modern image of Russia in culture and literature of Europe and America (the end of XX – the beginning of XXI century)]. Moscow (in Russ.).
- Lukov, V. I. A., 2008. Mysterious Russian soul. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skills], 4. Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Lukov_VI/ [Accessed 29 September 2017] (in Russ.).
- Mikhalskaya, N. P., 1995. *Obraz Rossii v angliiskoi khudozhestvennoi literature IX – XIX vv.* [Image of Russia in English literature in IX–XIX centuries]. Moscow (in Russ.).
- Mikhalskaya, N. P., 2012. *Rossiya i Angliya: problemy imagologii* [Russia and England: problems of imagology]. Moscow (in Russ.).
- Oshchepkov, A. R., 2010. *Imagology. Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skills], 1, pp. 251 – 253 (in Russ.).

Papilova, E. V., 2011. Imagology as a humanitarian subject. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki* [Bulletin of M.A. Sholokhov Moscow State Humanitarian University. Philological Science], 4, pp. 31–40 (in Russ.).

Polyakov, O. Iu., 2013. Principles of D.-H. Pageaux cultural imagology. *Vestnik TGGPU* [TGGPU Bulletin], 2 (32), pp. 181–184 (in Russ.).

Polyakov, O. Iu., Polyakova, O. A., 2013. *Imagologiya: teoretiko-metodologicheskie osnovy* [Imagology: theoretico-methodological basics]. Kirov (in Russ.).

Reizov, B. G., 1986. Comparative literary studies. *Istoriya i teoriya literatury* [History and theory of literature]. Leningrad. pp. 276–310 (in Russ.).

Stepanov, Yu. S., 1997. *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian culture]. Moscow (in Russ.).

Khorev, V. A., 2005. *Pol'sha i pol'yaki glazami russkikh literatorov. Imagologicheskie ocherki* [Poland and polish people through the eyes of Russian writers. Imagological essays]. Moscow (in Russ.).

Yatsenko, N. E., 1999. *Tolkovyi slovar' obshchestvovedcheskikh terminov* [Glossary of sociological terms]. St. Petersburg (in Russ.).

Guyard, M.-F., 1969. *La litterature comparee*.

Dyserinck, H., 1966. Zum Problem der «images» und «mirages» und ihrer Untersuchung im Rahmen der Vergleichenden Literaturwissenschaft. *Arcadia*, 1, pp. 107–120.

Leerssen, J., 2007. *Imagology. The cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey*. Amsterdam.

Leerssen, J., 2016. Imagology: On using ethnicity to make sense of the world. *Iberical, Revue d'études ibériques et ibéro-américaines*, 10, pp. 13–31.

The author

Ekaterina E. Ryabchikova, Doctoral Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ryabchikova_ekaterina@mail.ru

To cite this article:

Ryabchikova E. E. 2018, Imagology as a part of comparative literary studies, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 2, p. 52–59. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-4.

ОБРАЗЫ РАЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XX ВЕКА

О. И. Северская¹

¹ Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, 18/2
Поступила в редакцию 01.02.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-5

Рассматриваются образные представления Рая в русской поэзии последних десятилетий XX века, а конкретно – в работах представителей школы метареализма и московского клуба «Поэзия». Выявляется специфика метафоризации мифологемы и реализации ее символических значений в поэтических представлениях о райском саде, земном и небесном рае в образе города и горы, о границах рая, свете как маркере райских стихий и энергий. Отмечается, что представление поэтов о рае обусловлено как Ветхим, так и Новым Заветом, а сам рай выглядит апокалиптическим. Особое внимание уделяется образам запретного плода и древа познания, переосмыслению изгнания из Рая в изгнание в рай. Подчеркивается, что поэзии рассматриваемого периода свойственны философские размышления о рае как чистилище, о «травматизме» райской свободы. Прослеживается также связь новой «райской» поэзии с литературной традицией, идущей от Данте, Мандельштама, Цветаевой.

Ключевые слова: «райский» текст, образы Рая, библейские мотивы, поэзия конца XX века, литературная традиция, лингвистическая поэтика.

Конец XX века, а конкретно период Перестройки, стал для нетрадиционной русской поэзии временем осмысления дарованных возможностей, перспектив, которые возникали перед ней после выхода из литературного андеграунда. Неожиданно открывшийся доступ к читателю, возможность публикаций были поистине «райскими условиями» после душевного «ада» стагнации. Но это породило и основной творческий конфликт: обретенный «рай» не мог быть снова утрачен, а потому, как это определил в конце 1980-х А. Парщиков (2006, с. 81, 117), требовал от поэтов постоянной «игры на повышение» и внушал комплекс «недомерка», заставляя страдать от несоответствия превосходящей творческую энергию свободе самовыражения, в чем и заключалась «драма рая».

К такому определению основного литературного конфликта и призыву А. Парщикова к собратьям по цеху принять вызов и «перебраться из ада в рай» сочувственно отнеслись не только другие поэты школы метареализма – И. Жданов, А. Еременко, В. Аристов, С. Соловьев, И. Кутик, Е. Даенин, но и некоторые представители московского клуба «Поэзия», в частности Н. Искренко. В их текстах можно встретить бытовые приметы «райской жизни»: например, у С. Соловьева это *пайковый рай, не рай, не нирвана, а хищная форма простого глагола to be* («Не-любовь»), *доморощенный рай* («В стороне») (Соловьев, 2010); а также фи-

лософские размышления о «райском чистилище». *Рай и Ад перемешались в нас*, — заключает И. Кутик в стихотворении «Ад и Рай» (Кутик, 1990), а *ангел-хранитель* у него *прячется в тень, от пеклица обессилев райско-го* в «И опять — борьба» (Кутик, 2003), в то время как А. Парщиков отправляет поэтов в Лимб, промежуток между адом и раем (Парщиков, 2006, с. 118–119), и заимствует для них у Данте образ жаб из девятого адового круга в «Элегии»: *шедевры дрожали под их языком* (Парщиков, 1996, с. 49). *Нас приготовили к изгнанию в рай*, — это взгляд на ситуацию В. Аристова в «Воскресной ярмарке в Форосе» (Аристов, 2008, с. 149); *травма рая* есть и у С. Соловьева в «Анне» (Соловьев, 2010). Весьма популярно и представление об идущем от Дантовой «Божественной комедии» восхождении по бесконечно усложняющимся уровням рая, построенного амфитеатром и полнящегося языками, которые предстоит выучить. Так, у И. Жданова, А. Парщикова и С. Соловьева возникают образы «амфитеатра» печатной машинки, обещающей и восхождение на Голгофу, и Небесный Иерусалим (Северская, 2007, с. 93–115). И, конечно, поэзия конца XX века изобилует «райскими» образами.

Мифологема *Рай* при этом представлена во всех своих ипостасях, соответствующих архаической картине мира (Аверинцев, 1982): это *сад, город, стена, гора, свет* и *небеса*. Подобно тому, как в тексте соотносятся поверхностные и глубинные структуры, так же образ Рая угадывается зачастую по ключевым словам, лежащим на поверхности. При этом в одном контексте может быть актуализировано сразу несколько «райских» примет, как, например, у А. Парщикова (1996, с. 42):

Тотчас в районе, чья слава была от *садов*¹,
где *под горой* накопились отстойные тыщи,
переварили преграду две черных грязищи —
жижа грунтовая с *мутью закисших прудов*,
смесь шевельнулась и выбросила пузыри.
Села *гора* парашотом, вдохнувшим земли.
<...>
Был ли здесь *Город великий?*
— он был, но *иссяк*

(Из *города*)

Здесь явно «прочитываются» остающиеся в подтексте образы *Города великого на горе* — Рая небесного, Небесного Иерусалима, *сада*, огороженного *преградой*, — Рая земного, а орошавшая райский сад Эдем река *иссякает* и превращается в *жижу с мутью закисших прудов*. И, таким образом, обозначается оппозиция истинного и мнимого *рая*.

Представление о *Рае-саде* объединяет ветхо- и новозаветные образы. И внимание поэтов привлекают, прежде всего, *древо познания* и *запретный плод* — *яблоко*.

Н. Искренко в пародийной пьесе «Вишневый сад продан?» задается вопросами: «А как же *райский сад*, Эдем? <...> И *добрый садовник*, умелый гончар, *перстом делающий углубление на животе глиняного Адама?*» (Ис-

¹ Здесь и далее в цитатах курсив мой. — О. С.

кренко, 1993а). С *райским садом* связаны и представления поэтов о семи днях Творения. Например, С. Соловьев в «Анне» вскользь замечает: *Семь дней отмерь — и отрежешь* (Соловьев, 2010). Намек на сотворение мира и Рая присутствует и в эссе «Меньше двух яблок» Н. Искренко (Искренко, 1993б):

Темнота, поражавшая глаз в первую секунду, была всего лишь символическим воссозданием первого дня творения, и при небольшом усилии легко отделилась от света, отделяя заодно — так же легко и естественно — небо от земли, горы от долин, Луну от Солнца, компромисс от компромисса, а всякое три от любых четырех. Уже через несколько мгновений Сад был открыт, распахнут как рояль, и разноцветные его круги закачались и поплыли, не касаясь друг друга, не толкая друг друга на жертву или хотя бы на готовность к оной, не требуя друг от друга ничего, даже минимального внимания. <...> Наконец, до вас доходит, что Сад означает просто — Рай...

В поэтическом *райском саду* почетное место занимают *деревья* и *яблоки*. Н. Искренко в «Меньше двух яблок» подменяет *яблоко с райского древа познания* «молодильным яблоком из сада Гесперид», объясняя при этом читателю, что *в раю* нужно действовать «не задумываясь и не боясь попасться на удочку» (Искренко, 1993б). А в «Шарах» она уже прямо говорит: *голова имеет форму Ада* (Искренко, 1993в), намекая на изгнание из Рая при излишне рациональном подходе. И это представление разделяют и другие поэты, например Е. Даенин, у которого в «Драме рая» «мозг — костолом эдема: мышцей — мышью — мыслью / мглою / в мышлении по древу за стволом / стола» (Даенин, 2000, с. 24), а в «Жребии» мысль является как «*весть — / змеем с древа: / <...> загадочным яблочком*» (там же, с. 23); или В. Аристов, у которого в «Воскресной ярмарке в Форосе» *рай* сужается до «*тесноты извилин внутри священного ореха*» (Аристов, 2008, с. 149).

Как и библейские Адам и Ева, герои поэзии конца XX века не довольствуются плодами райского сада, их манит плод с дерева добра и зла, в корнях которого — змея, в ветвях вершины кроны — птица, в стволе — демон страсти, дух Лилит — изгнанной из Рая первой жены Адама, как в поэме «Тварь» С. Соловьева (1993, с. 67):

*Ты, в древо вползая, тянулась к гнезду,
и небо шумело, как улей.
<...>
Ты в скользкие кольца сжималась, как мысль,
и вновь распрямлялась, смеясь.*

У А. Парщикова в «Статуях» вместо Адама и Евы — «*истуканы в саду на приколе... две развалины белые*» (Парщиков, 1996, с. 39), что неудивительно: на земле Рая нет, остался лишь гипсовый слепок. И «*адамоподобный обезьян убежал на море*» (Парщиков, 1996, с. 78).

Именно с морем, а не с садом связывают поэты 1980–2000-х *райское наслаждение*. При этом морской «рай», лишенный пышности сада, полон чувственных образов библейского Эдема.

У А. Парщикова в «Землетрясении в бухте Цэ», казалось бы, с раем никак не связанном, действие происходит на *бледных холмах азовья* (Парщиков, 1996, с. 9), где появляется интересная пара (там же, с. 7):

Я увидел — двое лежат в лощине
на рыхлой тине в тени,
лопатки сильные у мужчины,
у нее — коралловые ступни,
с кузнечиком схожи они сообща,
который сидит в золотистой яме,
он в ней времена заблуждал, трепеща,
энергия расходилась кругами.
Кузнечик с женскими ногами...

— эти «Адам и Ева» — *то ли боги неканонические, то ли таблицы анатомические* (там же, с. 10).

«Райские» приметы все время проявляются в этом тексте: «Из-за горизонта *блеснул неизвестный город / и его не стало* (там же, с. 7); «Где я? А на месте лощины — *холм. / Земля — конусообразна / и оставлена на острие, / острие скользит по змее, / надежда напрасна*» (там же, с. 8); в тексте все *искрит, блестит* и так или иначе излучает свет, *лучатся* в нем *утраченная среда обитания и кумиры* (там же, 1996, с. 8–9).

С. Соловьев в «Твоя походка неплохо смотрится...» (Соловьев, 1993, с. 97) отправляет своих героев на Днепровский лиман Черного моря, в Херсон, *искушая их падением алычи и арбузной мякотью губ*, и «райские» аллюзии вводятся в текст через ключевые слова и образы:

Ты не считаешь человека разминкой смерти
<...>
и *деревья* на цыпочках обходят тебя стороной.
<...>
Когда я беру на руки твоё *библейское тело* —
чувствую, как *сквозь него преломляются лучи*.

А его эфемерная Ева — «плоть от плоти» вовсе не Адама, а бесплотных небес и света и цвета: *Радуги ребро — Ева невоплощенная* (там же, с. 79).

Отметим и еще одну особенность: где бы ни обнаруживался поэтический *рай* — у моря ли, в саду ли, — он апокалиптичен, находясь, например, у А. Парщикова между шестой и седьмой печатями; и соответствующий пассаж смотрится в тексте цитатой из какого-то неканонического «Писания» (Парщиков, 1996, с. 10): *распадутся печати <...> птица окликнет трижды...* или совмещает в себе признаки ветхо- и новозаветного. Не только Н. Искренко соотносит Эдем и Гефсиманский сад, перекидывая от одного к другому (руками персонажей) *яблоко* (Искренко, 1993б), но и И. Жданов во «Взгляде» связывает первородный грех с искупительной жертвой и гефсиманской молитвой (Жданов, 2006, с. 27): в этом тексте «*дерево застыло... и яблоко надкусанное цело*» и

«играет в прятки сам с собою / *тот*, кто вернуть свой взгляд уже не в силах, / *кто дереву не дал остаться прахом*, / Иуды кровь почувствовав в стопе». В поэме С. Соловьева «Тварь» (Соловьев, 1993, с. 67) есть не только размышления о грехопадении, но и образ Голгофы:

Гора клубилась среди пустыни,
как будто вспоротый кишечник:
тугие, скользкие, густые
тела детей, мужчин, и женщин,

и апокалиптические картины:

сплетенных змей все ниже гнулись гроздьи
<...>
и вслед за ними падали из тьмы
тугие свертки в желтом целлофане –
хрустящие пакетики с людьми.

Напоминанием о *Рая-горе* в поэзии метареализма становятся *холмы*. По-русски *холм* – это небольшая отлогая *горка*, то есть не совсем *гора*. *Холмы* как *вариант*, который *унижает свой вид предыдущий*, упоминает А. Парщикова в «Из города» (Парщиков, 1996, с. 41). *Холмы-двойники* появляются в «Холмах» у И. Жданова, и «*холм, помещенный нигде и всюду*», который осеняет «*свет укора* и *праздничный свет искупленья*», – это и есть Голгофа, о чем недвусмысленно говорит образ Сына Божьего, чья «*жертва* в казни обретает *залог* и *долг продолженья*» (Жданов, 2006, с. 105–106):

Он стоит, лицо закрывая руками,
в одиночестве смертном, один, убогий,
окруженный иудами и врагами,
иступленной кровью горя в тревоге.

Гора неизменно предстает символом утраченного Рая, даже если это *гора над деревней*², как в «Горе» И. Жданова, где *возле нее погреться память не прочь* (Жданов, 2006, с. 126):

С вершины этой горы видно другое детство
или, верней, преддетство, замысел между строк.
<...>
За горизонтом порой исчезает Медведица – это
смещается ось Земли, вопрошает и тварь, и дух:
– Куда провалился знак, путеводный подросток света?
Где неба привычного лик, из каких вырастает прорух?

² Ср. у М. Цветаевой в «Поэме горы»: «*Та гора была над городом. <...> Не Парнас, не Синай, Просто голый казарменный Холм. – Равняйся! Стреляй! – Отчего же глазам моим (Раз октябрь, а не май) Та гора была – рай?*» (Цветаева, 1965, с. 444).

Время в этом стихотворении включает и момент *до сотворения мира*, а кроме того, «след Вавилонской башни зияет беспамятством ада / и бродит, враждой и сварой пятная пути времен» (Жданов, 2006, с. 126).

Образ *рая-города* у метареалистов многогранен. Реальный город с его реальными стенами оказывается не более чем горьким воспоминанием о Небесном Иерусалиме и изначальной стене, окружавшей Рай, и пародией на райский «город-сад», которым уже соблазнялась поэзия (ср. у Маяковского: *Я знаю – город будет, я знаю – саду цвeсть*).

А. Парщиков в «Тот город фиговый...» (Парщиков, 1996, с. 51) рисует образ *города-ада*, мнимого *рая земного*, наследника *Града небесного*:

Тот город фиговый – лишь флер над преисподней.
Мы оба не обещаны ему.
Мертвы – вчера, оживлены – сегодня,
я сам не понимаю, почему

– а состояние человека в нем определяет как *детский испуг*.

И. Жданов упоминает *взыскуемый град* в своем «Преображении» (Жданов, 2006, с. 120), а в эссе «Мнимые пространства» создает образ *города-горы, изрытой гроздьями нор³*, и подсказывает путь к восстановлению стены Небесного Иерусалима (Жданов, 2006, с. 38):

Сверхгород – это сверхниша, а ниша – обманчивое пространство, обиталище, где можно как будто укрыться. Ниши чаще всего пусты, город заполнен ими, это толпы дверей, никуда не ведущих. Но есть города, где в их мнимых пространствах можно увидеть того, кого называют небесной дверью, снисшедшей на землю. Ниша – тайник, стена и не стена, пауза в стене, призрачное пространство. Не надо искать где-нибудь в мироздании место, где пространство и время совмещены в одно – войди в нишу и ты почувствуешь, что это место здесь. Войди – и ты отождествишься с ней: станешь кирпичом в стене, частью стены.

Он называет и необходимое условие: «если человек открыт, как Адам, а мир для него загадочен, деятелен и скульптурен» (Жданов, 2006, с. 38).

У А. Парщикова во «Вступлении» к поэме «Я жил на поле Полтавской битвы» (Парщиков, 1996, с. 91–92) также встречается мотив творческого обретения Небесного Иерусалима:

*Буквы, вы – армия, ослепшая вдруг и бредущая краем времен,
мы вас видим вплотную – рис ресниц, и сверху – риски колонн, –
брошена техника, люди, как на кукане, связаны температурой тел,
но очнутая войска, доберись хоть один до двенадцатислойных стен
Идеального Города, и выспись на чистом, и стань – херувим;
новым зреньем обводит нас текст и от лиц наших не отделим.*

³ Ср. у М. Цветаевой в «Поэме горы»: «Нашу гору застроят дачами, Палисадниками стеснят. <...> И пойдут лоскуты выкраивать, Перекладинами рябить. <...> По упорствующим расцелинам Дачник, поздно хватаясь, поймет: Не пригорок, поросший семьями: Кратер, пущенный в оборот!» (Цветаева, 1965, с. 448).

В образе *армии букв* угадывается символ Дантовых *райских войск*⁴, есть и другие «райские» приметы: машинка толкает лист *в гору*, из букв лепится *холм*.

А. Драгомощенко же пишет о *фабуле разветвляющегося города* (Драгомощенко, 2011, с. 346) и тоже указывает на приметы «райского» состояния: наблюдается *звездное роение, склон открыт ветру*, но сам *город-рай* у него «вместо того, чтобы приближаться, раскрываясь, — удаляется, покуда не пропадает за пределами фразы». Таким образом, *город* предстает уже как не столько собственно *рай*, сколько как «райский» *текст*.

Таким образом, обретая утраченный рай, угадывая его следы по приметам, обращаясь к ветхо- и новозаветным образам Рая, русская нетрадиционная поэзия конца XX века воссоздает его двойник в своем бесконечно расширяющемся, обещающем множество ступеней преобразования и восхождения к изначальному смыслу «райском» тексте. Если говорить о традициях, он получается ошеломляющим и безграничным, как у Данте, и при этом «далеко не азбучным», как у М. Цветаевой (Цветаева, 1965, с. 444). И, как у О. Мандельштама (Мандельштам, 1994, с. 241), в этом раю «Адам и Ева совещаются, одетые по самой последней райской моде».

Список литературы

Аверинцев С. С. Рай // Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2. М., 1982. С. 363–366.

Аристов В. Избранные стихи и поэмы. СПб., 2008.

Даенин Е. Возведение в степень. М., 2000.

Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. с итал. М. Лозинского. М., 1974.

Драгомощенко А. Тавтология : стихотворения, эссе / предисл. А. Скидана, послесл. Е. Павлова. М., 2011.

Жданов И. Воздух и ветер. Сочинения и фотографии. М., 2006.

Искренко Н. Вишневы сад продан? 1993а. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/iskrenko2-4.html> (дата обращения: 21.12.2017).

Искренко Н. Менее двух яблок. 1993б. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/iskrenko2-2.html#14> (дата обращения: 21.12.2017).

Искренко Н. Шары. 1993в. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/iskrenko2-1.html#5> (дата обращения: 21.12.2017).

Кутик И. Пятиборье чувств. М., 1990. URL: <http://modernpoetry.ru/main/ilya-kutik-izbrannoe> (дата обращения: 21.12.2017).

Кутик И. Персидские письма, или Вторая часть книги Смерть трагедии, выходящая из первой. М., 2003. URL: <http://modernpoetry.ru/main/ilya-kutik-persidskie-pisma> (дата обращения: 21.12.2017).

Мандельштам О. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3 : Стихи и проза 1930–1937 / сост. и коммент. П. Нерлер, А. Никитаева. М., 1994.

Парциков А. Выбранное. М., 1996.

Парциков А. Рай медленного огня. Эссе, письма, комментарии. М., 2006.

⁴ Ср. у Данте в «Божественной комедии», в главе «Paradiso»: *Здесь райских войск увидишь ты громаду...* (Данте, 1974, с. 799).

Северская О.И. Язык поэтической школы: социолект, идиолект, идиостиль. М., 2007.

Соловьев С. В стороне / предисл. А. Илличевского. М., 2010. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/soloviev4.html> (дата обращения: 21.12.2017).

Соловьев С. Пир: тексты, стихи, беседы. Николаев; Симферополь, 1993.

Цветаева М. Избранные произведения / сост., подгот. текста и примеч. А. Эфрон, А. Саакянц. М.; Л., 1965.

Об авторе

Ольга Игоревна Северская, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН «Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН», Россия.

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

Для цитирования:

Северская О.И. Образы рая в русской поэзии конца XX века // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №2. С. 60–68. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-5.

IMAGES OF PARADISE IN THE RUSSIAN POETRY THE END OF THE 20TH CENTURY

*Olga I. Severskaya*¹

¹V.V. Vinogradov Russian Language Institute

18/2 Volkhonka St., Moscow, 119019, Russia

Submitted on February 01, 2018

doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-5

The article deals with the concept of Paradise and its figurative representations inherent in the poetic generation of the 1980-2000s. The study is based on the material of the poetry of Russian meta-realists – A. Parshchikov, I. Zhdanov, A. Eremenko, A. Dragomoschenko, V. Aristov, S. Soloviev, Ye. Danin, and N. Iskrenko, a member of the Moscow "Poetry" club. The author reveals the specific character of the metaphorization of the mythologeme and the realization of its symbolic meanings in poetic representations of the Garden of Eden, the earthly and heavenly Paradise in the image of the city and the mountain, the boundaries of Paradise, the light as a marker of heavenly elements and energies. The study shows that both the Old and New Testaments determine poetic interpretations of Paradise, and the Paradise itself looks apocalyptic. The author analyzes the images of the Forbidden fruit and the Tree of knowledge, and reinterprets the expulsion from Paradise into exile in Paradise. It is emphasized that the poetry of the period under consideration is characterized by philosophical reflections on Paradise as a Purgatory; it shows the traumatism of paradise freedom, which is determined by the experience of this poetic generation of moving from the literary underground to the centre of the literary process and by changing the reality reflected in poetry, the appearance in this reality of signs of "paradise life" and new, sometimes surpassing the creative personality, opportunities for self-expression. There is also a connection between the new "paradise" poetry and the literary tradition that comes from Dante, Mandelstam, and Tsvetaeva.

Keywords: "Paradise" text, images of Paradise, Biblical motifs, poetry of the turn of the 20th century, literary tradition, linguistic poetics.

References

- Averintsev, S.S., 1982. Paradise. In: S. A. Tokarev, ed. *Mify narodov mira* [Myths of the World]. Vol. 2. Moscow. pp. 363–366 (in Russ.).
- Aristov, V., 2008. *Izbrannye stikhi i poemy* [Selected poems]. St. Petersburg (in Russ.).
- Daenin, E., 2000. *Vozvedenie v stepen'* [Exponentiation]. Moscow (in Russ.).
- Dante, Alig'eri, 1974. *Bozhestvoennaya komediya* [The Divine Comedy]. Moscow (in Russ.).
- Dragomoshchenko, A., 2011. *Tautologiya: stikhotvoreniya, esse* [Tautology. Poems, essays]. Moscow (in Russ.).
- Zhdanov, I., 2006. *Vozdukh i veter. Sochineniya i fotografii* [Air and wind. Texts and photos]. Moscow (in Russ.).
- Iskrenko, N., 1993. *Vishnevyy sad prodan?* [The Cherry Orchard sold?]. Available at: <http://www.vavilon.ru/texts/iskrenko2-4.html> [Accessed 21 December 2017] (in Russ.).
- Iskrenko, N., 1993. *Menee dvuh yablok* [Less than two apples]. Available at: <http://www.vavilon.ru/texts/iskrenko2-2.html#14> [Accessed 21 December 2017] (in Russ.).
- Iskrenko, N., 1993. *Shary* [Balls]. Available at: <http://www.vavilon.ru/texts/iskrenko2-1.html#5> [Accessed 21 December 2017] (in Russ.).
- Kutik, I., 1990. *Pyatibor'e chuvstv* [Pentathlon of Feelings]. Moscow. Available at: <http://modernpoetry.ru/main/ilya-kutik-izbrannoe> [Accessed 21 December 2017] (in Russ.).
- Kutik, I., 2003. *Persidskie pis'ma* [Pentathlon of feelings]. Moscow. Available at: <http://modernpoetry.ru/main/ilya-kutik-persidskie-pisma> [Accessed 21 December 2017] (in Russ.).
- Mandel'shtam, O., 1994. *Sobranie sochinenii v 4-kh tt. T. 3: Stikhi i proza 1930–1937* [Collected works in 4 vols. T. 3: Poems and prose 1930–1937]. Moscow (in Russ.).
- Parshchikov, A., 1996. *Vybrannoe* [Selected] (in Russ.).
- Parshchikov, A., 2006. *Rai medlennogo ognya. Esse, pis'ma, kommentarii* [Paradise of slow fire. Essays, letters, comments]. Moscow (in Russ.).
- Severskaya, O.I., 2007. *Yazyk poeticheskoi shkoly: sotsiolekt, idiolekt, idiosstil'* [The language of the poetic school: sociolect, idiolect, idiosstyle]. Moscow (in Russ.).
- Solov'ev, S., 2010. *V storone* [On the side]. Moscow. Available at: <http://www.vavilon.ru/texts/soloviev4.html> [Accessed 21 December 2017] (in Russ.).
- Solov'ev, S., 1993. *Pir: Teksty, stikhi, besedy* [Feast. Texts, poems, talks]. Nikolaev-Simferopol' (in Russ.).
- Tsvetaeva, M., 1965. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow-Leningrad (in Russ.).

The author

Dr Olga Severskaya, Leading Research Fellow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute, the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

To cite this article:

Severskaya O.I. 2018, Images of Paradise in the Russian poetry the end of the 20th Century, *Slovo.ru: baltiyskij accent*, Vol. 9, no. 2, p. 60–68. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-5.

СЕМИОТИЧЕСКАЯ ГИБРИДИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА СЕМАНТИКИ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ

Е. Е. Голубкова¹, С. В. Канашина²

¹ Московский государственный лингвистический университет
119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38 стр. 1

² Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76
Поступила в редакцию 10.07.2017 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-6

Статья посвящена изучению процесса семиотической гибридации интернет-мема, популярной единицы интернет-коммуникации. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью полимодальной природы интернет-мема. Цель статьи – проанализировать и описать процесс семиотической гибридации в интернет-мемах. Исследование показало, что семиотическая гибридация в интернет-мемах формирует семантику данных единиц, при этом вербальный и невербальный компоненты мема взаимодействуют на концептуальном уровне. Процесс семиотической гибридации может быть проанализирован с помощью теории концептуальной интеграции, разработанной Ж. Фоконье и М. Тернером. Особое внимание уделяется разбору конкретных примеров англоязычных интернет-мемов.

Ключевые слова: интернет-мем, концептуальная интеграция, семиотическая гибридация, ментальное.

Интернет-мем представляет собой сложную полимодальную единицу интернет-коммуникации, включающую вербальный (текстовый) и невербальный (визуальный) компоненты. Вербальный компонент интернет-мема выражен сопроводительной надписью, а невербальный – фотографией, рисунком, кадром из фильма и т. д.

Несмотря на популярность и массовость интернет-мемов в интернет-коммуникации, они еще недостаточно изучены в лингвистике. Большинство исследований, затрагивающих интернет-мемы, были проведены такими зарубежными специалистами, как Франсис Хейлиген (Francis Heylighen) из Бельгии, Ричард Докинз (Richard Dawkins) и Сьюзен Блэкмор (Susan Blackmore) из Англии и др. Интерес зарубежных ученых к интернет-мемам объясняется прежде всего тем, что они как феномен западной культуры, возникли в рамках англоязычной интернет-коммуникации в начале XXI века.

Примечателен тот факт, что большинство исследований, посвященных интернет-мемам, относится не к лингвистике, а к области общественных и культурологических наук, то есть интернет-мемы рассматриваются с позиций культурологии, социологии, философии и т. д. Например, С. Блэкмор изучала интернет-мемы в контексте виртуаль-

ной реальности с уклоном в психологию, а Ф. Хейлинген анализировала данные единицы с точки зрения теории эволюции и как объект философского осмысления.

В последнее время наблюдается повышенный интерес лингвистов к данному интернет-феномену, который мотивирован, во-первых, уникальными жанровыми характеристиками, во-вторых, сложной концептуальной структурой этих единиц, что объясняет необходимость применения различных когнитивных механизмов при декодировании смысла мемов, в-третьих, полимодальной природой интернет-мема, требующей детального рассмотрения.

Полимодальная природа интернет-мема инициирует взаимодействие двух семиотических систем, вербального и визуального кодов, а также обогащает его в лингвистическом плане: интернет-мем является платформой для лингвокреативности, демонстрируя игру слов, оригинальные метафоры, намеренное искажение правописания, усложненное взаимодействие вербального и визуального рядов.

Два канала поступления информации, вербальный и визуальный, задействованные в интернет-мемах и относящиеся к разнородным семиотическим системам, делают интернет-мем семиотически осложненной единицей, основанной на взаимодействии компонентов разного семиотического характера. Взаимодействие вербального и невербального компонентов в меме создает условия не только для структурной целостности данных единиц на уровне формы, но и для семантического и прагматического единства на уровне содержания.

В настоящей статье мы хотели бы рассмотреть проблему взаимодействия различных семиотических систем в процессе формирования смысла и прагматического задания интернет-мема.

Процесс, при котором взаимодействуют единицы различного семиотического характера, традиционно называется семиотической гибридизацией. Этот термин и акцентирует внимание на семиотической разнородности единиц, входящих в состав гибридного произведения, и подчеркивает усложненную природу гибрида, смысл которого не сводится к сумме смыслов его компонентов.

Процесс семиотической гибридизации имеет важные когнитивные основания. Во-первых, семиотическая гибридизация основана на базовом принципе человеческого восприятия — целостности¹. Любой пред-

¹ Психологи В.П. Зинченко и Т.П. Зинченко отмечают, что «восприятие есть целостный образ предмета... Восприятие в значительной мере не отвечает нашим мгновенным ощущениям и не является простой их суммой. Мы воспринимаем фактически абстрагированную из этих ощущений обобщенную структуру, которая формируется в течение некоторого времени. Если человек слушает какую-нибудь мелодию, то услышанные ранее ноты продолжают еще звучать у него в уме, когда поступает новая нота. Обычно слушающий понимает музыкальную вещь, то есть воспринимает ее структуру в целом. Очевидно, что самая последняя из услышанных нот в отдельности не может быть основой для такого понимания: в уме слушающего продолжает звучать вся структура мелодии с разнообразными взаимосвязями входящих в нее элементов» (Петровский, Брушлинский, Зинченко, 1986, с. 267).

мет, какой бы комплексной структурой он ни обладал, воспринимается человеком целостно — как единый феномен, поэтому даже если предмет содержит знаки различной семиотической природы, он воспринимается не фрагментарно, а целостно.

Во-вторых, процесс семиотической гибридизации указывает на одну из основных характеристик разных семиотических систем — их идентичность. Несмотря на важные различия, знаки, принадлежащие к разным семиотическим системам, похожи друг на друга, что и объясняет их возможность комбинироваться, соединяться и образовывать комплексные единства. Схожесть различных семиотических систем основана на том, что знак любой семиотической природы может выступать в качестве объекта познания. Это означает, что единицы различного семиотического характера могут комбинироваться и образовывать комплексные гибриды, которые, будучи объектом познания, затрагивают одни и те же познавательные процессы.

Семиотическая гибридизация представляет собой естественный процесс, реализуемый не только в контексте творческого осмысления мира или его лингвокреативного описания. Она, прежде всего, основана на глубинных когнитивных структурах знаков, поэтому для описания данного процесса требуется специальная методология. В качестве метода описания и анализа процесса семиотической гибридизации в мемах может быть применена предложенная Ж. Фоконье и М. Тернером *теория концептуальной интеграции*, которая позволяет описать данный процесс с учетом взаимосвязи семиотически разных элементов (Fauconnier, Turner, 1988).

Поскольку присутствие в интернет-мемах визуального и вербального компонентов неизбежно ведет к их взаимодействию и интерференции, это усложняет не только содержательный план данных единиц, но и концептуальный уровень, так как и вербальный, и невербальный компоненты актуализируют когнитивные единицы — концепты, фреймы, слоты. Данные единицы образуют особого рода структуры — ментальные пространства, взаимодействующие между собой и тем самым инициирующие процесс концептуальной интеграции.

Концептуальная интеграция понимается как когнитивная операция, которая реализуется по определенной модели на различных уровнях абстракции и имеет определенную структуру, содержащую исходные пространства, общее пространство и смешанное пространство (бленд). Все эти компоненты являются ментальными пространствами (Fauconnier, Turner, 1998).

Ментальные пространства являются «постоянно модифицируемыми когнитивными структурами, между которыми устанавливаются многочисленные связи (временные, пространственные, гипотетические, идентификационные, контрафактуальные, причинно-следственные и др.). Данные связи объединяют ментальные пространства в гибкие конфигурации и обеспечивают свободный доступ ко всем пространствам, предоставляя возможность в любой момент произвести необходимые изменения в дискурсе» (Бочарникова, 2011, с. 184).

Образованный в результате концептуальной интеграции бленд, хотя и демонстрирует черты исходных ментальных пространств, представляет собой не формальное их наложение, а автономное ментальное пространство, которое может наделяться новыми смыслами в данном дискурсе (Fauconnier, Turner, 1998).

Процесс концептуальной интеграции, таким образом, приобретает в мемах комплексный характер, поскольку источником ментальных пространств может выступать не только вербальный, но и невербальный компонент; следовательно, количество потенциальных ментальных пространств увеличивается, и они, образуя концептуальные связи, генерируют сложные, полимодальные бленды. Из-за большого количества исходных ментальных пространств процесс концептуальной интеграции в мемах может иметь многоуровневую структуру и требовать сложной концептуальной схемы для описания. Кроме того, ментальные пространства в мемах не равнозначны по смысловой нагрузке.

Теория концептуальной интеграции позволяет описать и проанализировать сложный процесс семиотической гибридизации в интернет-мемах, в котором семиотически разные компоненты взаимодействуют на концептуальном уровне. В этом смысле теория концептуальной интеграции может быть достаточно успешно применена для декодирования смысла мема.

На рисунке 1 представлен мем, сопроводительная надпись которого гласит: «Отговорки — гвозди, которые используют, чтобы построить дом неудачи». Сложная метафора подкрепляется фотографией забитого гвоздя, которая визуализирует образ и придает яркость и реалистичность мему. Черная рамка создает настроение серьезности и важности и относит мем к жанру демотиваторов. Мем построен на негативной риторике: отрицательный образ, сформированный в сопроводительной надписи, усиливается отрицательным образом визуального компонента.

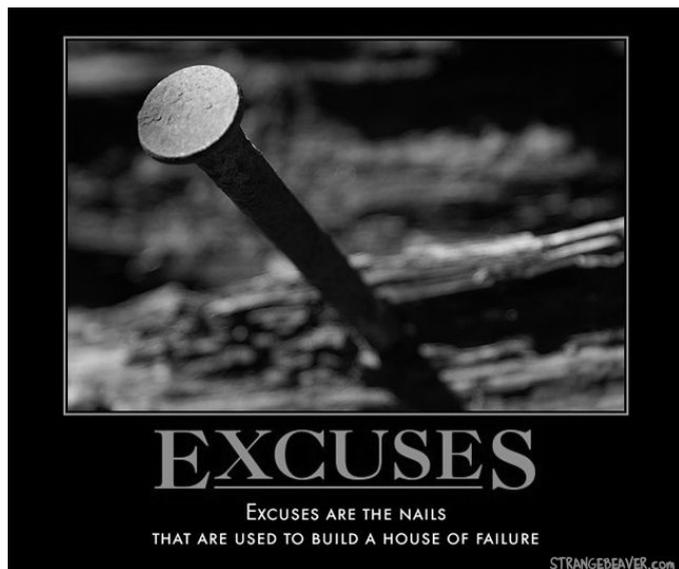

Рис. 1

В данном меме актуализируется концептуальная метафора «дом – отражение личности человека, результат труда», которую можно проследить в таких английских поговорах, как *No good building without good foundation* (англ. *Хорошего здания не бывает без хорошего фундамента*), *The house shows the owner* (англ. *Всякий дом хозяином славится*), *A home can be made a heaven or a hell* (англ. *Дом может стать и раем, и адом*). Используемая здесь концептуальная метафора задействует универсальный концепт *дома*, прототипичный для большинства культур; следовательно, мем при адекватном переводе наверняка будет понятен не только носителям английского языка. Процесс семиотической гибридации в данном меме может быть представлен с помощью схемы ментальных пространств (рис. 2), которые, проецируясь друг на друга, генерируют бленд с автономным значением. Этот мем наглядно демонстрирует взаимосвязь вербального и визуального компонентов на концептуальном уровне.

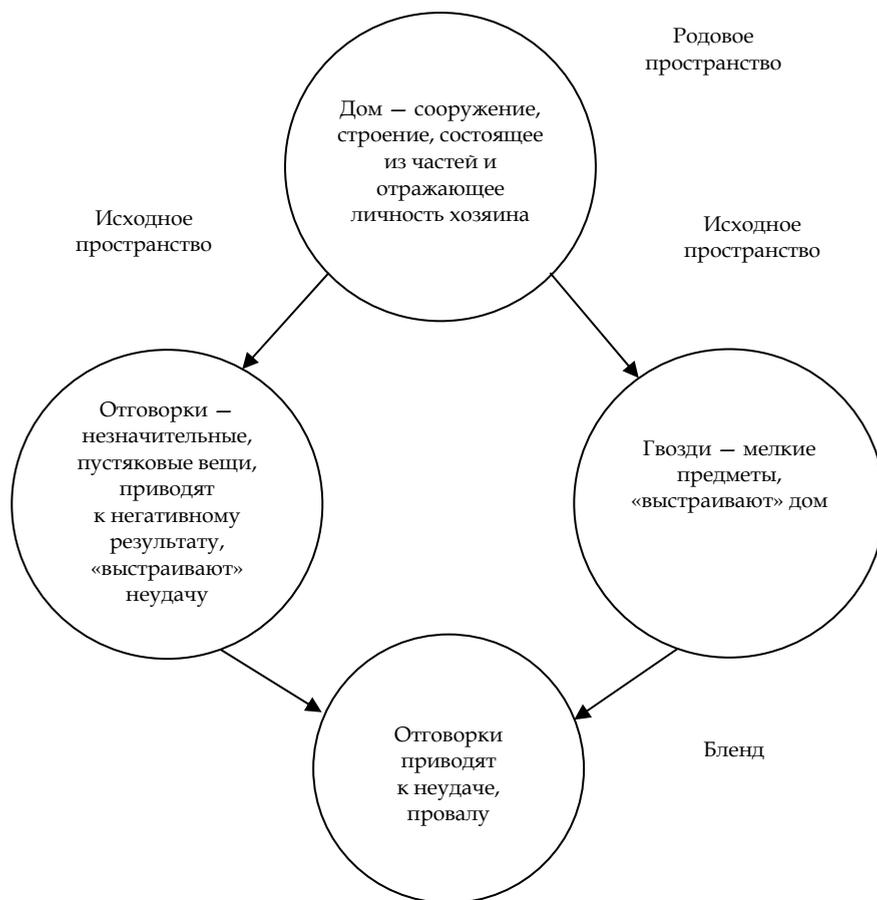

Рис. 2

На рисунке 3 изображен мем, посвященный маркетингу. Сопроводительная надпись переводится как «Маркетинг, потому что сделать это выглядящим хорошо сейчас более важно, чем предоставить подходящую поддержку позднее». Интернет-мем также основан на легко узнаваемом символе, но символ представлен не в вербальном, а в невербальном компоненте: замок из песка визуализирует концептуальную метафору «замок из песка — нечто иллюзорное, несуществующее».

Рис. 3

Особенность процесса семиотической гибридизации в данном меме состоит в том, что невербальный компонент не только подкрепляет смысл вербального, но и наделяет мем новыми смыслами, намекая на обманчивые уловки и стратегии маркетинга. Красный цвет слова *маркетинг* на оригинальном изображении также имеет особое значение и формирует автономное ментальное пространство, выражающее идею опасности, тревоги. Процесс семиотической гибридизации также может быть продемонстрирован схемой ментальных пространств (рис. 4).

Следующий мем (рис. 5) посвящен проблеме атеизма. Сопроводительная надпись гласит: «Вера. Если ты не видишь что-то, это не означает, что этого не существует». В данном меме также задействуется символизм, образ рыбы — традиционный символ Христа в христианской культуре, а море — символ сотворения мира и в то же время символ наказания человечества богом (ср. библейское сказание о Всемирном потопе). Человек в лодке олицетворяет путника под защитой бога. Акула передает идею опасности. Синий цвет на оригинальном рисунке также влияет на семантику мема и передает настроение вечности, небесности.

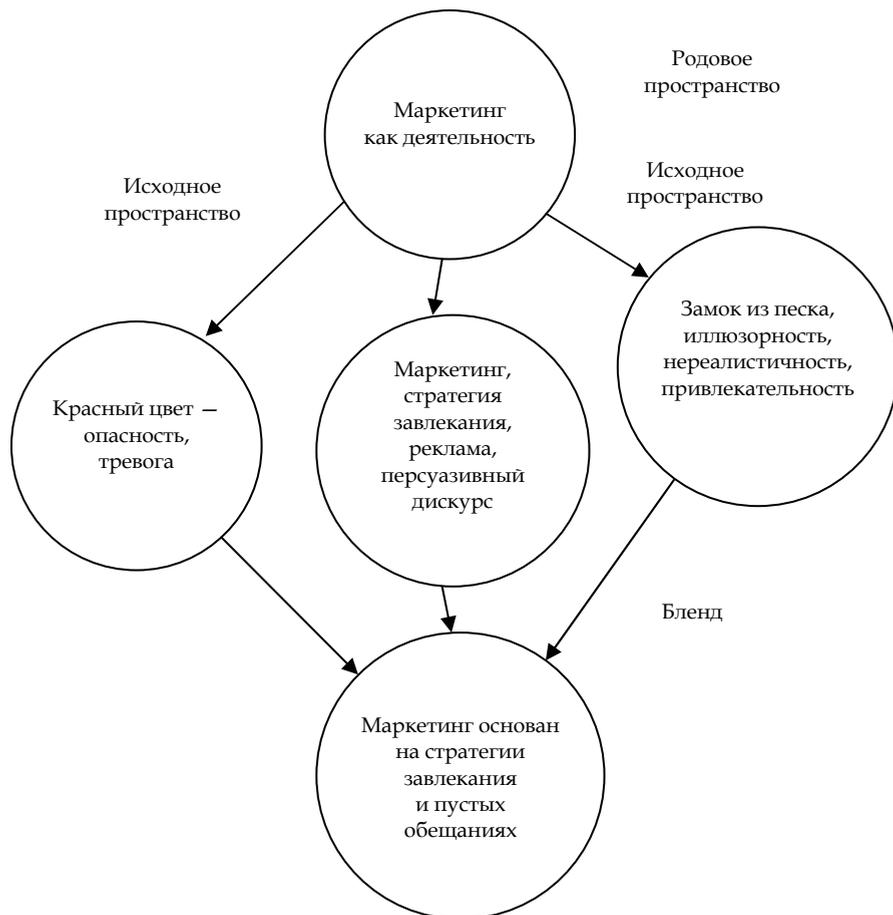

Рис. 4

Рис. 5

Смысл данного мема конструируется благодаря взаимодействию вербального и невербального компонента; при этом невербальный компонент «обрастает» новым смыслом, семантически обогащается под влиянием вербального. В результате семиотической гибридизации (рис. 6) рождается бленд со сложным значением: вера открывается тем, кто глубже видит окружающий мир, а атеизм опасен.

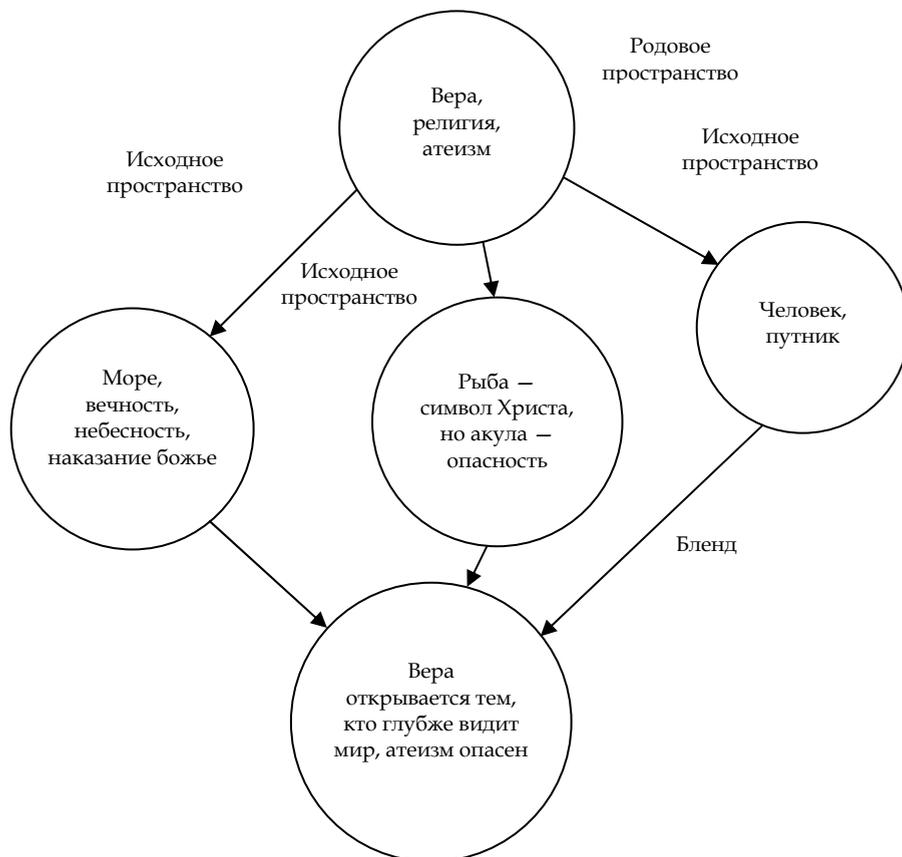

Рис. 6

Мем на рисунке 7 изображает рукопожатие робота и человека, тем самым намекая на положительный, прогрессивный характер процесса роботизации, на конструктивное сотрудничество человека и робота. Однако сопроводительная надпись переводится: «Инновации. Они могут сделать твою работу легче, они, возможно, могут сделать твою работу ненужной» — и передает значение, контрастирующее с позитивной риторикой невербального компонента, а также намекает на вытеснение человеческого труда роботизированным.

Таким образом, вербальный компонент мема, представленного на рисунке 7, вступает в концептуальную оппозицию с невербальным компонентом, и смысл мема конструируется при наложении двух компонентов (рис. 8).

Рис. 7

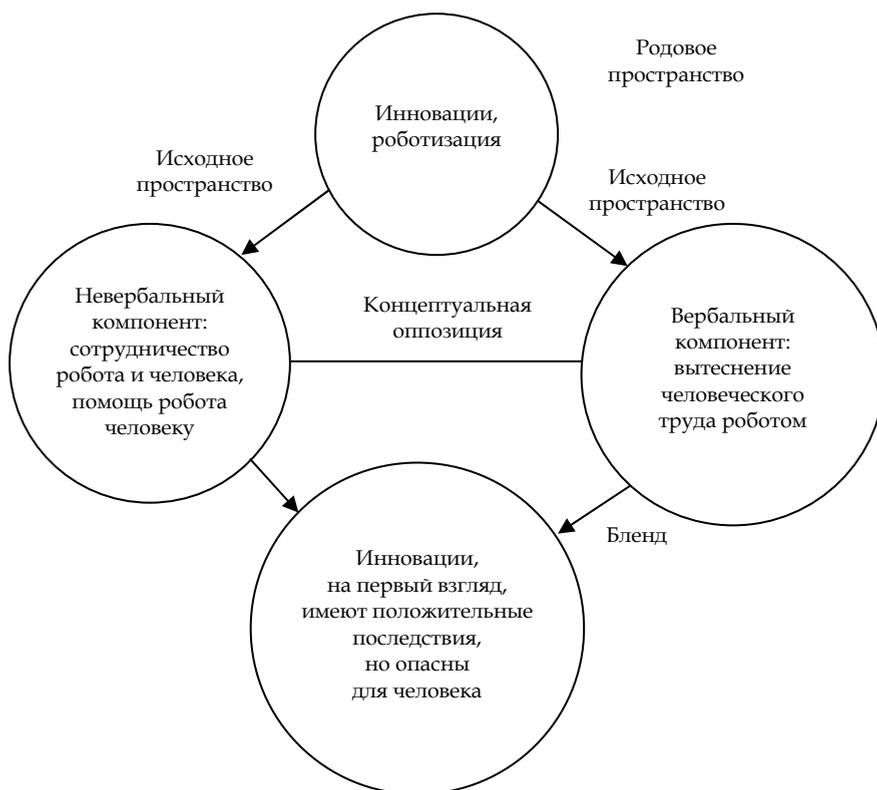

Рис. 8

Анализ семиотической гибридации в интернет-мемах с помощью теории концептуальной интеграции показал, что наблюдается взаимодействие вербального и невербального компонентов и смысл мема кон-

струируется при участии двух составляющих. Кроме того, функционирование общих когнитивных механизмов построения смысла дискурса, таких как концептуальная интеграция, фокусирование и дефокусирование, компрессия, прецедентность, интертекстуальность и проч., будут носить уникальный характер в интернет-меме в связи с полимодальным характером данной семиотической единицы и ее способностью к воспроизводству и распространению.

Список литературы

Голубкова Е.Е. Дискурсивная составляющая в исследованиях по когнитивной семантике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 5 (638). С. 90–98.

Бочарникова Е.А. Концептуальная интеграция как основной когнитивный механизм при интердискурсивном взаимодействии // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы : матер. междунар. науч. конф. М., 2011. С. 184–186.

Ирисханова О.К. О теории концептуальной интеграции // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2001. Т. 60, №3. С. 44–49.

Петровский А.В., Брушлинский А.В., Зинченко В.П. Общая психология. М., 1986.

Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // Cognitive science. 1998. Vol. 22, № 2. P. 133–187.

Об авторах

Екатерина Евгеньевна Голубкова, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет, Россия.

E-mail: katemg@yandex.ru

Светлана Валериевна Канашина, кандидат филологических наук, преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Россия.

E-mail: svetlanakanashina@yandex.ru

Для цитирования:

Голубкова Е.Е., Канашина С.В. Семиотическая гибридизация как основа семантики интернет-мемов // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №2. С. 69–79. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-6.

SEMIOTIC HYBRIDISATION AS THE BASIS OF INTERNET MEME SEMANTICS

E. E. Golubkova¹, S. V. Kanashina²

¹ Moscow State Linguistic University
38 Ostozhenka St., Moscow, 119034, Russia

² Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
76 Vernadskogo Ave., Moscow, 119454, Russia

Submitted on July 10, 2017
doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-6

The authors study the process of semiotic hybridisation in internet memes, which are a popular internet communication phenomenon. The relevance of the topic is conditioned by the lack of academic research into multimodal features of internet memes. The aim of the research

work is to analyse the process of semiotic hybridisation in internet memes. The authors hold that semiotic hybridisation in internet memes construes the semantics of these units, while their verbal and non-verbal components interact on the conceptual level. The theory of conceptual integration elaborated by J. Fauconnier and M. Turner can provide a theoretical foundation for the analysis of semiotic hybridization. English internet memes are used as examples to illustrate the main research findings.

Keywords: internet meme, conceptual integration, semiotic hybridisation, mental space.

References

Golubkova, E. E., 2012. Discursive component in studies on cognitive semantics. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University], 5 (638), pp. 90–98 (in Russ.).

Bocharnikova, E. A., 2011. Conceptual integration as the main cognitive mechanism in interdiscursive interaction. In: *Diskurs kak sotsial'naya deyatel'nost': priority i perspektivy: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Discourse as a social activity: priorities and perspectives: Proceedings of the International Scientific Conference], Moscow, November 17–18, 2011. pp. 184–186 (in Russ.).

Iriskhanova, O. K., 2001. About theory of conceptual integration. *Izv. RAN, Seriya literatury i yazyka* [Izv. RAN, Series of literature and language], 60(3), pp. 44–49 (in Russ.).

Petrovskii, A. V., Brushlinskii, A. V., Zinchenko, V. P., 1986. *Obshchaya psikhologiya* [General psychology]. Moscow. 464 p. (in Russ.).

Fauconnier, G., 1998. Turner M. Conceptual integration networks. *Cognitive science*. London. 22(2), pp. 133–187.

The authors

Dr Ekaterina E. Golubkova, Professor, Moscow State Linguistic University, Russia.

E-mail: katemg@yandex.ru

Dr Svetlana V. Kanashina, Lecturer, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation, Russia.

E-mail: svetlanakanashina@yandex.ru

To cite this article:

Golubkova E. E. 2018, Semiotic hybridisation as the basis of internet meme semantics, *Slovo.ru: baltiiskij accent*, Vol. 9, no. 2, p. 69–79. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-6.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР: МИФ КАК МЕМ

А. В. Проскурина¹

¹ Новосибирский государственный технический университет
630073, Россия, Новосибирск, просп. Карла Маркса, 20
Поступила в редакцию 19.12.2017 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-7

Рассматривается межпоколенческая трансляция идеи мифа в рамках культурно-исторической дихотомии «коммуникация – передача», в частности, с позиции единицы культурного наследования (мем). Отмечается, что наиболее интересные для индивида мемы способны к передаче информации из поколения в поколение, тогда как наименее привлекательные мифы консервируются в стадии сиюминутной коммуникации и не способны далее реплицироваться в условиях разных поколений. Однако, как показано в работе, лингвокультурный трансфер негенетической информации во времени и пространстве никогда идеально не происходит, и в популяции репликаторов возникают мутированные варианты, отличающиеся друг от друга. Это способствовало возникновению большого количества вариативных религиозных течений, астрологических прогнозов, заговоров и т. п. Подчеркивается семиотическая система мифа, главной чертой которой является адресная направленность. Делается вывод, что живучесть мифов обусловлена именно лингвокультурным трансфером информации в условиях разных поколений, в силу психологической привлекательности мемов того или иного мифа для человека.

Ключевые слова: миф, лингвокультурный трансфер, коммуникация, передача, мем.

Испокон веков человечество овеяно мифами, передающимися из традиции в традицию, из поколения в поколение. Миф притягателен в силу своей понятности, а также лаконичности идеи или же пересказа основной сюжетной линии. Ролан Барт в своей работе «Мифологии» (Барт, 2008) понимает под мифом абсолютно все, что может быть включено в дискурс, поскольку миф – слово. Следовательно, именно лингвокультурный трансфер определяет существование мифа, а отсутствие такого трансфера – неминуемое его забвение.

Под лингвокультурным трансфером нами понимается перенос информации во времени, определяемый двояко: одномоментный перенос информации свойственен коммуникации, тогда как трансляция информации в диахронии является передачей. Как отмечает Режи Дебре (Дебре, 2010), коммуникация погружена в синхронные отношения, ее цель – скорость передаваемого сообщения, направленного на современную аудиторию. При коммуникации реализуются прагматические отношения, а период ее существования – современная эпоха. В контрасте с коммуникацией передача осуществляется между поколениями, ее

цель — вечность. Дихотомия «коммуникация — передача» взаимодействует с ранее предложенной Фердинандом де Соссюром дихотомией «синхрония — диахрония», так как только на основе связи «синхрония — коммуникация» возможно осуществление связи «диахрония — передача». Таким образом, дихотомия «диахрония — передача» базируется на основе дихотомии «синхрония — коммуникация».

Межпоколенческая трансляция любой идеи мифа может быть рассмотрена в рамках дихотомии, предложенной Режи Дебре, поскольку она представляет собой дихотомию особого порядка — культурно-историческую, связанную не со свойствами языка и его структурой, а с его функцией. Миф, согласно Р. Барту, — это особая система, создающаяся на основе уже ранее существовавшей семиотической цепочки; иными словами, миф является вторичной семиотической системой. «То, что в первичной системе было знаком (итог ассоциации понятия и образа), во вторичной оказывается всего лишь означающим» (Барт, 2008, с. 271). В качестве носителя некоей мифической идеи необязательно должно выступать письмо, им может служить и неписьменный дискурс: фотография, фильм, спектакль, реклама и т.п. «Миф ничего не скрывает и ничего не демонстрирует — он деформирует; его тактика — не правда и не ложь, а отклонение» (Барт, 2008, с. 289). Так, Эдмунд Лич приводит следующий пример, иллюстрирующий, что религиозные утверждения имеют смысл, относящийся к области метафизической реальности (вера), тогда как обычные логические утверждения характеризуются смыслом физической реальности (знание).

В нормальном английском словоупотреблении мы *не* говорим: «Я верю, что $3 \times 3 = 9$ ». Мы воспринимаем арифметическую формулу как простую логическую констатацию факта. Мы *знаем*, что это соответствует истине. Напротив, всегда, когда мы приносим религиозные постулаты, мы прибегаем к понятию веры. «Я *верю* в Бога-Отца...». Использование формулы «Я верю в...» приравнивается к предупреждению; это все равно что сказать: «К тому, что последует далее, правила обычной логики неприменимы (Лич, 2001, с. 86).

Как справедливо подмечено С.Г. Проскуриным (Проскурин, 2011, с. 252), понятие «религия» не синонимично понятию «вера», поскольку первое принадлежит метасистемному порядку наблюдателя. Так, предикат «я верую» символизирует ядерное значение как ценность, однако утверждение «я религиозен» возможно только по отношению к субъекту культуры с позиции внешнего наблюдателя. Перформативное утверждение «я верую» выражает принадлежность верующего человека к ценности культуры, тогда как констатив «я религиозен» не обладает семантической согласованностью с субъектом, поскольку привносится в культуру ее наблюдателем извне. Приведем цитату И.А. Тульпе относительно философской взаимосвязи мифа и религии:

Если исходить из того, что религия есть качественно иное относительно мифологии, то, следовательно, религиозная идея сверхъестественного не могла появиться в результате эволюционного выделения сверхъестествен-

ного из первоначального дораздельного единства мира. «Сверхъестественным» здесь был, по сути дела, характер связи всего со всем, имевший основание в голове, а не в реальности, но онтологизированный мифоритуальным сознанием. Естественный мир существовал по не/внеестественным законам, открытым человеком, бывшим частью и функцией этого мира. Законы существования мира, естественные (природные) для архаического человека, в действительности существовали в его сознании, и он сам «навязал» их миру. Тождество предмета и понятия о нем определяло нераздельность естественно/сверхъестественного (природно/культурного) мира мифологической модели. Представляется, что именно поэтому невозможна постепенность разотождествления. Однако невозможное в религии реализуется в пределах искусства. При этом сверхъестественное, ирреальное в искусстве и в религии отличны друг от друга в том, что в одном случае (искусство) эта ирреальность осознается как продукт воображения, в другом (религия) — выдается за действительно существующее (Тульпе, 2012, с. 120).

Следовательно, наиболее привлекательной идеей для человеческой психики, транслирующейся в поколениях, является жажда сохранения индивидуального «я» в вечности, а также мнимая поддержка, исходящая от сверхъестественных сил.

Безоговорочная, подчас истинно слепая вера в сверхъестественные силы была, есть и будет присуща человеку. Идея о наделении обычных повседневных вещей некой магической силой начинает транслироваться с самого раннего развития человеческого общества. Процесс передачи такой идеи из поколения в поколение не зависит от географического положения, этнической группы, культурных особенностей и других характеристик человеческих обществ, однако вариант оформления идеи, то есть смысловая нагрузка передаваемой информации, напрямую зависит и варьируется в зависимости от вышеперечисленных факторов. А результатом такой непрерывной передачи информации, касающейся различных верований, сегодня можно назвать вариативность религиозных культов, сект, табу, верований в черную и белую магию, гаданий, гороскопов, заговоров и т. д. Интересен своим парадоксом тот факт, что, несмотря на развитие технологий, открытия современных ученых, доказательную базу, разоблачающую «магов-целителей», искренняя человеческая вера в некие магические способности не перестает существовать. Так, в 2002 году в журнале *Mensa Magazine* было опубликовано исследование Пола Белла о связи религии и коэффициента умственных способностей, где отмечалось следующее:

С 1927 года было проведено 43 исследования соотношений между религиозностью и уровнем образования/ коэффициентом умственного развития; все, кроме четырех, выявили обратную зависимость. То есть чем выше умственное развитие или уровень образования человека, тем менее вероятно, что он окажется религиозным или будет придерживаться верований любого толка (Докинз, 2017, с. 130).

Чем же может быть обусловлена живучесть передаваемой из поколения в поколение информации? Ответ на этот вопрос кроется в тео-

рии мемов, предложенной в трудах выдающегося британского ученого-этолога Ричарда Докинза, который определяет мем как «единицу культурного наследования, гипотетический аналог единичного гена. Предположительно [мем] сохраняется естественным отбором в силу своего “фенотипического” влияния на собственную выживаемость и тиражирование в культурной среде» (Докинз, 2013, с. 512). Иными словами, это цепочка реплицирующихся единиц, способных быть переданными из поколения в поколение благодаря культурному трансферу. Набор мемов (в теории Докинза известный как «мемплекс») направлен на успешное выживание благодаря привлекательности для человеческой психики таких идей, как, например, бессмертие, отпущение грехов, наведение порчи на обидчика, снятие порчи, предсказание будущего и т. д. Следовательно, наиболее интересные для индивида мемы способны к передаче информации, тогда как наименее привлекательные консервируются в стадии сиюминутной коммуникации и не способны далее реплицироваться в условиях разных поколений.

Газетные полосы, интернет-страницы, уличные объявления пестрят всевозможными «рецептами счастья», астрологическими прогнозами, заговорами. Ролан Барт в своей работе «Мифологии» метко подметил назначение астрологии в наши дни: «астрология и Литература выполняют одну и ту же функцию институционализации реальности “задним числом”; астрология — это и *есть* Литература мелкобуржуазного мира» (Барт, 2008, с. 240). Интересны астрологические прогнозы с точки зрения семантики, а именно с точки зрения того, как один и тот же ежедневный прогноз может быть подходящим для всех знаков зодиака, даже для недавно принятого Змееносца. Приведем пример, взятый из первой страницы запроса в Google, из самого первого результата по запросу «Близнецы, прогноз на 26 ноября»:

Луна говорит, что враги Близнецов готовят против них коварный план. Вы должны быть крайне осторожны в своих высказываниях и действиях. Зато в работе вам нет равных, вы отдаете себя полностью труду и не остаетесь без вознаграждения.

Не складывается ли у читателя в этот момент впечатление, что не только против Близнецов готовят коварный план враги, что не только Близнецы умеют качественно работать? Подобные примеры можно приводить до бесконечности.

Аналогичная ситуация обстоит и с (современными) заговорами. На одном из сайтов, который также выдал Google на первой странице запроса «Заговор», привлекает внимание относительно «безобидная» рубрика «Заговор на удачу экзамена — злой преподаватель больше не помеха». Приведем один из предложенных заговоров на экзамен:

За Иисусом апостолы шли, Ученья свет его несли. Так и я, раб Божий (имя) на учебу пойду, удачу с собой поведу. Аминь.

Предполагается, что это заклинание способствует успешной сдаче экзаменов, но отметим, что без знаний по сдаваемым предметам успешно завершить сессию невозможно.

Примеры подобных современных заблуждений встречаются часто и повсеместно.

Привлекательность таких мифов, как было отмечено выше, благоприятствует их трансферу из поколения в поколение, однако безоговорочное следование неким сверхъестественным предписаниям точно направлено на передачу «знаний» от одной группы лиц к другой в силу своей научной недоказанности. Это обусловлено, в частности, тем, что если для одних людей всеобщая идея предсказаний, пророчеств и не доказанных наукой паранормальных явлений предстает неоспоримым свидетельством существования потустороннего мира, то для других подобные деяния магов, целителей и предсказателей — всего лишь мифы. Например, семиотик Барт пишет:

...Основополагающая черта мифического понятия — это его *адресность*: «грамматическая примерность» касается учащихся строго определенного класса, «французская имперскость» должна тронуть такую-то, а не иную категорию читателей; понятие точно соответствует функции, оно обладает строгой ориентированностью (Барт, 2008, с. 277).

Ролан Барт предпринял попытку объяснить причину веры человека в мифы (Барт, 2008). По его мнению, она кроется в том, что семиологическая система представляет собой систему личных ценностей, значение которой индивид принимает за систему безоговорочных фактов, следовательно, в сознании человека миф предстает в качестве фактической системы, тогда как на деле он является всего лишь семиологической системой.

Подведем итог, ссылаясь на работу Ричарда Докинза «Бог как иллюзия» в подтверждение того, что следование тем или иным идеям — сугубо личный выбор каждого индивида, напрямую зависящий от его образования, культурной среды и окружения, которые так или иначе обуславливают жизнь человека. Р. Докинз отмечает:

Во время моего интервью с Уотсоном в Клэр я выразил мнение о том, что, в отличие от него и Крика, некоторые люди не признают существования конфликта между наукой и религией, потому что, по их мнению, наука объясняет, как мир работает, а религия — зачем он существует. Уотсон возразил: «Но я не думаю, что мы существуем зачем-то. Мы — продукт эволюции. Мне могут возразить: “Раз вы не видите перед собой цели, ваша жизнь, должно быть, довольна уныла”. Но у меня, как правило, есть цель, например сейчас — хорошо пообедать». Что нам и правда удалось сделать (Докинз, 2017, с. 126).

Таким образом, любой миф может быть рассмотрен сквозь призму коммуникации (перенос информации в пространстве в пределах одной и той же пространственно-временной сферы) и передачи (перенос информации во времени и пространстве между различными временными

сферами). При этом живучесть мифов обеспечивается именно лингвокультурным трансфером информации в условиях разных поколений, возможным благодаря привлекательности мемов того или иного мифа для человека.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

Список литературы

- Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М., 2008.
Дебре Р. Введение в медиалогию / пер. с фр. Б.М. Скуратова. М., 2010.
Докинз Р. Расширенный фенотип: длинная рука гена / пер. с англ. А. Гопко. М., 2013.
Докинз Р. Бог как иллюзия / пер. с англ. Н. Смелковой. СПб., 2017.
Лич Э. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии / пер. с англ. М., 2001.
Проскурин С. Г. Сетевые структуры в языке и культуре // Общество сетевых структур: моногр. / под общ. ред. М.В. Ромма, И.А. Вальдмана. Новосибирск, 2011. С. 233–280.
Тульне И. А. Мифология. Искусство. Религия. СПб., 2012.

Об авторе

Анна Вячеславовна Проскурина, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет, Россия.
E-mail: a.vyacheslavovna@gmail.com

Для цитирования:

Проскурина А.В. Лингвокультурный трансфер: миф как мем // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №2. С. 80–86. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-7.

LINGVOCULTURAL TRANSFER: A MYTH AS A MEME

A. V. Proskurina ¹

¹Novosibirsk State Technical University
20 Karla Marksa Ave., Novosibirsk, 630073, Russia
Submitted on December 19, 2017
doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-7

This author considers the intergenerational transmission of the idea of myth in the framework of the cultural-historical dichotomy "communication-transfer", examining it from the point of views of the unit of cultural inheritance (meme). The author notes that for an individual, the most interesting memes are capable of transmitting information from a tradition to a tradition, from a generation to a generation, whereas the least attractive myths exist at the moment of communication and are unlikely to be replicate by other generations. The authors hold that a linguocultural transfer of information in time and space is never ideal, and replicators create deviational variants of myths that somehow differ from each other. Such an imperfect process of intergenerational information transfer contributed to the emergence of a large number of variative religious trends, astrological forecasts and so on. The author describes the semiotic system of myth, the main feature of which is its targeted orientation. Such

a system of myth promotes the description of the impact of external phenomena on the inner world of man through far-fetched pseudo-historical legends. It is noteworthy that the idea of unconditional belief in supernatural forces remains relevant in the modern world, despite the evolutionary development of society. The vitality of myths, as shown in the work, results from the linguocultural transfer of information from one generation to another, due to the attractiveness of the memes of this or that myth for the human psyche.

Keywords: *myth, linguocultural transfer, communication, transfer, meme.*

References

- Barthes, R., 2008. *Mifologii* [Mythologies]. Moscow (in Russ.).
- Debray, R., 2010. *Vvedenie v medialogiyu* [Introduction à la médiologie]. Moscow (in Russ.).
- Dakinz, R., 2013. *Rasshirennyi fenotip: dlinnaya ruka gena* [The extended phenotype. The long reach of the gene]. Moscow (in Russ.).
- Dakinz, R., 2017. *Bog kak illuzia* [The God delusion]. St. Petersburg (in Russ.).
- Leach, E., 2001. *Kul'tura i kommunikatsiya: Logika vzaimosvyazi simvolov. K ispol'zovaniyu strukturalnogo analiza v sotsial'noi antropologii* [Culture and Communication: the logic by which symbols are connected. An introduction to the use of structuralist analysis in social anthropology]. Moscow (in Russ.).
- Proskurin, S. G., 2011. Network structures in language and culture. *Obshchestvo setevykh struktur* [Social network structures]. Novosibirsk. pp. 233–280 (in Russ.).
- Tul'pe, I. A., 2012. *Mifologiya. Iskusstvo. Religiya* [Mythology. Art. Religion]. St. Petersburg (in Russ.).

The author

Dr Anna V. Proskurina, Associate Professor, Novosibirsk State Technical University, Russia.

E-mail: a.vyacheslavovna@gmail.com

To cite this article:

Proskurina A. V. Linguocultural transfer: a myth as a meme, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 2, p. 80–86. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-7.

УДК 81'1

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ: ТЕМАТИЧЕСКИЙ НОМЕР «РУССКОГО ОБОЗРЕНИЯ»

*Ж. Р. Сладкевич*¹

¹ Гданьский университет
80-308, Польша, Гданьск, ул. Вита Ствоша, 51
Поступила в редакцию 16.04.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-8

Представлен обзор тематического номера польского научного журнала «Русское обозрение», посвященного созданию образа современной России в политическом, медийном, поэтическом, маркетинговом, дидактическом дискурсе в ракурсе национальной и межкультурной коммуникации (Przegląd Rusycystyczny / под ред. Ż. Stankiewicz. 2016. №4 (156)). Отмечается, что к категории образа, или имиджа, в последнее время интерес исследователей усилился. Заметное укрепление позиций антропологического, коммуникативно-деятельностного и прагматингвистического подходов к анализу языковых явлений и дискурсивных практик обусловило интенсивное изучение способов создания образа государства, а также его главы в различных сферах коммуникации.

Цель журнала – обмен идеями и наблюдениями между учеными, исследования которых в области различных научных дисциплин способствуют углублению знаний о России и формированию ее образа в пространстве как национальной, так и межкультурной коммуникации. В материалах номера освещаются теоретические и практические аспекты имиджологии.

Ключевые слова: образ государства, имидж президента, русский язык, образ в поэзии, медийный образ.

Для начала – небольшая информационная справка о научном ежеквартальном издании «Przegląd Rusycystyczny» («Русское обозрение»). Журнал основан Польским обществом русистов в 1967 году. В нем на русском, польском или английском языках печатаются статьи, материалы научных полемик, обзоры и рецензии на работы по современной русистике. «Русское обозрение» входит в научную базу *European Research Index in the Humanities*. Высокий стандарт журнала гарантирует коллектив редакционной коллегии и рецензентов, состоящий из видных специалистов польских и зарубежных научных центров.

Кардинальные социально-политические трансформации конца XX — начала XXI столетия, потрясшие мировое сообщество: изменение геополитической конфигурации Европы, распад СССР, неослабевающее напряжение на международной арене, длительное господство Владимира Путина на политической сцене, конфликты в Грузии, Украине, Сирии, санкции против России и другие события — усилили интерес исследователей к процессам управления жизнедеятельностью и умонастроениями масс в России, а также формированию общественного мнения об этой стране в глобализирующемся мире и общем информационном пространстве.

Ежегодно проводятся научные семинары и конференции, посвященные имиджу России и ее президента, русофобии и русофилии, акцентированию опасений и надежд, связанных с этим влиятельным господством и приводимой его правительством внутренней и международной политикой¹. По указанной проблематике пишутся монографии и защищаются магистерские, кандидатские и докторские диссертации по разным гуманитарным дисциплинам (Галумов, 2004; Борисенко, 2008; Безотосный, 2011; Циллорик, 2013; Рябов, 2016); см. также перечень (Гравер, 2012).

Следует отметить, что необходимость исследования механизмов речевого воздействия в публичном дискурсе о России детерминирована сложившейся актуальной социокультурной ситуацией, предоставляющей благоприятную почву для модуляции посредством убедительного слова — через масс-медиа, общественные трибуны или современный веб-инструментарий — идеологических ориентиров широкой аудитории как в прототипных информационных текстах, так и непрототипных сатирических жанрах.

Целью сборника под моей редакцией было создание платформы для обмена идеями и наблюдениями между учеными, исследования которых в области языкознания, литературоведения, культурологии, социологии и истории способствуют углублению знаний о России и формированию ее образа в различных типах дискурса в пространстве национальной и межкультурной коммуникации. Анализируемый выпуск состоит из десяти статей, объединенных общим заглавием — «Образ современной России в языке и культуре» — и посвященных следующим вопросам:

¹ Конференция «Современный образ России: перспективы развития» (31.12.2008, Московский государственный университет); Международная научная конференция «Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры» (13—17.09.2010, Уральский государственный педагогический университет); Всероссийская научная конференция «Образы будущего России: желаемое — возможное — необходимое» (8—9.06.2016, Московский педагогический государственный университет); Международная научная конференция «The Image of Russia in the Balkans» (7—9.11.2011, Варшавский университет); конференция «Образ России и россиян в публичной сфере — политическая мысль, СМИ, международное общественное мнение» (18—19.05.2010, Люблин); Международная научная конференция «Między rusofobią a rusofilią. Poglądy, postawy i realizacje w literaturze polskiej od XIX do XXI wieku» / «Между русофобией и русофилией. Взгляды и реализации в польской литературе XIX—XXI веков» (19.09.2014, Гданьский университет) и т. д.

1) формирование общественного мнения о России в российском и мировом публичном пространстве (тексты А. Пстыги, А. Яскульского, О. Косовой, Я. Садовского и В. Мокиенко);

2) создание медийного и маркетингового образа президента России Владимира Путина (тексты Э. Гутовской-Козельской, Ж. Сладкевич, У. Патоцкой-Сигловы и А. Беловодской);

3) восприятие русского языка и русской культуры в стране и за рубежом сквозь призму политических событий последних десятилетий (текст С. Золяна).

Сборник открывает статья д-ра филол. наук, профессора Гданьского университета *Алиции Пстыги* (Alicji Pstygi) под названием «Wtręty rosyjskojęzyczne w relacjach polskich korespondentów zagranicznych» («Русскоязычные вкрапления в медийных сообщениях польских зарубежных корреспондентов»). Текст посвящен лингвистическому анализу медийных сообщений зарубежных корреспондентов из Польши, которые, находясь в России, представляют, интерпретируют и оценивают происходящие события и обсуждаемые обществом проблемы. Источником экземплификации для автора послужили медийные тексты Вацлава Радзивиловича – зарубежного корреспондента газеты «Gazeta Wyborcza» в Москве. Профессор Пстыга отмечает, что восприятие России в Польше по-прежнему в значительной степени обусловлено стереотипами, подтверждением чему служат обложки и передовые статьи влиятельных журналов: *Wojna polsko-ruska pod flagą biało-czerwoną* / *Польско-русская война под бело-красным флагом* (Wprost, 2011, № 4) (рис. 1); *Miedźwiedź. Rosja prezydenta Miedwiediewa chce złagodzić swój wizerunek. O stosunkach polsko-rosyjskich czytaj s. 56* / *Медведь. Россия президента Медведева желает смягчить свой образ. О польско-русских отношениях читай с. 56* (Polityka, 2010, № 49); *Kaczyński, maładiec!* / *Качинский, молодец!* (Polityka, 2016, № 5) (рис. 2), проект обложки в данном случае коррелирует с аналитической статьей Славомира Сераковского *Nu, Kaczyński, maładiec!* / *Ну, Качинский, молодец!* (рис. 3).

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Автор подчеркивает, что чрезвычайно важным является подход и идеологическая позиция самого журналиста, определяющие стратегии текстообразования и отбор пишущим языковых средств. В данном случае — на фоне процесса декодирования, двойного кодирования информации либо формулирования мысли на языке определенного локуса и интерпретации действительности с учетом польского адресата — значительной представляется проблема русскоязычных вкраплений в польских медийных текстах, таких как *putinizacja Polski*, *PŻiW (Partia Żulikow i Worow)*, *GTO (Gotow k Trudu i Oboronie – Gotowy do pracy i obrony)* и т. п.

Кандидат филол. наук **Адам Яскульский** (Adam Jaskólski), доцент Института русистики Варшавского университета, в статье «*Rosja przeciw staroego mironoporyadka. Wizerunek Rosji w rosyjskich mediach w swietle kryzysu ukraińskiego*» («Россия против старого миропорядка. Образ России, представляемый в российских СМИ в связи с украинским кризисом») дает прагматингвистический анализ текстов, опубликованных на сайте проекта «Однако» в период с 1 марта 2014 года по 15 мая 2016 года. Исходным пунктом анализа стала архетипичная семиотическая оппозиция «мы — они», которая в рассмотренных автором текстах проявляется как противостояние: 1) России и Украины, поддерживающей так называемый Евромайдан, 2) так называемой Новороссии и Украины 3) России и Запада. Исследователь отмечает, что в проанализированных текстах, авторами которых являются представители медийного мейнстрима «Мы» (Россия) и сторонники идеи автономной Новороссии, отчетливо наблюдается тенденция к положительной автопрезентации и отрицательной характеристике оппонента, что подтверждает тезис об универсальности этих стратегий во всех дискурсах, базирующихся на упомянутой архетипической дихотомии. Анализ корпуса собранных текстов позволил Адаму Яскульскому прийти к выводу о том, что тексты, размещенные на портале «Odnako.org», отражают медийный мейнстрим, а представление в них сути и причин украинского конфликта в большей или меньшей степени соответствует официальной линии российских властей. Исследователь отметил, что образ России, создаваемый или отражаемый в ведущих российских СМИ, в значительной степени расходится с тем, который конструируется в западных масс-медиа. Среди базовых идеологем, конструирующих имидж России в российском медиaprостранстве, Яскульский выделил следующие положения:

- 1) утверждение позитивной оценки настоящего положения вещей;
- 2) воля к тому, чтобы сложилась позитивная ситуация;
- 3) вынужденные негативно оцениваемые действия, являющиеся реакцией на явно предосудительные действия Запада;
- 4) констатация вынужденного участия в вооруженных конфликтах;
- 5) положение объекта агрессии со стороны западных государств (в первую очередь США);
- 6) положение мишени деструктивной политики Запада (в первую очередь США);

- 7) защита тех, кто мал и слаб, а также защита находящихся под угрозой ценностей;
- 8) представление единственно правдивой картины действительности;
- 9) предложение миру новой, лучшей модели цивилизации.

Статья канд. филол. наук *Ольги Александровны Косовой*, доцента кафедры образования в области романо-германских языков в Школе педагогики ДВФУ (филиал в г. Уссурийске), посвящена выявлению способов отражения социально-медийного события «санкции против России» в сознании российских пользователей Интернета с точки зрения когнитивной лингвистики. Исследователь отмечает, что в связи с присоединением Крыма к России и обострившейся ситуацией на востоке Украины рядом стран (США, государства Евросоюза и «Большой семерки») против России были введены санкции — ограничительные политические и экономические меры в отношении самого государства, ряда его граждан и организаций. Введение таких мер стало в России резонансным, что привело в том числе и к бурному обсуждению сложившейся конфигурации политико-экономических факторов в цифровом пространстве, послужившем автору текста источником экземплификации. Выбор источника эмпирического материала не случаен: анонимность как одна из характерных черт интернет-коммуникации в целом и форумов в частности позволяет адресанту прямо выражать свое мнение, свидетельствуя о степени его осведомленности, гражданской позиции, а иногда давая выход эмоциональному напряжению. В статье О. А. Косова фокусируется на трех основных компонентах (событийном, оценочном и эмотивном), составляющих семантическую структуру рассматриваемого концепта. Исследователь отмечает, что социумный объект «санкции против России» представлен двумя концептами — *государство* и *американцы*, — которые репрезентированы рядом бинарных оппозиций, главенствующая роль среди которых отведена бинарной оппозиции «свой — чужой», чьи концептосферы пересекаются.

В статье «W stronę cywilizacji rosyjskiej i rosyjskiego świata. O semiotyczno-kulturowych uwarunkowaniach niektórych figur w przemówieniach patriarchy Cyryla» («В сторону русской цивилизации и русского мира. О семиотико-культурных предпосылках некоторых фигур в речах патриарха Кирилла») адъюнкт-профессор Папского университета Иоанна Павла II в Кракове д-р ист. наук *Якуб Садовски* (Jakub Sadowski) в семиотико-культурологическом ракурсе анализирует избранные речи патриарха Кирилла на съездах и ассамблеях Всемирного русского народного собора. Такие выступления, по мнению исследователя, не только являют собой элемент церковной политики, остающейся в определенной взаимосвязи с политикой российского государства, но и — апеллируя к русской культурной идентичности — претендуют на ее

синтетическое описание, на определение ее глубинных основ. Такая стратегия заставляет конструируемый субъект речей ссылаться на те элементы русской семиосферы, которые, с точки зрения реципиента, являются самыми опознаваемыми знаками самоописания. Когда адресат сообщения «находит себя» в идентичностном конструкте, восприятие идеологического пласта сообщения существенно облегчается. Поэтому идеологические конструкты обладают обширной культурной подоплекой. В своей статье профессор Садовски анализирует культурно-идеологическую составляющую идеологических конструктов, очень актуальных в последние годы для официального дискурса Русской православной церкви, таких как «русская / российская цивилизация» и «русский мир».

В статье «Образ России в русской поэзии» профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета **Валерий Михайлович Мокиенко** предлагает анализ коннотативного потенциала представлений о России, отраженных в современной русской поэзии. Отталкиваясь от сети интроспективных ассоциаций, описываемых в этом инновативном *Словаре русской ментальности* профессора (Колесов, Колесова, Харитонов, 2014), В.М. Мокиенко эксплицирует как стереотипные бытовые, патриотические или псевдопатриотические представления, так и некоторые коннотации, характерные преимущественно для поэтической речи. Особое внимание в тексте уделено оценке поэтами России таких идеологем, как *непознаваемость* и *избранность свыше* (Россия – сфинкс), *Россия – родина* (с амбивалентной ее оценкой), *Россия и Запад*, *Россия и власть*, *Россия и будущее*, *Россия в ожидании перемен* (Россия: день шестой).

Представляемый сборник содержит четыре статьи, посвященные вопросам формирования имиджа российского президента в публичном дискурсе. В англоязычной статье «The unexpected romance. Vladimir Putin as the embodiment of (the conservative version of) the American dream» («Неожиданная романтика. Владимир Путин как воплощение (консервативный вариант) американской мечты») канд. филол. наук **Эвелина Гутовска-Козельска** (Ewelina Gutowska-Kozielska), адъюнкт Института англистики и американистики Гданьского университета, представляет позицию, которая отводится Владимиру Путину в риторике американских консерваторов. Изображение президента России в консервативных медиа существенно отличается от образа, конструируемого в средствах массовой информации основного течения. В медийном дискурсе республиканцев лидер крупнейшего в мире государства исполняет роль ключевого идеографа, необходимого для реализации оппозиции «мы – они». Примечательно то, что он не олицетворяет там врага, а скорее представляет собой образец правителя, близкого концепции осуществления президентской власти, пропагандируемой республиканцами.

Профессор Гданьского университета д-р филол. наук *Жанна Сладкевич* (*Zanna Śladkiewicz*) в статье «*Всё путем: текстильная путиниана как контекстуально обусловленный продукт*» анализирует современные принты на футболках с изображением Владимира Путина, то есть «текстильную путиниану», в социокультурном и прагмалингвистическом ракурсах (рис. 4).

Рис. 4²

В современной лингвистике, отличающейся антропо- и контекстоцентризмом, внимание исследователей сосредоточено на прагматиконе коммуникантов и широко понимаемом окружении порождаемого текста. В статье рассматривается категория и типология контекста, а также специфика современной публичной коммуникации и ее новых фатических жанров. Автор анализирует современные принты на футболках, являющиеся эксплицитной коммуникативной реакцией на динамику социального-политического, культурно-языкового и литературного контекстов, отражают мироощущение людей, их носящих, и общества в целом. В качестве материала для исследования послужили надписи на футболках и толстовках, размещенные на сайтах крупнейших российских сервисов онлайн-печати. Полифоническая и фасцинативная направленность принтов с образом Путина акцентирована несколькими лингвориторическими и метаграфическими средствами, рассмотренными в статье. Для языка принта как контекстуально обусловленного жанра публичной коммуникации наиболее существенными представляются прагматическая, индексальная (социально идентифицирующая отправителя), экспрессивная и фатическая функции. К ключевым приемам текстообразования можно отнести обыгрывание различных культурных и языковых кодов, актуализацию графической и иконической стороны сообщения.

Кандидат филол. наук *Уршула Патоцка-Сигловы* (*Urszula Patocka-Sigłowy*), адъюнкт Института русистики и востоковедения Гданьского университета, в статье «*Wizerunek prezydenta Władimira Putina na portalach społecznościowych (na przykładzie Facebooka)*» («Имидж президента Владимира Путина в социальных сетях (на примере Facebook)») анализирует образ президента Владимира Путина, конструируемый в российских и зарубежных социальных сетях (на примере Facebook). Автор отмечает, что президент Владимир Путин является лидером в национальных рейтингах популярности и общественного доверия уже несколько лет. О его сильной позиции на политической арене свидетельствуют также звания и титулы, присвоенные ему влия-

² Источник: URL: http://xn--80ajbugbmq.xn--p1ai/1789i.Vse_putem_futbolka.htm (дата обращения: 18.01.2018).

тельными иностранными журналами. Феномен этого политика наглядно отражает и количество страниц, посвященных ему в крупнейших социальных сетях. Целью исследования стал анализ ипостасей имиджа Владимира Путина на портале Facebook (наиболее популярные из них — государственный муж, герой, спортсмен и идол). У. Патоцка-Сигловы отмечает, что в эпоху Интернета пользователь является не просто пассивным адресатом политического сообщения, но и его соавтором, а в случае такого глобального портала, как Facebook, даже его исключительным создателем.

Основным предметом исследования канд. филол. наук *Анастасии Беловодской*, доцента Института иностранных языков Вильнюсского университета, в статье «К вопросу о методике анализа медиаобраза (на примере анализа корпуса интернет-мемов, эксплицирующих медиаконцепт “Путин”»)» стали интернет-мемы, рассматриваемые как гипертекст. Работа посвящена описанию механизмов формирования *медиаобраза*, автор предлагает методику анализа, основанную на широком понимании этого термина, что предполагает включение в корпус анализируемого материала не только профессионально созданных, но и спонтанно появившихся в медиапространстве текстов. Основным материалом анализа стали интернет-мемы, получившие в современных исследованиях статус основной структурной единицы медиапространства. При этом корпус интернет-мемов, репрезентирующих медиаобраз президента России Владимира Путина, рассматривается как единый гипертекст, что позволяет не только выделить и описать различные аспекты репрезентируемого медиаобраза, но и понять принципы структурирования соответствующих медиаконцептов, а также выявить их связи с другими фрагментами коллективного когнитивного пространства.

Доктор филол. наук *Сурен Тигранович Золян*, научный сотрудник Национальной академии наук Республики Армения, профессор Московского педагогического государственного университета и Балтийского федерального университета им. И. Канта в Калининграде, в статье «Русский язык за рубежом: социолингвистические функции» рассматривает основные вопросы, связанные с функционированием русского языка за рубежом с позиций как преподавателя-русиста, так и эксперта, на протяжении нескольких лет сотрудничающего со структурами Совета Европы. Язык трактуется автором как многогранное явление, что подразумевает множественность его дополнительных статусов и социальных (социолингвистических) функций. Исследователь приходит к выводу, что в большинстве случаев роль и место русского языка за пределами России определяются не столько этническими, сколько политическими, социальными и культурными факторами. Особое внимание профессор Золян уделяет роли русского языка в Армении, подчеркивая, что этот язык здесь выступает именно как экономический, политический, а главное — цивилизационный фактор. Исследователь приходит к выводу о том, что формируется новая функция, которую русский

выполняет уже сегодня, но в качестве основной, возможно, обретет в будущем — это роль русского языка как интегратора культурно-цивилизационного пространства и инструмента — посредника межкультурной коммуникации.

От имени редакторов и авторов «Русского обозрения» хочу выразить надежду, что данный тематический номер будет способствовать продолжению исследований образа России в общественном дискурсе, а для студентов и аспирантов станет источником вдохновения для проведения исследований в области политической, медийной и межкультурной коммуникации.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00442, «Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках») в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Калининград).

Список литературы

Галумов Э. А. Международный имидж современной России (политологический анализ) : дис. ... д-ра полит. наук. М., 2004.

Борисенко И. В. Национальный образ России: философско-культурологический анализ : дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2008.

Безотосный И. А. Позитивный имидж России : дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2011.

Циллорик Д. Д. Образ России в современном французском политическом медиадискурсе (по материалам электронных версий ежедневных газет «Монд», «Фигаро» и «Либерасьон» за 2008–2012 гг.). М., 2013.

Рябов Д. О. Образ России в политике европейской идентичности ЕС : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2016.

Гравер А. А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестник Томского государственного университета. 2012. №3 (19). С. 29–45.

Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности : в 2 т. СПб., 2014.

Przegląd Rusycystyczny / editowany przez Ż. Śladkiewicz. 2016. №4 (156).

Об авторе

Жанна Ромуальдовна Сладкевич, доктор филологических наук, профессор, Институт русистики и востоковедения, Гданьский университет, Польша.

E-mail: filzs@ug.edu.pl

Для цитирования:

Сладкевич Ж. Р. Образ современной России в языке и культуре: обзор тематического номера «Русского обозрения» // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №2. С. 87–97. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-8.

THE IMAGE OF CONTEMPORARY RUSSIA
IN LANGUAGE AND CULTURE:
THE THEMATIC ISSUE OF "RUSSIAN REVIEW"

Zh. R. Sladkevich¹

¹ University of Gdansk
51 Vita Stvosha St., Gdansk, 80–308, Poland
Submitted on April 16, 2018
doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-8

The article is an overview of the thematic issue of the Polish research journal "Russian Review" dedicated to the image of modern Russia in political, media, poetic, marketing and didactic types of discourse. Both national and international research works are taken into consideration. Nowadays researchers become increasingly interested in the category of image. A noticeably stronger position of anthropological, communicative and pragmalinguistic approaches to the analysis of linguistic phenomena and discursive practices has led to an intensive study of the image of state, as well as head of state in various spheres of communication. The image of the country is an intangible resource, which is extremely important not only for the formation of national identity, but also for the position and role of the country in the world and its international policy.

The aim of the reviewed issue is to promote exchange ideas among scientists whose research in various scientific disciplines contributes to a deeper understanding of Russia and the formation of its image in national and intercultural communication. The issue provides a multidimensional coverage of various theoretical and practical aspects of the image-making from the perspective of the theory of communication, linguistics, social psychology, discourse studies, cognitive poetics, linguistics and culture studies.

Keywords: Roman Jakobson, Prague Linguistic Circle biography, interbellum.

References

Galumov, E. A., 2004. *Mezhdunarodnyi imidzh sovremennoi Rossii (Politologicheskii analiz)* [International image of modern Russia (Political Analysis)]. PhD Thes. Moscow (in Russ.).

Borisenko, I. V., 2008. *Natsional'nyi obraz Rossii: filosofsko-kul'turologicheskii analiz* [National image of Russia: philosophical and cultural analysis]. PhD Thes. Southern Federal University (in Russ.).

Bezotosnyi, I. A., 2011. *Pozitivnyi obraz Rossii* [The Positive image of Russia]. PhD Thes. Rostov-na-Donu (in Russ.).

Tsilyurik, D. D., 2013. *Obraz Rossii v sovremennom frantsuzskom politicheskom mediadiskurse (po materialam elektronnykh versii ezhdnevnykh gazet «Mond», «Figaro» i «Liberas'on» za 2008 – 2012 gg.)*. [The image of Russia in the contemporary French political media discourse (based on electronic versions of the daily newspapers Mond, Figaro and Liberation for 2008 – 2012)]. Moscow (in Russ.).

Riabov, D. O., 2016. *Obraz Rossii v politike evropejskoj identichnosti ES* [The image of Russia in the European identity policy of the EU]. PhD Thes. St. Petersburg (in Russ.).

Graver, A. A., 2012. Image and brand of the country: concepts and directions of research a. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 3 (19), pp. 29–45 (in Russ.).

Kolesov, V. V., Kolesova, D. V., Kharitonov, A. A., 2014. *Slovar' russkoi mental'nosti : v 2 t.* [Dictionary of Russian mentality]. St. Petersburg (in Russ.).

Śladkiewicz, Z., 2016. All the way: textile pathoniana as a contextually conditioned product. *Russkoe obozrenie* [Russian Studies Review], 4 (156). Available at: <http://www.journals.us.edu.pl/index.php/PR/article/view/5530> [Accessed 12 December 2017] (in Russ.).

The author

Dr Zhanna R. Sladkevich, Professor, Institute of East Slavonic Philology, the University of Gdansk, Poland.

E-mail: filzs@ug.edu.pl

To cite this article:

Sladkevich Zh.R. 2018, The image of contemporary Russia in language and culture: an overview of the thematic issue of "Russian review", *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 2, p. 87–97. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-8.

УДК 821.161.1; 821.161.2

УПОМИНАНИЯ ИМЕНИ ПРАОТЦА АВРААМА
В ОРИГИНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ XI–XIII ВЕКОВ

*Е. В. Бельская*¹

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Поступила в редакцию 15.07.2017 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-9

В статье рассматривается один из центральных ветхозаветных образов – образ праотца Авраама; дается комментарий и анализ упоминания его имени в различных контекстах древнерусской литературы XI – XIII веков. Выделяются свободные и формульные упоминания имени пророка в таких источниках, как «Повесть временных лет», «Поучение и молитва Феодосия Печерского», «Слово о законе и благодати Митрополита Илариона», «Остромирово евангелие», «Слова и поучения Кирилла Туровского», «Киево-Печерский патерик», граффити в Киевской Софии, «Память и похвала князю русскому Владимиру», «Хождение Игумена Даниила». Рассматривается то, как с помощью имени Авраама строилась историческая хронология, в которой пророк выступает некой эмблемой определенной эпохи или представителем рода. Отмечается, что зависимости от контекста формульные и свободные упоминания имени ветхозаветного пророка отсылают к тому периоду священной истории, когда жил Авраам, или ко всем библейским событиям одновременно. При этом свободные упоминания имени пророка чаще апеллируют к менее значительным эпизодам его жизни, а также к личным качествам; формулы же всегда встраиваются в риторическую конструкцию как дополнение, а имя праотца избранного народа выступает в формулах преимущественно в качестве символа Ветхого Завета.

Ключевые слова: имя Авраама, библейский образ, библейская формула, древнерусская литература, «Повесть временных лет», лоно Авраамле, чада Авраама.

Распространение христианства способствовало развитию письменности Древней Руси и оказало непосредственное влияние на тематические, жанровые и образные особенности оригинальной литературы. Несмотря на то что до 1499 года древнерусским книжникам не была доступна Библия как книга, части Пятикнижия, Книги Бытия, Иисуса Навина, Судей, Царств, Есфири в непосредственном переводе или в составе византийских и греческих хроник, а также служебные тексты оказали значительное влияние на формирование оригинальной древнерусской литературы. А. А. Алексеев отмечает в христианстве Древней Руси «отсутствии четкого канона, размытость его границ» (Алексеев, 1999, с. 9),

в результате чего сакральным становилось не только Священное Писание, но и все связанные с ним переводы. Все эти тексты повлияли на представление о мире русских авторов XI–XIII веков, их понимание истории и современности. В нашей статье речь пойдет именно об этом периоде, поскольку к XI веку Русь представляла собой уже сформировавшееся объединение земель с общей политикой, географией, языком и, что особенно важно для нас, письменностью, которая активно развивалась с 988 года (крещения Руси Владимиром Святославичем) благодаря пришедшим из Византии церковнославянскому языку и самой технологии письма (Franklin, 2002, p. 1). Мы ограничиваем корпус текстов XIII веком, поскольку до возвышения Москвы и литовской экспансии даже при феодальной раздробленности Русь сохраняла свое культурное единство, в том числе и общую письменность.

В полном варианте Библия стала доступна на Руси только в конце XV века, а начиная с XI века книжники пользовались как бытовавшими переводами ее отрывков, оригинальными византийскими и греческими списками Библии, так и доступными апокрифами. Такой набор источников повлиял на формирование образной системы древнерусской литературы. Прежде чем попасть, к примеру, в «Повесть временных лет» (далее – ПВЛ) или в «Слово о законе и благодати» (далее – «Слово»), ветхозаветный персонаж проходил через трактовку Нового Завета, иногда через ряд апокрифов и сочинения гимнографов, в результате чего он обретал новые символические черты, становился полноправным участником средневековых событий или оказывался в чьей-то именной родословной.

Один из ветхозаветных персонажей, к которому с неоднократно обращаются книжники XI–XIII веков, – праотец Авраам, патриарх, исполнявший наряду с Исааком, Иаковом и Иосифом «Божью и священную историю» до Нового Завета, «в эпоху после потопа и до дарования Моисею закона» (Живов, 1994, с. 79). С Авраама начинается новый этап священной истории послепотопного времени. Согласно Книге Бытия (Быт. 11:26–25:10), Бог открывает Авраму (имя, данное пророку при рождении, пишется через одно «а») веру и велит отправиться из Ура в священную землю Ханаан. Аврам вместе с язычником-отцом, женой Сарой и племянником Лотом выходят из Ура, в пути умирает Фарра, отец пророка. Достигнув священной земли, Аврам селится в Ханаане, а Лот – в нижнем течении Иордана, поскольку оба имеют большие стада и потому вынуждены поделить территорию. Спустя некоторое время Аврам во главе своего войска освобождает Лота из плена эламского царя и его союзников. Жена Аврама, Сара, бездетна, она предлагает ему «войти» к своей служанке Агари, и та рождает сына Измаила. Бог является Авраму и Саре в образе трех путников и заключает с Аврамом завет, согласно которому он становится отцом избранного народа. Аврам с женой обретают новые имена – Авраам и Сарра, и у них рождается Исаак. Именно он, а не Измаил, по божественному пророчеству, наследует завет, данный Богом Аврааму. Бог решает покарать за грехи Содом и Гоморру. Авраам просит не истреблять города, если среди их жителей найдется хотя бы десять праведников. Бог принимает просьбу,

но, не найдя и десяти, спасает только Лота с семьей. Бог постоянно испытывает веру Авраама: например, в качестве доказательства веры просит принести в жертву сына Исаака, однако в последнее мгновение ангел избавляет Авраама от убийства. Авраам умирает в глубокой старости, оставаясь в священной истории праотцом множества народов.

В Книге Бытия образ Авраама становится символом Ветхого Завета и священной истории. В обращении к Исааку Бог определяет себя через первого избранного:

и ѡвнѣсѧ ѣмѹ гдѣ въз тѹ нощѣ и рече: ѡзѣ ѣсмь бгѣ авраама о҃тца твоѣго, не бойсѧ, съ твоѣю во ѣсмь: и блѣблю тѧ, и оумножѹ сѣмѧ твоѣ авраама ради о҃тца твоѣго (Быт. 26:24)¹.

В Новом Завете образ праотца священного народа также обретает новые коннотации. Здесь признается значение Авраама в истории спасения Израиля:

Рече же къ немѹ иисъ: ѡкъ днѣсѣ спїніе домы семѹ бы҃ти, занѣ и сїи сынѣ авраамѣ ѣ҃ти (Лк. 19:9).

Начиная с Авраама, Матфей описывает родословие Иисуса:

ѡбраамъ родѣ исаака. Исаакъ же родѣ іакова. Іаковъ же родѣ іудѣ и кра҃тїю ѣ҃во (Мф. 1:2).

С помощью выражения «семья Авраама» подчеркиваются «исторические привилегии» еврейского народа. Например, апостол Павел в Послании к римлянам говорит: «ни занѣ свѣтъ сѣмѧ авраамѣ, вси чадѧ: но во ісаацѣ, рече, нарече҃тсѧ тѣи сѣмѧ» (Рим. 9:7), однако это уже недостаточное условие для спасения («и не начинѧйте глаголати въз себѣ: о҃тца ѡмамы авраама: глаголю во ка́мъ, ѡкъ мѡжетъ бгѣ ѡ ка́мениа сего въздвїгнѹти чадѧ авраамѣ» (Мф. 3:9), истинное «эсхатологическое сыновство» признается только за теми, кто верит во Христа и в то, что завет с Авраамом и благословение исполнились в нем: «вы е҃те сынове пророкѣ и заветѧ, егоже заветѣ бо҃го ко о҃тцѣмъ вашимъ, глаголю ко авраамѣ: и о семени твоѣмъ возблагодарятѣ всѧ о҃тче҃ствїа земна» (Деян. 3:25). Авраам — прототип верующего, образец покорности божьей воле: «ѡбраамъ о҃тѣцъ нашихъ не ѡ дѣлѧ ли ѡправдѧсѧ, вознесѣ ісаака сына своего на жѣртвенникъ; видѣши ли, ѡкъ вѣра поспѣшитковашѣ дѣломъ ѣ҃го, и ѡ дѣлѧ совершѣсѧ вѣра» (Иак. 2:21–22), дока-

¹ В этой статье мы не касаемся текстологии славянской Библии, поскольку для нашей темы раночтения версий славянского текста не играют большой роли, поэтому здесь и далее цитаты приводятся из Елизаветинской Библии по изданию: *Библия*, сиречь книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. С параллельными местами. СПб. : Синодальная тип., 1900.

зательство того, что и язычники могут спастись, уверовав во Христа (Рим. 4). Кроме того, в Новом Завете с именем Авраама связан образ по-тустороннего мира, куда попадают праведники, как, к примеру, в притче о богаче и Лазаре: «*БЫСТЬ ЖЕ ОУМРЕТИ НИЩЕМЪ, И НЕБЕНЪ БЫТИ АГГЛЫ НА ЛОНО АВРААМЛЕ: ОУМРЕ ЖЕ И БОГАТЫЙ, И ПОГРЕБОША ЕГО*» (Лк. 16:22).

В Древней Руси библейская история жизни Авраама существовала вместе с апокрифическими источниками, дошедшими в греческих вариантах с древнейших времен. Так, известно «Откровение Авраама», «Смерть Авраама», история жизни Авраама в «Книге Юбилеев», пересказанная в «Повести временных лет» за 986 г. Однако подробно мы рассмотрим только последний источник, поскольку первые два апокрифа не имеют отражения в оригинальной литературе Руси интересующего нас периода.

Как видим, существовало множество разнородных текстов с аврамическим сюжетом, и древнерусский автор был свободен в выборе источника цитаты, аллюзии, парафраза или фразеологизма, формулы. В ходе анализа источников все упоминания имени Авраама мы поделили в соответствии с их особенностями. Первую группу составляют *формульные* упоминания, которые, по О.В. Творогову, текстологически соответствуют «устойчивым литературным формулам», или «топосам», по А.М. Ранчину. В них не столь актуальна атрибуция, «структурно-семантическая связь с исходным текстом» (Ранчин, 2012, с. 26) — Библией, — сколько аллюзия на сюжет Священного Писания. Такие устойчивые словосочетания, как «лоно Авраамле», «семя Авраама», устойчивое перечисление «Авраам, Исаак, Иаков» не образуют сюжет, но встраиваются в «новую предикативную структуру» (Ранчин, 2012, с. 26). Во вторую группу входят сюжетно значимые упоминания, которые, по Р. Пиккио, можно отнести к «библейским тематическим ключам» исследуемых текстов. Это прямые цитаты или косвенные отсылки, реминисценции на ветхозаветный сюжет, которые связывают «буквальный и духовный смысл произведения» (Пиккио, 2008, с. 437) и «формируют особую систему христианского символизма» (Данилевский, 2004, с. 100).

1. Формульные упоминания имени Авраама

Формульные упоминания имени ветхозаветного пророка представляют собой «клишированные цитаты» (Ранчин, 2012, с. 29), восходящие к тексту Библии. Главная функция таких формул — метонимическое обозначение загробного мира («лоно Авраама»), избранного народа («семя Авраама»), определение Бога в Ветхом Завете (Бог «Авраама, Исаака, Иакова»), обозначение периода священной истории в «счете» от сотворения мира и человека. Причину бытования формул в древнерусских текстах очень точно определил Пиккио: «писатели должны были выступать как носители истины, а не как создатели своих собственных мыслей и образов. Неудивительно поэтому, что они прибегали к заимствованиям из установленного набора формул» (Пиккио, 2008, с. 451).

1.1. «Лоно Авраама»

В статье 1015 года «Повести временных лет» описана история убийства князей Бориса и Глеба их братом Святополком. О смерти Бориса сказано:

...принимъ вѣнѣца ѿ Х(с)а Бл҃га правѣдными, причтєса съ пр(о)рцы и съ ап(с)лы, и съ лики мчнкы въздорасєа, Аврамъ на лонѣ почивасъ (Пол. собр. русских летописей, т. 2, с. 85)².

Посмотрим, почему Борис после смерти «въздорасєа Аврамъ на лонѣ». Еще А. А. Шахматов отмечал, что ПВЛ полна многочисленными заимствованиями из Писания:

...находим [в ПВЛ] выписки из книг: Бытия, Исхода, Левита, Царств, Притчей Соломона <...> [однако] преобладающее число заимствований падает на Паремийник, Псалтирь, Апостол и Евангелие (Шахматов, 1940, т. 4, с. 64).

Словосочетание «лоно Авраама» восходит к евангельской притче о богаче и Лазаре:

Бысть же оумрєти нѣщємъ, и несєнъ быти аг҃лы на лѣно Авраамле: оумре же и богатыи, и погребѣша єго. И во ѡдѣ възвѣдъ Очн своєи, сѣи въ мѣкхъх, оумрѣ Авраамъ издальча, и Лазарь на лонѣ єгво (Лк. 16:22–23).

Но эта формула неоднократно встречается и в богослужебных текстах, которые наверняка были доступны автору летописной статьи, например в минеях. Так, в службе на 1 августа («Пронхожденіе четнѣхъ дрєвъ, четнѣгво и животворѣцагво кр҃тл...») поминаются ученики Елиазара, которые отказались принести жертву языческим богам и были казнены царем Антиохом:

...благочетнѣи и доблїи Отроцы, съ мѣтерїю вѣомъдрю, великими надеждами вжилѣми, ѡже нынѣ полчнѣша, оу Авраамъ почивше на лонѣхъх прѣотца своєгво (Минеи, 1995, с. 2).

Здесь, аналогично летописной истории 1015 года, говорится о смерти и переходе мучеников в загробный мир, который — в священной истории — с рассказа Иисуса о смерти Лазаря именуется «лоно Авраама»³. В другой минеинной службе, на 14 мая, мученик Исидор Хиосский,

² Здесь и далее все цитаты ПВЛ приведены по Ипатьевскому списку, поскольку он является наиболее полным и только в нем содержатся значимые для нашей темы варианты.

³ Причем в минее Авраам назван дважды: второй раз — «праотцом», то есть отцом всех верующих.

Здесь словосочетание «семья Авраама» не служит определению родства, а символизирует веру, впервые открытую Аврааму, и потому его можно назвать формулой. Эта формула допускает различные вариации внутри себя. Так, Иоанн Креститель, обращаясь к саддукеям и фарисеям, пришедшим ко крещению, говорит, что Бог может из язычников («камений») «воздвигнути» праведников, буквально «чад Аврааму»: «и не начинайте глаголати въ себѣ: отца ѿ мамы авраама: глаголю бо вамъ, яко можетъ бгъ ѿ каменіа сегѡ воздвигнути чада авраамѡ» (Мф. 3:9). Этот текст переходит в праздничную миною (часы навечерия Богоявления).

Однако затем мы находим последний вариант формулы («чада Авраама») в совершенно неожиданном контексте в произведении «Выпрашанье Изяслава князя, сына Ярославля, внука Володимирия, игумена Федосья Печерьского монастыря» Феодосия Печерского. Феодосий дает наставление своему духовному ученику, князю Изяславу Ярославичу, который спрашивает, можно ли резать мясо и птицу и есть их в воскресный день, в неделю:

...впрашалъ бо еси: аще есть подобно въ день воскресный, еже есть недѣля, закла-
ти ли волъ, ли овнъ, или птицу, или что отъ тѣхъ и аще подобно мяса ихъ ясти
въ день воскресенна, въ недѣлю (цит. по: О законъ..., 1997, т. 1, с. 446).

Феодосий отвечает положительно, подкрепляя свои слова сравнением иудейской и христианской веры, однако категорически разграничивая их. Монах приводит запреты в иудаизме, связанные со священной субботой: «Отинѣди не дѣлати, ни огни възгнѣщати, ни закалати». Феодосий подчеркивает, что христианство от подобных запретов свободно, поскольку «А понеже Господь Богъ наш сзиде на землю, — жидовьская еси ѡмолкоша». Свое рассуждение Феодосий завершает прямым противопоставлением двух религий по их пророкам: «Н нѣсмы чада авраамля, ни чада Христа Бога нашего святаго ради крещенна, въ неже самъ еси крестнахъ». Здесь формула «чада Авраама» обнаруживает полную свободу от семантики кровного родства и употребляется исключительно как синоним иудейства («жидовства» — по Феодосию). Кроме того, формульная калька выделяет последователей христианства, называя их «чадами Христа». Таким образом, с заменой имени пророка формула претерпевает максимальное преобразование, полностью переходя в сферу метонимии, а фраза Феодосия при такой иносказательной симметрии («чада Авраамля» — «чада Христа»)⁴ обретает некоторую афористичность, хотя и наряду с фактическим несоответствием.

Другой случай обращения к формуле находим в «Слове о законе и благодати» Илариона. В начале «Слова» Иларион восхваляет Бога, спасшего своих людей от «идольского мрака» и открывшего им веру:

⁴ Риторическая фигура противопоставления также может восходить к Новому Завету, поскольку в одной из проповедей Иисус говорит о грядущем воскресении праведников: «несть бгъ бгъ мертвыхъ, но (бгъ) живыхъ» (Мф. 22:32).

...оправдѣ прежде племѣ Авраамле скрижалемѣ и закономѣ, послѣжде же сыномѣ
сонмѣ всѣхъ языкъ спасе бѣангелемѣ и крещенемѣ, въводитъ а въ обновленне пакыбы-
тна, въ жизнь вѣчнѣю (цит. по: О законѣ..., 1997, т. 1, с. 26).

Здесь словосочетание «племя Авраамле» означает избранный народ, потомство Авраама до пришествия Христа. Интересно, что в Библии слово «племя» в отношении Авраама как прародителя не встречается, однако мы находим его рядом с именем Израиля, потомка Авраама:

...ѡ днѣ въ ѡнѣже ѡзвѣдоухъ люди моѡ ѡла ѡзъ егѣпта, не ѡзвѣрѣхъ града ѡ всѣхъ
племѣнѣхъ ѡлабѣвѣхъ на создѡненіе храмѣ (3 Цар. 8:16).

В приведенных цитатах «племена Израилевы» — постоянное определение «избранного» народа, потомков Израиля. Можно предположить, что в своем тексте Иларион по аналогии с израильским народом использует «племя» в отношении всего иудейского народа, праотец которого — Авраам. Так, новый синоним, наряду с «семенем Авраама» и «чадами Авраама», встраивается в ветхозаветную формулу. В отличие от «Поучения» Феодосия, в «Слове» Илариона авраамическая формула характеризует не только религию, но и целый исторический период божественного спасения избранных от «идольского мрака».

Таким образом, ветхозаветная формула входит в разные контексты: Феодосий Печерский обращается к ней в теологическом комментарии, даже религиозном противопоставлении и полемике, а митрополит Иларион — в контексте, напротив, объединяющем иудейство и христианство единым божественным началом. В обоих случаях формула «чада / племя Авраама» иносказательно отдалается от первоначально ветхозаветного смысла кровного родства с праотцом Авраамом.

1.3. «Авраам, Исаак, Иаков»

Третья рассматриваемая нами ветхозаветная формула объединяет сразу трех пророков: Авраама, Исаака и Иакова. Такое единство обусловлено их прямым кровным родством и задано в Библии обращением Бога к Моисею:

Ѣ рече ѣмѣ: ѡзъ ѣмѣ вѣхъ ѡтца твоѣго, вѣхъ Авраамовѣхъ и вѣхъ Исааковѣхъ и вѣхъ
Иаковѣхъ. Ѣврати же мѡуѣи лице свое: вѣлоговѣши бо воззрѣти предъ вѣа (Исх. 3:6).

Предьдущие авраамические формулы выступали в качестве второго названия, синонима значимых важных категорий иудаизма — места пребывания праведных в потустороннем мире и избранного народа. Рассматриваемая в этом пункте работы формула восходит к определению первостепенного в религии — имени Бога. В Книге Исхода Бог открывается Моисею. Перечисляя имена трех первых пророков, он подтверждает истинность откровения. Так, Бог Авраама, Исаака, Иакова становится определением ветхозаветного Бога, что находит прямое продолжение в Новом Завете:

...ѧзх ѣсмь вѣх ѡбраѡмовъ, ѡ вѣх ѡсаѡковъ, ѡ вѣх ѡѡковъ; нѣстъ вѣх вѣх мѣртвѡхъ, но (вѣх) живѡхъ (Мф. 22:32).

Интересно, что в Писании до Моисея Бог сходным образом обращается к самому Иакову, при этом, естественно, называются только два пророка — его отец и дед:

И ѡнъ вѣдѣ: ѡ сѣ, лѣствѡца оутверждѣна на землѣ, ѣѡже главо доглаголаше до небесе, ѡ ѡгнѣ вѣнѣ восхождѡхъ ѡ ннѣ: гдѣ же оутверждѡшегѡ на нѣй ѡ рече: ѧзх ѣсмь вѣх ѡбраѡма ѡтца твоѡго ѡ вѣх ѡсаѡка, не боѡсѡ: землѡ, ѡдѣже ты спѡшн на нѣй, твѣѣ дѡмъ ѡ ѡ сѣмнѣ твоѡмъ (Быт. 28: 12—13).

Если принять фразу, сказанную Моисею, за изначальный вид формулы, где имена патриархов в заданной последовательности стоят рядом с именем Бога, то следующая цитата из «Повести временных лет» за 986 год оказывается наиболее близкой к ней:

Болгаре и хр(ст)иѡни, ѡбѡще тѡ каждо нхъ вѣрѣ своѡе, хр(ст)иѡни бо вѣрѡють — егж(ѣ)мы распахомъ, а мы вѣрѡемъ едннѣ Бѣ ѡбраѡмовъ, ѡсаѡковъ, ѡѡковю.

Слова иудеев («жидове козарьстии») обращены к Владимиру Великому, выбирающему веру. Такое имя Бога — аллюзия на историю божественного откровения первых патриархов. Таким образом, формула оказывается исчерпывающим определением символа веры, вмещающим историю Завета.

Однако такая последовательность имен патриархов встречается вне первоначального контекста и в самом Писании. В каких-то случаях это обусловлено контекстом обращения к самому Богу — например, в речи Моисея:

...оутголи гнѣвх ѡрости твоѡѡ ѡ млѣтнѣх вѣдн ѡ словѣтѣ людѣи твоѡхъ, поманѡвх ѡбраѡма ѡ ѡсаѡка ѡ ѡѡкова, твоѡѡ рабѡ, ѡмже клѡлѡ еси собою, ѡ рекѡх еси къ нѣмъ, глѡ: сѣлѡ оумножѡ сѣмѡ вѡше, ѡкѡ сѣѣзды небесныѡ множетвѡмъ, ѡ всю сѣю землю, ѡмже рекѡх еси дѡти сѣмнѣи ѡхъ, ѡ ѡбладѡютъ ѣю бо вѣки. (Исх. 32: 12—13).

Или иным контекстом:

Тѣ вѣдетъ плачь ѡ икрежетъ зѡвѡмъ, егда оўзрнѣ ѡбраѡма ѡ ѡсаѡка ѡ ѡѡкова ѡ вѣлѡ прѡрѡки бо црѣвѣи вѣнѣ, вѡсъ же ѡзгонѣмѡхъ вѡнъ (Лк. 13:28).

Таким образом, имена трех патриархов, расположенные в хронологической последовательности, становятся самостоятельной и неделимой формулой.

Как и в тексте Писания, обращение к формуле древнерусских книжников обусловлено контекстом. Так, Нестор, составляя «Житие Феодосия Печерского» (в 80-х годах XI века), цитирует библейский текст с именами патриархов:

Глѹ же бѣмъ, ѿкъ мнози ѿ востокѹ и западѹ приидѹтъ и возлюбѹтъ со авраамомъ и ісаакомъ и іаковомъ во црѣвнѣнѣмъ (Мф. 8:11).

Тем самым автор свидетельствует о святости Феодосия и определяет его одним из тех праведников, пришествие которых предрекал еще Иисус. Значение этой формулы аналогично «лону Авраама» и выступает как характеристика праведности.

Одно из самых ранних упоминаний формулы находим в послесловии к Остромирову Евангелию XI века (Остромирово Евангелие, л. 294). После «славы» Богу и подробного описания распределенной власти в Киеве и Новгороде Остромир просит владельца книги («сѣтѣ ажншѹмѹмѹ ѿ(г)вѣнѣ е») благословение святых евангелистов и святых праотцов: «Авраама, Исаака, Иакова». Формально ветхозаветные патриархи здесь самостоятельны, и можно предположить, что писец говорит о благословении каждого из них, однако «формульность» перечисления делает благословение не тройным, но единым от всех праотцов — как от всех евангелистов.

Интересный контекст находим в «Слове 30. О преподобнемъ Моисее Утрине» Киево-Печерского Патерика. Моисей выжил во время битвы на Альте (1019), где погиб его брат Георгий вместе Борисом. Святой Моисей остался у Ярослава Владимировича, однако когда Святополк вновь воцарился в Киеве вместо брата, Моисей в числе прочих пленных отправился вместе с Болеславом в Польшу. Там в него влюбилась одна «жена нѣкаа от великихъ, красна същн и юна» (цит. по: О законѣ..., 1997, т. 4, с. 418), поскольку святой «вѣ во крѣпкѹ тѣломъ и красенъ лицемъ» (там же), и хотела сделать своим мужем и владельцем всех ее богатств. Однако блаженный Моисей упорно отказывался, отвечая, что «всего се любши есть дѹшевна чистота, паче же и телеснаа» (там же). Люди («друзии») осуждали поведение святого: «Ще ти ся любити ѹмрети въ вѣдѣ ей, что коню похвалѹ имашнѣ Кто же ли от прѣвѹхъ и донинѣ възгнѹшася жены, развѣ чернець Аврамъ, Исаакъ, Иаковъ» (там же, с. 420). Здесь патриархи перечисляются в качестве назидательного примера. Действительно, все они три имели жен и детей⁵, но стилизация под произвольное перечисление пророков тем не менее воспроизводит исходную формулу, в которой строго фиксирована даже последовательность имен. Стоит отметить, что библейская цитата здесь — часть речи, оцениваемой негативно, где элиминируется значимость пророков в священной истории и, таким образом, от формулы сохраняется только оболочка, но не ее содержание.

В своем «Хождении» игумен Даниил описывает святые места, которые он посещает во время паломничества в Иерусалим. Среди прочего Даниил говорит о «Сугубой пещере Авраама» («О горѣ Хевронѣ»):

⁵ Согласно Книге Бытия, Исаак — сын Авраама и Сарры (один из 8 сыновей Авраама), а Иаков — сын Исаака и Ревекки — имел 12 сыновей (Быт. 11—13).

Съгъбаа пещера в каменѣи горѣ етъ и в той пещерѣ етъ гроб Авраамовъ, Исааковъ и Яковль;

И етъ пещера та под мостом исподн утвержена белми, одеже лежит Авраам, Исаакъ, Иаковъ, и вси сынове Яковли; и жены ихъ тѣ лежат, Сарра, Ревѣка. И Рахиль кромѣ лежить на пѣти ѿ Вифлеема.

Автор подробно описывает, как она была приобретена пророком:

Съгъбъю Авраамъ купилъ ѿ Ефронъ Хеттѣянина на погребенне всемъ родъ своемъ, егда прииде от Месопотамна в землю Хананѣскъю.

Пересказ Даниила соответствует библейскому тексту:

И погребоша егѡ исаакъ и иманаз два сынове егѡ въ пещерѣ съгъбѣи, на елѣ ефрѡновѣ сына саарова хеттѣянина, ѣже етъ прѣмъ мамврѣн (Быт. 25:9).

Тѣмъ погребоша Авраама и саррѣ женѣ егѡ, тѣмъ погребоша исаака и ревекиѣ женѣ егѡ, тѣмъ погребоша лю, въ стѣжанин селѣ и пещеры, ѣже етъ въ немъ оу сынѡвъ хеттѣовыхъ (Быт. 49:31—32).

Отдельно говорится о погребении Иосифом Израиля (Иакова):

И взѣша егѡ сынове егѡ въ землю хананѣю и погребоша егѡ въ пещерѣ съгъбѣи, ѣже стѣжа Авраамъ пещерѣ въ стѣжанинѣ грѡба ѿ ефрѡна хеттѣянина, прѣмъ мамврѣн (Быт. 50:13).

Даниил объединяет имена всех ветхозаветных пророков, и получается в своем роде определение — «гроб Авраамовъ, Исааковъ и Яковль», — все части которого фактологически обусловлены, однако вместе совпадают с «формулами», рассмотренными нами выше. Нельзя исключать многозначность данной автором формулировки, поскольку, определяя гроб в «сугубой пещере» так, а не иначе, Даниил помнил именно такую последовательность имен патриархов из богослужебных текстов или Библии.

2. Имя Авраама как символ эпохи

2.1. Хронология мировой истории

В древнерусских текстах хронология мировой истории часто предстает в виде так называемых *хронологических выкладок*, где цепь событий недавнего прошлого и современности предстает продолжением священной истории. Такая форма описания прошлых событий была перенята русскими книжниками из греческих образцов. Как отмечает Е. Водолазкин, «хронологические выкладки ... в русских хронографах» (Водолазкин, 2008, с. 170—171) в первую очередь связаны с «Летописцем вскоре» патриарха Никифора.

В отличие от рассмотренных нами формул с именем Авраама, где форма преимущественно устойчива, в хронологической выкладке, где имя пророка символизирует целую эпоху священной истории, перво-степенна функция — определение временных рамок и связь прошлого с настоящим, где создается цепь с нефиксированным количеством звеньев, которая выступает как самостоятельная риторическая конструкция и может сокращаться до ключевых имен, событий и периодов.

Уже в первой статье «Повести временных лет» за 852 год находим хронологическую выкладку с именем Авраама. Летописец говорит, что Русская земля впервые получила название при вступлении императора Михаила III на византийский престол. Обобщая предшествующие исторические события, летописец «для большей определенности устанавливаемой им хронологии русских событий» (Шахматов, 1940, т. 4, с. 64) дает хронологическую «справку» с точным указанием количества лет, прошедших от Адама до потопа, затем до Авраама, до «исхождения» Моисея (из Египта), до пророка Давида, до царства Соломона, до пленения Иерусалима, до Александра (Великого), до рождения Христа, до правления Константина (Великого) и, наконец, до начала царствия Михаила. Не ограничиваясь библейской и византийской историей, летописец включает в хронологический ряд русских князей — Олега, Игоря, Святослава, Ярополка, Владимира, Ярослава, Святослава. Таким образом, история Древней Руси встраивается, по выражению Шахматова, в мировую хронологическую сеть.

Мы не рассматриваем подробно вопрос установления временных промежутков вокруг имени Авраама, поскольку в данной работе нас больше интересует обращение к самому ветхозаветному персонажу и его контекст. Имя Авраама здесь обозначает одну из ключевых вех библейской истории. Стоит отметить, что названо только имя пророка, которое обрамляют два события — «потоп» и «исхождение Моисеево»; они могли бы быть заменены ключевыми именами, с ними связанными, — Ноя и Моисея соответственно. Однако имя Авраама, как и Адама, Давида, Константина, вероятно, не требует уточнения, в нем уже заключена аллюзия на то, что он первый патриарх, праотец избранного народа. Помимо того, имя Авраама (а не словосочетание с ним) как часть хронологического шаблона может быть таким звеном, которое в неизменном виде попадает в перечисление, при этом имеется в виду открытие истинной веры человечеству, начало послепотопного нового времени священной истории.

В иной форме упоминание ветхозаветного патриарха находим в хронологической выкладке в «Повѣсти о житии и о хрѣстоучѣнии» Александра Невского, составленной в 80-х годах XIII века:

Отъ Адама до потопа, от потопа до разделення языкъ, от развѣщенна языкъ до начала Авраамля, от Авраамля до пророка Иисраиля сквозе море <...> от начала царства Константинова до перьваго збора и седмаго — си вси добръ създѣаемь, а от насъ чинени не приемлемъ (цит. по: О законъ..., 1997, т. 5, с. 366).

В приведенном отрывке князь Александр сам пересказывает священную историю в ответном письме к папе Римскому, который в целях просвещения послал на Русь кардиналов, чтобы те поведали о Божественном Законе («поглышашн ѹчении нѹх о законѣ Божии»). Эта хронологическая выкладка имеет много общего с сюжетом летописной статьи за 986 год, где Владимир Великий выслушивает описание разных религий, в том числе речь греческого философа. Это полулегендарное событие стало ключевым в истории православия на Руси, поскольку именно речь философа убедила Владимира принять веру. Письмо Александра, в свою очередь, частично воспроизводит сказанное Владимиру за три столетия до того в схожей ситуации религиозной полемики. В «Житии» повторяются слова философа, за исключением временных промежутков: «Отъ Адама до потопа, от потопа до разделения языкъ» соответствует летописному «(Ѹ) Адама же до потопа лѣ(т): ꙗкѣ ѿ мѣсѣ, а ѿ потопа до раздѣленїа азыкъ лѣ(т): ѿ кѣсѣ».

2.2. Смена поколений

Перечисление имен персонажей священной истории, символизирующих то или иное поколение, продолжает тему хронологии и относится, по Пиккио, к риторическому приему, восходящему к Библии:

Священное Писание было не просто источником истины относительно значений слов или словесных конструкций. Оно представляло собой образец для подражания ... идеал риторического мастерства... подражание священным или авторитетным текстам христианской традиции превращалось в риторический прием (Пиккио, 2008, с. 433).

В продолжении «Повести временных лет» по киевскому списку, в статье за 1199 год о киевском князе Рюрике Ростиславовиче сказано: «Сын же болюбдрин князь Рюрикъ палтинъ взи(т) ѿ того [Всеволода Ярославича (сына Ярослава Мудрого. — Е. Б.)] накомже... Некѣ ѿ Аврама». И затем в подтверждение своих слов летописец приводит родословную: «Всеволодъ бо родн Володимера, Володимеръ же родн Шьстислава, Шьстиславъ же родн Ростислава, Ростиславъ же родн Рюрика».

Такой список потомков восходит к книге Бытия:

И поуже дѣрра лѣтѣ седмьдесятѣ и родн Аврама и Нахѹра и Аррана. Сїа же бытїа дѣрры: дѣрра родн Аврама и Нахѹра и Аррана. Арранъ же родн Лѹта» (Быт. 11:26–27).

Аналогичен источник и перечисления поколений, например:

Всѣхъ же родѹвъ ѿ Авраама до дѣда родѹе четыренѣдесѣте: и ѿ дѣда до преселѣнїа вавѹлонскаго родѹе четыренѣдесѣте: и ѿ преселѣнїа вавѹлонскаго до хрїста родѹе четыренѣдесѣте (Мф. 1:17).

В славянском переводе в последнем стихе книги Иова сказано: «*якоже быти емѣ питомѣ отъ Авраама*» (Иов. 42:17), — и также приводится родословная Иова: «*Бѣ же той отца ѹбо Зарѣфа, неаковыхъ сынокъ сынъ, матере же Вогорры*». Поэтому очевидно, что сравнение Рюрика с Иовом восходит к библейскому тексту. Рюрик «*заложн стѣноѹ каменоѹ подѣ црѣвьѹ стѣо Днѣхана оѹ Днѣпра*», которая была построена Всеволодом Ярославичем за четыре поколения до него, поэтому в основе сравнения — значимая связь с предком: Рюрик — наследник Всеволода в праведном деле, как Иов — Авраама. Таким образом, с помощью сравнения подчеркивается значимость как генеалогии ветви Всеволодовичей, описываемая по библейскому образцу, так и значимость самого Рюрика; эта значимость дополняется перечислением добродетелей, присущих другим библейским персонажам: «*яко нѣкоемъ вѣнованнѣ полагаше по Ивѣнфовѹ же цѣломовѣрнѣ и Ионсѣвоѹ добродѣтель, Дѣдѣвоѹ же кротость и Константинѣ правовѣрнѣ*».

Все случаи обращения к авраамической теме, рассмотренные нами в этой части статьи, воспроизводят или варьируют некоторую формулу, в рамках которой остается и образ Авраама: поскольку каждая формула отсылает к библейскому тексту, то за именем пророка стоит, прежде всего, открытие истинной веры через него человечеству. Для формулы необходимы предельные характеристики, поскольку она называет или перефразирует главнейшие аспекты веры: загробный мир — «*лоно Авраама*», избранный народ — «*чада Авраама*»; Бога, избравшего этот народ, — «*Бог Авраама, Исаака, Иакова*»; эпоху священной истории, ознаменованной жизнью пророка.

3. Свободные (неформульные) упоминания образа

Если формулы оперируют предельными значениями образа, которые оставляют только аллюзию на священную историю, то свободные обращения к имени Авраама отсылают непосредственно к Ветхому Завету, выделяя события жизни пророка, сюжет которой восходит как к библейским, так и апокрифическим текстам. Свободные упоминания играют, по Пиккио, «*маркирующую роль*», являясь «*тематическим ключом*» для прочтения «*двойного кода*» текста — «*непосредственного контекста и исходного образца*» (Пиккио, 2008, с. 436). По определению исследователя, задача любого «*тематического ключа*» — помочь «*уловить духовный смысл, скрытый за историческим повествованием*» (там же, с. 445). Поэтому мы покажем в следующих источниках «*экзегетические мотивы*» (там же, с. 440), связанные с именем Авраама, и рассмотрим их функции в тексте.

Прежде всего, стоит рассмотреть случай наиболее обусловленного обращения к авраамической теме, которое выполняет свою «*маркирующую роль*» в отношении живописи. А. А. Турилов, исследуя надписи XI—XIV веков, сохранившиеся на стенах храмов древнего Киева, описывает зачеркнутое в древности граффити XII века №172 на фреске «*Жертвоприношение Авраамово*» в Киевской Софии, которая «*сохра-*

нила один из древнейших в славянской традиции отрывков ветхозаветных библейских текстов» (Турилов, 2000, с. 40). На основании прориси и библейского текста восстанавливается следующее: «... и рече // чє Исаакъ къ Авраамовѣ... что естъ чадѣ еѣ огнь // и дрѣва къдѣ (іє(с)) овчѣ (и) рече // Авраамъ бѣ да оузрнѣтъ овчѣ чадѣ». Как отмечает Турилов, надпись восходит к книге Бытия:

Рече же ісаакъ ко Авраамѣ отцу своему: Отче. Онъ же рече: что естъ, чадѣ;
Рече же: еѣ, Огнь и дрѣва, гдѣ естъ овчѣ еже ко всеожженію; Рече же Авраамъ: бѣ
оузрнѣтъ себѣ овчѣ ко всеожженію, чадѣ (Быт. 22:7—8).

Согласно исследователю, с учетом 6-го стиха («Взя же Авраам дрова всеожжения и возложи на Исаака сына своего: взя же в руки и огонь, и ножь, и идоста оба вкупе») этот текст входит в паремии, четьи-минеи, «Острожскую Библию», «Толковую Палею». Нельзя точно определить, откуда именно знал автор надписи точную цитату, однако важно, что в качестве подписи к фреске она играет не просто иллюстрирующую роль, но и дополняет содержание изображения диалогом персонажей во время пути к месту заклания.

3.1. Сравнение

Сравнение с библейскими персонажами — одна из наиболее распространенных черт древнерусской книжности, особенно житийной. Так, Александр Невский сравнивается с Иисусом Навином: «Зде же прослави Богъ Александра предъ всѣми полки, яко же Навиа Навинна ѿ Врехона»⁶; и с Соломоном: «...яко же дрѣвѣ царца Южичьскаа приходѣ к Соломонѣ, хотѣши слышатѣ премудрости его. Тако и сей, именемъ Андрѣашъ, видѣвъ князя Александра и, возвратившѣ къ своимъ». Последний эпизод ранее находим в летописной статье (955 год) о поездке княгини Ольги в Константинополь, в которой много черт житийного жанра. Здесь Ольга уподоблена Эфиопской (Савской) царице, а император Константин — Соломону, как было показано выше.

Сравнения с Авраамом многочисленны и в древнерусской книжности. По-своему использует образ Авраама составитель паремийных чтений Борису и Глебу. С одной стороны, паремии представлены как ветхозаветные, поскольку делятся на три части чтений «отъ Бытия», но с другой — содержательно оказываются историческими паремиями, поскольку излагают события, связанные с борьбой за киевский престол после смерти Владимира Святославича.

Ярослав (Владимирович) узнает о смерти отца и о том, что Святополк занял киевский престол, убил Бориса и готовится убить Глеба. По

⁶ Сравнение восходит к библейскому сюжету о взятии города Иерихона: «И рече гдѣ къ мѡѡсѣю: еѣ, оузрнши, что сотвори фарѡнъ: рѣкомъ ко крѣпкомъ шпѣтитѣ и ѣхъ и мѡщєю высокою изженѣтъ иѣхъ ѿ земли своеѣ» (Ис. 6:1).

мнению А. А. Гишпиуса, мученичество братьев в паремиях отходит на второй план, уступая теме мести Ярослава за них (Гишпиус, 2010, с. 70). Ярославу удается убедить новгородцев собрать войско против Святополка. Перечислив воинов князя, автор паремий сравнивает его с ветхозаветным пророком:

И сжебра Ярославъ варягъ 6000, а прочихъ кон 30 тысящъ, понде на Святополка, възпринимъ Авраамлю довлеть (Милютенко Н. И., 2006, с. 348)

Далее следует библейская цитата:

Слышавъ же Аврамъ, яко плъненъ бысть Лотъ братъннчъ ѳгвѣ, сочтѣ домохъдцы своѣ триста и осемнадесятъ, и погна блъждъ ихъ даже до дана. И нападе на нѣ ношю сѣмъ и Строцы ѳгвѣ (сх нимъ): и порази ихъ и гони ихъ даже до хобѣла, иже ѳсть ошвню дамѣка: и возврати блъ кѣнныа сѣдомскѣа, и Лотъ сына брата своѣгв возврати, и блъ имѣнѣа ѳгвѣ, и жены, и лѣди (Быт. 14: 14—16).

Этот текст, как настоящие «чтения от бытия», поясняет уподобление:

Слышавъ бо Авраамъ, яко плъненъ бысть Лотъ, сыновѣцъ его, и сжебра сѣди своѣ 300 и ѣ, и понде до дана, възвездъ ихъ. И постиже ѣ на хобѣлѣ, и изен ѣ, и възврати блъ конѣ сѣдомскыа и Лотъ Яроновнѣа, шюрнѣа своѣго, и именне его, и женѣ его (Милютенко, 2006, с. 348).

Сходство во многом относительно: Авраам спасает Лота из плена, Ярослав идет мстить за убитых братьев. Гишпиус отмечает сходство не «фигур», но «ситуаций» (Гишпиус, 2010, с. 63): вместе с Авраамом идут 318 его слуг, вместе с Ярославом — новгородцы, последовавшие долгу служения князю («братнѣ, Бога контеѣа, князи чѣтѣте, Господѣн бо слъга естѣ, не тѣне бо мечъ носитѣ — въ мьсть злодѣемъ, в хѣлѣ же добродѣтелемъ»). Таким образом, уподобляя Ярослава Аврааму, составитель паремий, возможно, характеризует самих новгородцев, «представляя их не нанятыми за вознаграждение воинами, но сплоченными вокруг своего князя мстителями за кровь Бориса и Глеба» (Гишпиус, 2010, с. 67).

Образ Святополка Н. И. Милютенко обосновывает через сравнение Ярослава с Авраамом (Милютенко, 2006, с. 246). Святополк уподобляется Антиоху как жестокий правитель: «...отхитъ ко отъ насъ Богъ володнѣа, а Святополка наведе грѣхъ ради нашнхъ, такоже дрѣвѣа наведе на Перѣсѣаннѣа Антиохѣа». По Библии, Иерусалим от Антиоха освободил Иуда Маккавей, однако, как утверждает исследователь, автор паремий не мог сравнить князя со священником, восставшим против царя, поэтому уподобил его Аврааму, освобождающему от плена Лота: образ праотца священного народа более достоин сравнения с князем-освободителем.

Чтение про Авраама заканчивается еще одной сравнительной конструкцией: «Такъ и син Ярославъ, новыи Аврамъ, понде на Святополка». Автор также сравнивает Святополка с Ламехом в вольном пересказе «Хро-

ники» Георгия Амартола (Гиппиус, 2010, с. 51): «Сын же Святотролкъ новый Ламѣхъ выитъ». Н. Н. Невзорова относит конструкции «новый Аврамъ»⁷ и «новый Ламѣхъ» к идейному сопоставлению описываемых событий с ветхозаветными: «в тексте появляются и “новый Авраам” (обновление благословения), и “новый Авимелех” (обновление суда), и “мысленный” “новый Иерусалим” (обновление благодати)» (цит. по: Невзорова, 2004, с. 436). Святополк сравнивается с ветхозаветным Ламехом, как и Ярослав с Авраамом, через сравнительный «трафаретный оборот» (Пикио, 2008, с. 104) «новый», что создает некоторую риторическую симметрию, однако перечень уподоблений Святополка гораздо шире и не сконцентрирован в первую очередь на этом образе: автор проводит аналогию с Каином и Авимелехом.

Паремийные чтения Борису и Глебу — не имеющий аналогов⁸ пример включения светского текста в корпус библейских книг, паремийных чтений, обычно составленных из цитат Священного Писания. Обращение к авраамической теме обусловлено сюжетом. Сравнение князя с пророком дается цитатами из Библии, апокрифов и отсылает к летописи. Неоднозначная формулировка «новый Авраам» может быть перифразой сравнения на уровне сопоставленных событий, но вместе с тем может и отсылать к ветхозаветному образу в целом. В последнем случае статус сравнения оказывается практически предельным, поскольку Авраам берется во внимание как первый пророк, прародитель избранного народа и борец за праведников. Так или иначе, рефлексия автора паремий над ветхозаветной образностью соединяет период недавней истории Руси с древним, священным прошлым не только хронологически, но и через событийную аналогию.

3.2. Топонимы и автосравнение в «Хождении» Игумена Даниила

«Хождение» игумена Даниила — первый автобиографический травелог в древнерусской книжности. Даниил подробно описывает, как в 1104—1106 годах он совершал паломничество в Иерусалим: «И благодатню Божию доходящих святяго града Иерусалима и видѣхъ святяга мѣста, обходящихъ всю землю Галилейскую и около святяго града Иерусалима по святыхъ

⁷ Сравнение «новый Авраам» также можно определить как формулу, тем более что оно в аналогичной форме встречается в служебных текстах. Так, в Минее праздничной на 10 июля Антоний Печерский, переселившийся в монастырь на Афонской горе, сравнивается с Авраамом: «Днесь гора афонская, якоже новаго Авраама преемника, чти преемникъ, отче, приемши, радуетца». Здесь очевидна аллюзия на выход Авраама из Ура в Ханаан: «И поиде д. Авраама сына своего и лота сына Авраама, сына сына своего, и саръ сноху свою, жену Авраама сына своего: и изведе ихъ изъ земли халдейскыи ити на землю ханаанскыи: и приидоша даже до харрана и вселишася тамъ» (Быт. 11:31).

⁸ «Беспрецедентное включение текста в корпус библич. книг, сопровождаемое маскирующими его неканоничность квазибиблейскими заголовками» (Гиппиус, 2010, с. 71).

мѣтом» (цит. по: О законѣ..., 1997, т. 4, с. 26). Автор говорит о городах, церквях и святых местах, которые посещает, соприкасается со всеми библейскими реалиями, о которых ранее знал только из книг, и его так называемые путевые заметки изобилуют пересказами сюжетов Священного Писания.

Среди прочего Даниил описывает места, связанные с жизнью Авраама. В комментариях игумена они сближаются с событиями новозаветной истории. Так, говоря о «жертвенницѣ Авраамовѣ», где вместо Исаака был заклан овен, Даниил отмечает, что там же «Христосъ взведенъ бысть на жертвѣ и закланъ бысть нас ради грѣшныхъ», и до конца отрывка говорит о распятии Иисуса. Рассказывая «о Вифломѣ», автор вновь упоминает заклание, однако более подробно описывает, откуда Авраам повел сына: «По полю `вереть до сѣдана Авраамла, идѣже отрока своего остави съ ослатемъ Авраамъ, и поа сына своего Исаака на жертвѣ» (цит. по: О законѣ..., 1997, т. 4, с. 46). Также Даниил говорит о пещере в Хевроне и Мамврийском дубе, которые связаны с благословением, данным пророку, и началом избранного народа — самыми значимыми событиями в жизни Авраама и в священной истории:

И под тѣмъ дѣвѣхъ принде Святца Тронца к патриархѣ Авраамѣ и тѣ оубѣда ѣ него под тѣмъ дѣвомъ святымъ. И тѣ благословн Святца Тронца Авраама и Саррѣ, женѣ его, и ба има родити Исаака на старость» (там же, с. 72).

В «Хождении» многие священные события и реалии становятся топосами: «Взикрение Христово», «Святца Святыхъ», — между которыми расстояние «яко дважди дострѣлти можетъ», также «клятвенный кладезъ Авраамовъ», от «Свѣбой пещеры» до которого «вереть Ю», «дѣе Мамврийскнй». Таким образом, Авраам у Даниила, несомненно, реальный исторический персонаж, о жизни которого свидетельствуют святые места. Однако последняя фраза «Хождения» поворачивает систему заметок о библейской истории в биографическом аспекте: «Блаженн же видѣше върѣваша, трѣблаженн не видѣшнѣ върѣвавшѣ. Вѣромъ ко принде Авраамъ в Землю обѣтованнѣю. Понистинѣ ко есть въра равна докрымъ дѣломъ» (цит. по: О законѣ..., 1997, т. 4, с. 117). Несмотря на самоуничижение в начале («Се азъ недостойный игуменъ Данна Рѣкни земля, хѣвши ко всѣхъ мннѣхъ, смѣреннѣй грѣхн многимн, недоволенъ сынъ ко всякомъ дѣлѣ блазѣ, понѣженъ мыслню своєю и нетрѣпннемъ монимъ, похотѣхъ видѣти святый градъ Иерусалимъ и Землю обѣтованнѣю» (там же, с. 26)), в заключение Даниил сравнивает себя, увидевшего Иерусалим, с Авраамом, которому также по вере было дано прийти в обетованную землю, Ханаан.

3.3. Священная история в «речи философа»

Самое пространное обращение к авраамической теме среди рассматриваемых случаев находим в летописной статье за 986 год. Главный сюжетный элемент статьи — речь греческого философа, который отвечает на вопрос Владимира Великого: «Что ра(д) сннде Бѣ на землю и страсть такъ приагъ» — и рассказывает священную историю от сотворения мира до распятия Христа и крещения народов: «где христианство стало толкованием истории, там миссионерская проповедь превращается в урок истории» (Мюллер, 2000, с. 226). Среди прочего философ говорит о жизни Авраама. Пересказ философа соответствует Книге Бытия, за некоторым исключением: отец Авраама, Фара, был язычником и делал «кумиров»; Аврааму была открыта истинная вера, и он упрекал отца в искушении людей язычеством; Авраам поджиг «храмину» отца, в пожаре погиб его брат Аран, пытавшийся спасти идолов, об этом эпизоде — как переломном в священной истории — отдельно сказано: «Пре гѣмъ во не оумирахъ снѣхъ предъхъ вѣмъ, но вѣць пре(д) снѣмъ, и в̄ сего начаша оумирагн снѣвѣ пре(д) вѣмъ». Саймон Франклин (Simon Franklin) предполагает, что источником этой внебиблейской фактологии были византийские хроники и апокрифическое сочинение «Книга Юбилеев», «Малое Бытие», написанное примерно в I веке нашей эры. В частности, Франклин отмечает, что эпизода о смерти сына прежде отца нет в «Книге Юбилеев» и большинстве византийских источников (Franklin, 1982, p. 17), однако он текстологически совпадает с источником «Хроники» Георгия Амартола — трактатом «Панарион» Епифания Кипрского (Franklin, 1982, p. 17).

Среди источников «речи философа» Франклин называет «Летописец еллинский и римский», отмечая расхождения. Так, в «Летописце» нет следующего эпизода:

Авраамъ же пришедъ въ оу(м), възрѣвъ на небо и ре(ч): «во истинѣ что естъ Бѣ, ниже створи на небо и землю, а вѣць мон прельщае(т) члѣкы», — и ре(ч) Аврамъ: «искѣшю въ вѣдѣ свое(г)». И ре(ч): «вѣе, прельщаешн члѣкы, твора кѣмры дребалны, что естъ Бѣ, ниже створи на небо и землю» (Полное собрание русских летописей, т. 2, с. 56).

Взгляд на небо и упрек отцу присутствует, как отмечает Франклин, не только в греческих хрониках, но также в иудейской и христианской экзегезе, в славянском апокрифе «Откровение Авраама» и восходят к тексту «Книги Юбилеев». Максимально близким источником к этим эпизодам жизни Авраама в «речи философа» остается «Хронография» Иоанна Малалы или ее протограф. По предположению Франклина, на Руси не было полного перевода «Книги Юбилеев», только извлечения из нее, входившие в переводимые греческие хроники⁹. Источник еще

⁹ «...On occasion the Russian historical compendia do refer explicitly to the Book of Jubilees <...> they ('quotations' in 'Philosophers's Speech'. — E. B.) are verbatim translations from Greek texts wich themselves include the reference to the Book of Jubilees» (Franklin, 1982, p. 19).

одного внебиблейского фрагмента¹⁰ летописной истории про Авраама («Ѣ въ Аврамъ поазъ братъню дщерь, Фроню, Сарру») остается неизвестным, поскольку в «Книге Юбилеев», как отмечает Франклин, Сарра — дочь не Арана, брата Авраама, но его отца, то есть сестра своего мужа.

Таким образом, история Авраама в «речи философа» восходит к Библии и к апокрифическому тексту, объединяя два источника посредством греческих и византийских хроник — Иоанна Малалы, Георгия Амартола или «Хронографа», лежащего в основе «Летописца Еллинского и Римского». Как отмечает Франклин, в Киевской Руси были известны и распространены византийские переложения Ветхого Завета, даже если фактологически они не соответствовали Библии¹¹. «Речь философа» подтверждает слова Л. Мюллера о древнерусской книжности: «...библейский текст часто обогащается внебиблейскими повествованиями» (Мюллер, 2000, с. 226). Летописец обращается к авраамической теме в подробном пересказе священной истории, что показывает, насколько нефиксированным был библейский дискурс XI—XIII веков, а книжность допускала многоплановые компиляции.

Мы рассмотрели различные случаи обращения к имени Авраама в оригинальной литературе Древней Руси XI—XIII веков. В зависимости от контекста формульные и свободные упоминания Авраама отсылают к жизни ветхозаветного пророка или библейской истории в целом. Образ праотца избранного народа в формулах представлен преимущественно как символ Ветхого Завета, аллюзия на главные события священной истории: открытие человечеству истинной веры в новом, послепотопном, периоде и начало исторического пути избранного народа. Свободные упоминания имени Авраама больше сконцентрированы в описании менее значительных эпизодах его жизни (например, освобождение Лота из плена) и личных качеств, таких как доблесть и страннoлюбие. Формулы всегда встраиваются в риторическую конструкцию как дополнение. Неформульное обращение к образу всегда мотивировано контекстом и выступает преимущественно в качестве «тематического ключа» текста, события в котором трактуются через священную историю. Вместе с тем такие обращения могут становиться как элементом сравнения персонажей, так и сюжетообразующей основой повествования.

Автор выражает благодарность Алексею Алексеевичу Гиппиусу за помощь и комментарии при подготовке текста.

¹⁰ В Библии не говорится о родственных отношениях между Сарой и Авраамом: «И поазъта Аврамъ и нахъоръ свѣѣ жены: и ѿма женѣ Аврамъ сара, и ѿма женѣ нахъоръ вѣ мѣльха, дщи Аррана: сѣи сѣтъ отѣца мѣльхинъ и отѣца сѣхинъ» (Быт. 11:29).

¹¹ Например: «...the Kievans knew and accepted common contemporary Byzantine paraphrases of the Old Testament even when the 'facts' were not supposed by the Bible» (Franklin, 1982, p. 24).

Список литературы

Акентьев К. К. «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591. СПб., 2005. Т. 3. С. 116—152.

Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

Бахтина О. Н. Старообрядческая литература и традиции христианского понимания слова. Томск, 1999.

Библия, сиречь книги священного писания Ветхого и Нового завета с параллельными местами. СПб., 1900.

Водолазкин Е. Г. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI—XV веков) / отв. ред. А. П. Дмитриев. СПб., 2008.

Въпрашанье Изяслава князя, сына Ярославля, внука Володимирия, игумена Федосья Печерского монастыря // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. СПб., 1997. Т. 1. С. 446—448.

Гиппиус А. А. «Летописные» паремийные чтения о Борисе и Глебе: история текста и исторический контекст // Факты и знаки: исследования по семиотике истории / под ред. Б. А. Успенского, Ф. Б. Успенского. М., 2010. Вып. 2. С. 42—71.

Данилевский И. Н. Библия как источник Повести временных лет и предшествующих ей сводов // Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С. 90—110.

Живов В. М. Святость : краткий словарь агиографических терминов. М., 1994.

Житие и хождение Даниила Русьския земли игумена // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. СПб., 1997. Т. 4. С. 26—117.

Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908.

Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. СПб., 1997. Т. 4. С. 296—489.

Месяца июля 24. Святым мученикам Борису и Глебу. От Бытия на вечерне чтения 3 // Милпотенко Н. И. Святые князья-мученики Борис и Глеб : исследование и тексты. СПб., 2006. С. 346—355.

Милотенко Н. И. Паримийные чтения святым Борису и Глебу // Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб., 2006. С. 212—248.

Миней. М., 1995 (репринт. изд.).

Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000.

Невзорова Н. Н. Паремии Борису и Глебу: опыт прочтения // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. О. В. Творогов. СПб., 2004. Т. 56. С. 428—452.

О законѣ, Моисѣомъ даннѣмъ, и о благодѣти и истинѣ, Исусомъ Христомъ бывшии и како законъ отиде, благодѣть же и истина всю землю исполни, и въра въ вся языки простресе и до нашего языка рускаго, и похвала кагану нашему Володимеру, от негоже крени Быхомъ, и молитва къ Богу от всеа земля // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. СПб., 1997. Т. 1. С. 26—61.

Остромирово Евангелие // Российская национальная библиотека. Ф. п. I. 5. URL: http://expositions.nlr.ru/ex_manus/Ostromir_Gospel/_Project/page_Manuscripts.php?izo=B42EB88E-8BD8-44A1-9754-EF88B39E7CAC (дата обращения: 02.03.2018).

Пиккио P. Slavia Orthodoxa: литература и язык / отв. ред. Н. Н. Сокольская, В. В. Калугин. М., 2008.

Повѣсть о житии и о храбрости благовѣрнаго и великаго князя Александра // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. СПб., 1997. Т. 5. С. 358—369.

Ранчин А.М. О топике в древнерусской словесности: к проблеме разграничения топов и цитат // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2012. №3 (49). С. 21–32.

Творогов О.В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л. 1964. Т. 20. С. 29–40.

Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л., 1964. Т. 56.

Турилов А.А. Заметки о киевских граффити // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000. С. 26–58.

Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы / ред. А.С. Орлов. М. ; Л., 1940. Т. 4. С. 9–150.

Franklin S. Some Apocryphal Sources of Kievan Russian Historiography // Oxford Slavonic Papers. 1982. Vol. 15. P. 1–27.

Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Об авторе

Евгения Вячеславовна Бельская, магистрант, НИУ «Высшая школа экономики», Россия.

E-mail: evgenia.belskaja@yandex.ru

Для цитирования:

Бельская Е.В. Упоминания имени праотца Авраама в оригинальной литературе Древней Руси XI–XIII вв. 2018 // Слово.ру: балтийский акцент. Т. 9, №2. С. 98–121. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-9.

THE NAME OF PROPHET ABRAHAM IN THE OLD RUSSIAN LITERATURE OF XI–XIII CENTURIES

E. V. Belskaya ¹

¹ National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia
Submitted on July 15, 2017
doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-9

The spread of Christianity in Russia contributed to the development of writing and had a direct impact on the thematic, genre, figurative features of spiritual, and later secular literature. In this article, we consider the image of Abraham, one of the Biblical forefathers, along with Isaac, Jacob and Joseph, who are central to Old Testament. The author analyzes the mentioning of his name in various contexts of ancient Russian literature of the 11th–13th centuries – the Tale of Bygone Years, the Teaching and Prayer of Theodosius of Pechersky, the Ostromir's Gospel, the Words and Instructions of Cyril of Turov, the Tale of Boris and Gleb and some others. The author distinguishes free and formulaic references to the prophet's name. An example of free reference is a comparison of the events of the recent past with an episode from Abraham's life. Examples of formulaic references include cases like "Abraham bosom", "children of Abraham", where Abraham not only appears as a forefather of the sacred people, but also personifies the afterlife. The name of Abraham is described in the historical chronology, in which the prophet appears as the emblem of time or a genus.

Depending on the context, the formulaic and free references to his name in the Old Testament belong to the period of the sacred history when Abraham lived or to all the biblical events simultaneously. Free reference of Abraham's name occurs less often and mostly in the episode of the liberation of Lot from captivity, and in the description of his personal qualities,

such as his hospitality. Formulas are always built into rhetorical constructions such as additions, and the image of the forefather of the chosen people in the formulas appears primarily as a symbol of the Old Testament.

Keywords: Abraham's name, the biblical image, the biblical formula, Old Russian literature, the Tale of Bygone Years, Abraham bosom, children of Abraham

References

Akent'ev, K.K., 2005. 'Slovo o zakone i blagodati' Ilariona Kievskogo ['The Word of Law and Grace' by Hilarion of Kiev]. Vol. 3. St. Petersburg. pp. 116–152 (in Russ.).

Alekseev, A.A., 1999. *Tekstologiya slavyanskoj Biblii* [Textology of the Slavic Bible]. St. Petersburg (in Russ.).

Bahtina, O.N., 1999. *Staroobryadcheskaya literatura i traditsii khristianskogo ponimaniya slova* [Old Believer literature and traditions of Christian understanding of the word]. Tomsk (in Russ.).

Bibliya, sirech' knigi svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo zaveta s parallel'nymi mestami [The Bible, the books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments with parallel places], 1900. St. Petersburg (in Russ.).

Vodolazkin, E.G., 2008. *Vsemirnaya istoriya v literature Drevnei Rusi (na materiale khronograficheskogo i paleinogo povestvovaniya XI–XV vekov)* [World history in the literature of Ancient Russia (on the basis of the chronographic and paleic narration of the XI–XV centuries)]. St. Petersburg (in Russ.).

Vprashanie Izyaslav prince, the son of Yaroslavl, the grandson of Volodymyr, hegumen Fedosya Pechersky monastery, 1997. In: D.S. Likhacheva, L.A. Dmitrieva, eds. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* [The Library of Ancient Rus' Literature]. Vol. 1. St. Petersburg. pp. 446–448 (in Russ.).

Gippius, A.A., 2010. 'Chronicle' readings of paremias about Boris and Gleb: the history of the text and the historical context. In: B.A. Uspenskii, F.B. Uspenskii. *Fakty i znaki: issledovaniya po semiotike istorii* [Facts and signs: research on the semiotics of history]. Moscow. pp. 42–71 (in Russ.).

Danilevskij, I.N., 2004. The Bible as the source of the Tale of Bygone Years and its prior corpuses. In: *Povest vremennykh let: germenevicheskie osnovy istochnikovedeniya letopisnykh tekstov* [The Tale of Bygone Years: Hermeneutical foundations of the source study of annalistic texts]. Moscow. pp. 90–110 (in Russ.).

Zhivov, V.M., 1994. *Svyatost'. Kratkii slovar' agiograficheskikh terminov* [Holiness. A brief dictionary of hagiographic terms]. Moscow.

Life and pilgrimage of Danil from the Russian land, 1997. In: D.S. Likhacheva, L.A. Dmitrieva, eds. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* [The Library of Ancient Rus' Literature]. Vol. 4. St. Petersburg. pp. 26–117 (in Russ.).

1908. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. St. Petersburg. (in Russ.).

Kyiv-Pechersk Patericon, 1997. In: D.S. Likhacheva, L.A. Dmitrieva, eds. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* [The Library of Ancient Rus' Literature]. Vol. 4. St. Petersburg. pp. 296–489 (in Russ.).

The month of July 24. To the holy martyrs Boris and Gleb. From Genesis at the Vespers of Reading 3, 2006. In: N.I. Milyutenko. *Svyatye knyaz'ya-mucheniki Boris i Gleb: (issledovaniya i teksty)* [The holy princes of martyrdom Boris and Gleb: (research and texts)]. St. Petersburg. pp. 346–355 (in Russ.).

1995. *Mesyac maj: Minei* [Month May: Mineas]. Moscow (in Russ.).

Milyutenko, N.I., 2006. Readings of paremias to Saint Boris and Gleb. In: *Svyatye knyaz'ya-mucheniki Boris i Gleb* [The Holy Princes-Martyrs Boris and Gleb]. St. Petersburg. pp. 212–248 (in Russ.).

Minei [Mineas], 1995. Moscow (in Russ.).

Myuller, L., 2000. *Ponyat' Rossiyu: istoriko-kul'turnye issledovaniya* [Understand Russia: historical and cultural studies.]. Moscow (in Russ.).

Nezvorova, N.N., 2004. Paremias to Boris and Gleb: the experience of reading). In: O.V. Tvorogov, ed. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 56. St. Petersburg. pp. 428–452 (in Russ.).

About the Law, through Moses given, and about Grace and Truth through Jesus Christ revealed, and as the Law departed, but Grace and Truth filled the whole earth, and faith in all nations spread, and reached our Russian people. And praise our prince Vladimir, whom we were baptized. And prayer to God from all our land, 1997. In: D.S. Likhacheva, L.A. Dmitrieva, eds. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* [The Library of Ancient Rus' Literature]. Vol. 1. St. Petersburg. 1, pp. 26–61 (in Russ.).

Ostromir Gospels. *Rossiiskaya natsional'naya biblioteka* [Russian State Library]. Available at: http://expositions.nlr.ru/ex_manus/Ostromir_Gospel/_Project/page_Manuscripts.php?izo=B42EB88E-8BD8-44A1-9754-EF88B39E7CAC [Accessed 02 December 2017] (in Russ.).

Picchio, Riccardo, 2008. *Slavia Orthodoxa: Literatura i yazyk* [Slavia Orthodoxa: literature and language]. Moscow (in Russ.).

A story about the life and bravery of the blessed and great Prince Alexander, 1997. In: D.S. Likhacheva, L.A. Dmitrieva, eds. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* [The Library of Ancient Rus' Literature]. Vol. 5. St. Petersburg. pp. 358–369 (in Russ.).

Ranchin, A.M., 2012. On the topic in the Old Russian literature: the problem of distinguishing of topos and quotations. *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki* [Early Rus': Questions of Medieval Studies], 3(49), pp. 21–32 (in Russ.).

Tvorogov, O.V., 1964. Problems of studying the stable literary formulas of Early Rus'. In: *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 20. Moscow. pp. 29–40 (in Russ.).

Turilov, A.A., 2000. Notes on Kievan graffiti. In: *Linguisticheskoe istochnikov edeniei istoriya russkogoy azyka* [Linguistic source study and the history of the Russian language]. Moscow. pp. 26–58 (in Russ.).

Shahmatov, A. A., 1940. The Tale of Bygone Years and its sources. In: *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* (Works of the Department of Old Russian Literature). Vol. 4 Moscow. pp. 9–150 (in Russ.).

Franklin, S., 1982. Some Apocryphal Sources of Kievan Russian Historiography. *Oxford Slavonic Papers*, 15, pp. 1–27.

Franklin, S., 2002. *Writing, Society and Culture in Early Rus*. Cambridge. pp. 950–1300.

The author

Evgeniya V. Belskaya, Master Student, National Research University “Higher School of Economics”, Russia.

E-mail: evgenia.belskaja@yandex.ru

To cite this article:

Belskaya E. V. 2018, The Name of Prophet Abraham in the Old Russian Literature of XI–XIII centuries, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 2, p. 98–121. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-9.

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи – до 1,5 п.л.; научного сообщения – до 0,5 п.л. (включая заглавие, аннотацию, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках).

4. Все присланные в редакцию рукописи проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку по системе «Антиплагиат», по результатам чего принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Уровень оригинальности авторских материалов по данным системы «Антиплагиат» должен составлять не менее 80 % (с учетом оформленного цитирования и самцитирования).

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Для рассмотрения редакционной коллегией статья может быть отправлена по электронной почте главному редактору либо ответственному редактору журнала. Также статья может быть подана на рассмотрение через электронную форму на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/>

7. Решение о публикации (доработке, отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

- название статьи строчными буквами на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и summary на английском языке (200–250 слов); аннотация располагается перед ключевыми словами после заглавия, summary – после статьи перед references;

- ключевые слова на русском и английском языках (4–10 слов); располагаются перед текстом после аннотации;

- список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, и references на латинице (Harvard System of Referencing Guide);

- сведения об авторе(-ах) на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, почтовый адрес места работы).

2. Оформление списка литературы.

- Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Сначала перечисляются источники на русском языке, затем – на иностранных языках.

Если в списке литературы есть несколько публикаций одного автора одного года издания, то рядом с годом издания каждого источника ставятся буквы *a*, *b* и др. Например:

Брюшинкин В. Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148 – 167.

Кант И. Прелегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht ; Boston ; L., 1992.

• Источники, опубликованные в интернет-изданиях или размещенные на интернет-ресурсах, должны содержать точный электронный адрес и обязательно дату обращения к источнику (в круглых скобках) по образцу:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (дата обращения: 09.11.2009).

3. Оформление references.

В английский блок статьи необходимо добавить список литературы на латинице (references), оформленный по требованиям *Harvard System of Referencing Guide*: сначала дается автор, затем год издания. В отличие от списка литературы, где авторы выделяются курсивом, в references курсивом выделяется название книги (журнала). В квадратных скобках дается перевод на английский язык названия указанного источника, если он издан не на латинице. Например:

Книга на кириллице: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh sojazej v sovremennoj vseobshnej sisteme gosudarstvo* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern system of universal], Moscow, 363 p.

Книга на латинице: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Журнальная статья на кириллице: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of international scientific and technological cooperation between Russia], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available at: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Журнальная статья на латинице: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

Более подробно с правилами составления references можно ознакомиться на сайте: libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. Оформление ссылок на литературу в тексте.

• Ссылки на литературу в тексте даются в круглых скобках: автор или название источника из списка литературы и через запятую год и (для цитаты) номер страницы: (Кант, 1994а, с. 197) или (Howell, 1992, p. 297).

• Ссылка на многотомное издание: автор или название источника из списка литературы, затем через запятую год, номер тома и номер страницы: (Шопенгауэр, 2001, т. 3, с. 22).

5. Предоставленные для публикации материалы, не отвечающие вышеизложенным требованиям, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/>

Порядок рецензирования рукописей

1. Все рукописи, поступившие в редколлегию, проходят двойное «слепое» рецензирование.

2. Главный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования определяются с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии устанавливается:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли в данной области;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом имеющейся по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале.

5. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, главный редактор журнала направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная к публикации хотя бы одним из рецензентов, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией.

9. После принятия редколлегией решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала в течение пяти лет.

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2018

Том 9

№ 2

Редактор *Л. Г. Ванцева*. Корректор *Е. В. Владимирова*
Компьютерная верстка *А. В. Иванов*

Подписано в печать 18.07.2018 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,9
Тираж 100 экз. (1-й завод — 37 экз.). Заказ 170

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

